С. Г. ГОРШКОВ

НА ЮЖНОМ ПРИМОРСКОМ ФЛАНГЕ

осень 1941–1944 весна

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Издание: Горшков С. Г. На южном приморском фланге. — М.: Воениздат, 1989.

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

[1] Так помечены ссылки на примечания.

Аннотация издательства: Рассматриваются оперативно-тактические вопросы совместных действий Красной Армии и Военно-Морского Флота на театре Черного и Азовского морей, в сражениях за Одессу, Севастополь и Новороссийск в Великой Отечественной войне. Книга рассчитана на офицерский состав Вооруженных Сил СССР.

- Горшков Сергей Георгиевич.
- Предисловие
- Глава первая. Южное направление в планах немецко-фашистского командования
- Глава вторая. Противник рвется в Крым
- Глава третья. Победа и поражение в Крыму
- Глава четвертая. На Азовском море
- Глава пятая. Оборона Новороссийска
- Глава шестая. В наступательных операциях
- Глава седьмая. Вновь на Азовском море
- Заключение
- Указатель
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105

- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149

- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193

- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237

- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275

Горшков Сергей Георгиевич. На южном приморском фланге (осень 1941 г. — весна 1944 г.)

Содержание

Предисловие [3]
Глава 1. Южное направление в планах немецко-фашистского командования [14]
Глава 2. Противник рвется в Крым [29]
Глава 3. Победа и поражение в Крыму [52]
Глава 4. На Азовском море [89]
Глава 5. Оборона Новороссийска [126]
Глава 6. В наступательных операциях [181]
Глава 7. Вновь на Азовском море [223]
Заключение [268]
Указатель
Примечания

Предисловие

Все дальше и дальше уходят в историю грозные годы Великой Отечественной войны, но стремительному бегу времени не подвластна память советских людей. Они вечно будут помнить о тех жертвах, которые принесены во имя свободы и независимости нашей социалистической Родины, во имя мира на земле и счастья всех людей планеты. Мы твердо усвоили один из главных уроков — с агрессивными замыслами реакционных империалистических кругов надо бороться еще в мирное время, чтобы не допустить новой мировой войны. А для этого необходимо знать историю возникновения войн, развязываемых империализмом, стратегию и тактику их ведения и помнить о поистине героических усилиях Советских Вооруженных Сил по срыву этих замыслов.

Это тем более важно, что в настоящее время, характеризующееся, с одной стороны, глубокой противоречивостью современного мира и коренными различиями государств, его составляющих, а с другой — взаимосвязанностью, взаимозависимостью их, возникла проблема выживания человечества, ибо появление и угроза применения ядерного оружия поставили под вопрос само его существование.

В Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в смертельной схватке столкнулись не просто Вооруженные Силы СССР с войсками гитлеровской Германии и ее сателлитов. Это была невиданная по своим масштабам и ожесточенности битва первого в мире социалистического государства с наиболее реакционной ударной силой империализма — фашизмом, целью которого являлось завоевание мирового господства. Как известно, гитлеровское [4] руководство ставило перед своими вооруженными силами задачу не только овладеть территорией Советского Союза и поработить советский народ. Оно планировало, используя поддержку явных и потенциальных союзников, через южные границы нашего государства выйти на территории стран Ближнего и Среднего Востока, утвердить там свое господство, создав таким образом плацдарм для прыжка в Индию. «После окончания Восточной кампании необходимо предусмотреть захват Афганистана и организацию наступления на Индию», — гласило указание Гитлера, зафиксированное в служебном дневнике верховного главнокомандования вермахта за 17 февраля 1941 г. Затем наступила бы очередь американского континента. Подвиг советского народа, остановившего полчища фашистских войск и разгромившего их, приобрел всемирно-историческое значение. В этой борьбе победу одержали передовой

социалистический строй, социалистическая экономическая система, советский народ и его Вооруженные Силы, руководимые Коммунистической партией.

Далась Победа нелегко. Особенно тяжелым был первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.).

Перед нападением на Советский Союз гитлеровская Германия располагала экономическим потенциалом порабощенных стран Европы. Ее полностью отмобилизованные вооруженные силы уже имели опыт ведения маневренных операций. Опьяненное легкими победами в Европе, военно-политическое руководство Германии рассчитывало и на победу в «молниеносной войне» против СССР. Пожар войны вспыхнул от Баренцева моря до Черного. Мощные ударные группировки врага, его танковые соединения, используя фактор внезапности и превосходства в силах, в первые же дни войны вклинились на главных стратегических направлениях в глубь советской территории на сотни километров.

Многие политические деятели и военные специалисты империалистических государств были уверены, что Советский Союз не выдержит обрушившихся на него мощных ударов и сопротивление вторжению продлится не более нескольких недель. Таких взглядов придерживались британский генеральный штаб, военный министр США Г. Стимсон, министр военно-морских сил США Ф. Нокс, начальник штаба генерал Д. Маршалл. Это же подтверждает и видный американский специалист по международным вопросам Г. Моргентау, констатируя, что «… когда [5] в 1941 г. Германия напала на Советский Союз, военные круги Запада полагали, что в лучшем случае капитуляция русских последует самое большее через шесть месяцев».[1]

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль придерживался тех же взглядов, опираясь на мнение «ответственных военных» о том, что русские армии будут быстро разгромлены и в основном уничтожены. Эти «ответственные военные» (как, впрочем, и сам У. Черчилль) не смогли в то время глубоко проникнуть в суть действительного характера военно-политической обстановки и правильно оценить подлинные материальные и духовные силы социалистического государства.

В то же время руководители США и Великобритании понимали, что в случае победы гитлеровской Германии над Советским Союзом возникнет угроза и их государствам. Так, У. Черчилль, выступая по радио в июне 1941 г., говорил: «Гитлер хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров… Его вторжение в Россию — лишь

прелюдия к попытке вторжения на Британские острова… Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, угрожающая нам и Соединенным Штатам».[2]

И в выступлении С. Уэллеса, исполняющего обязанности госсекретаря США, 23 июня 1941 г. прозвучали слова, что обороне и безопасности США способствует «любая борьба против гитлеризма», что «гитлеровские армии являются главной опасностью для американского континента». Последние слова были включены в речь по настоянию Ф. Рузвельта.

Тяжелые испытания первого периода войны не сломили духа и стойкости воинов армии и флота, всего советского народа. Красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники в ожесточенных боях на суше, в воздухе и на море проявляли массовый героизм, морально-политические качества истинных патриотов своей Отчизны.

Основные события Великой Отечественной войны нашли отражение в многочисленных трудах видных советских [6] военачальников, рядовых участников сражений, военных теоретиков и историков. Столь пристальное внимание к боевому прошлому вполне понятно, ибо боевой опыт является не только достоянием истории, но главным образом фундаментом, на базе которого развивается наша военная наука, в том числе и теория Военно-Морского Флота.

В ходе вооруженной борьбы на море всесторонней проверке подверглись предвоенные взгляды на формы, методы и способы применения сил Военно-Морского Флота. В частности, со всей убедительностью было доказано, что достичь единой военно-политической цели — полностью разгромить врага и добиться победы над ним — можно только при условии тесного стратегического и оперативного взаимодействия всех видов вооруженных сил.

Полная реализация данного принципа военного искусства в борьбе с сильным противником имела тем более важное значение, что Великая Отечественная война, являясь в целом войной континентальной, т. е. войной, в которой главные задачи вооруженной борьбы, ставившиеся Ставкой Верховного Главнокомандования, решались в ходе сражений на сухопутных фронтах, включала активные боевые действия флотов на флангах советско-германского фронта. Поэтому с первых же дней войны главные усилия нашего флота были направлены на всемерное содействие войскам приморских фронтов как в ходе совместных операций, так и при ведении самостоятельных действий.

В целях более тесного взаимодействия сил ВМФ с частями и соединениями фронтов, упирающихся флангами в моря, и

рационального их использования при решении совместных задач действующие флоты и военные флотилии в июне — августе 1941 г. были оперативно подчинены главнокомандующим направлений, командующим приморских фронтов и армий. Такая форма руководства флотами (пока в этом не отпала надобность в 1944 г.) позволила значительно повысить эффективность боевого применения всех без исключения родов сил ВМФ: морской авиации, подводных лодок, надводных кораблей, береговой артиллерии, морской пехоты. Они надежно обеспечивали с моря устойчивость флангов фронтов и армий, перевозку различных грузов по внутренним и внешним коммуникациям, переправу войск, оружия и боевой техники через водные преграды, создавали прочную противодесантную оборону побережья, а также наносили огневые удары по живой силе и боевой технике, береговым военным [7] и промышленным объектам, высаживали десанты во фланг и ближний тыл противника.

Даже решая такую «чисто флотскую» задачу в действиях на море, как нарушение морских коммуникаций противника, флоты оказывали неоценимую помощь Красной Армии: враг «недополучал» стратегическое сырье и военные грузы, продовольствие, пополнение, которые были крайне необходимы ему на фронте.

В настоящем труде не ставится задача оцепить результативность боевой деятельности сил Военно-Морского Флота в годы войны по критерию «стоимость — эффективность», однако читатель может сам представить тот ущерб, который был нанесен противнику: советскими моряками было потоплено около 1400 транспортов общим тоннажем более 3 млн т. В то же время, отвлекая силы врага на себя, флот помог армии сохранить материальные и людские ресурсы на сухопутном фронте для решения других задач.

Тесное боевое взаимодействие армии и флота было главной характерной чертой оборонительных и наступательных операций на всех без исключения приморских флангах советско-германского фронта. Без преувеличения можно сказать, что все особенности этого взаимодействия наиболее ярко проявились в операциях на южном крыле советско-германского фронта во время обороны и освобождения Керчи и Новороссийска в 1941–1944 гг.

Сражения за них были длительными и жестокими, носили драматический и героический характер, ибо от их исхода во многом зависела оперативно-стратегическая обстановка не только в районе Крыма и Кавказа, но и на всем советско-германском фронте. Гитлеровское командование рассматривало Керчь и

Новороссийск как трамплины для прыжка на Кавказ с целью последующего захвата наших южных нефтеносных районов, а в дальнейшем — Ближнего и Среднего Востока.

Усилия защитников Керчи и Новороссийска по достоинству оценены Родиной. За выдающиеся заслуги в годы Великой Отечественной войны этим городам по праву присвоено почетное звание «Город-герой».

На долю Северного Кавказа и Закавказья приходилось, как известно, 86,5 % предвоенной добычи нефти в нашей стране. Потеря Советским Союзом этих районов существенно снизила бы боевую активность наших бронетанковых войск, авиации, кораблей. Гитлеровское командование не могло не учитывать также географических [8] особенностей Кавказа. Перевозки оружия, боевой техники и стратегического сырья из стран — союзниц по антигитлеровской коалиции через Персидский залив, Иран и Каспийское море являлись наиболее важными после перевозок по северным внешним морским коммуникациям. Поэтому оборона Кавказа имела для Советского Союза жизненно важное значение, а сражения, разыгравшиеся в районе Керчи и Новороссийска, без преувеличения можно назвать эпопеей мужественной и героической борьбы воинов Красной Армии и Военно-Морского Флота с немецко-фашистскими захватчиками на одном из ключевых участков советско-германского фронта.

Значение этой эпопеи далеко не исчерпывается мужеством и стойкостью, проявленными под Керчью и Новороссийском их защитниками. В не меньшей степени оно определяется той оперативно-стратегической ролью, которую играла вооруженная борьба в данных районах в войне с немецко-фашистскими захватчиками в целом.

Действительно, длительная оборона Керчи в 1941–1942 гг. и господство сил Азовской военной флотилии в Керченском проливе позволили не допустить прорыва гитлеровских войск из Крыма на Тамань до 2 сентября 1942 г. и выиграть время для создания оборонительных позиций и организации прочной обороны подступов к Кавказу со стороны Кубани и побережья Черного моря.

Еще большую роль в битве за Кавказ сыграла защита Новороссийска. Гитлеровское командование намеревалось после захвата этого города и военно-морской базы осуществить прорыв на приморскую дорогу, ведущую к границе с Турцией, а затем выйти в районы Ближнего Востока. Однако именно здесь, под Новороссийском, в начале сентября 1942 г. было остановлено продвижение фашистских войск на их правом фланге подобно тому, как это произошло в сентябре 1941 г. под Ленинградом и в

Заполярье, а в ноябре 1941 г. под Москвой. Так была сорвана еще одна авантюра противника.

Мне довелось быть непосредственным участником событий, развернувшихся на южном приморском фланге советско-германского фронта, к тому те в разных ролях: командира бригады крейсеров Черноморского флота, командующего Азовской военной флотилией, заместителя командующего Новороссийским оборонительным районом и даже командующего 47-й армией, когда генерал А. А. Гречко был отозван к новому месту службы.

Воскрешая в памяти события тех лет и анализируя [9] архивные документы, я вновь и вновь прихожу к выводу, что надежность и продолжительность защиты крупных приморских городов, успешность боевых действий при их освобождении зависят от четкого взаимодействия частей и соединений армии и флота, глубины знания командирами возможностей взаимодействующих сил, от степени централизации командования разнородными силами.

Так, при обороне Новороссийска возникла острая необходимость сосредоточить в одних руках руководство всеми силами армии и флота, защищавшими город, чтобы сконцентрировать их усилия на наиболее опасных сухопутных и морских флангах обороны. Решением Военного совета Северо-Кавказского фронта 17 августа 1942 г. был образован Новороссийский оборонительный район (НОР). В его состав вошли войска 47-й армии, 216-я стрелковая дивизия 56-й армии, Азовская военная флотилия, соединения и части Черноморского флота и сводная авиационная группа ЧФ. Их подчинили командующему 47-й армией, одновременно ставшему командующим НОР. Меня назначили его заместителем по морской части. Надо прямо сказать, все вопросы управления стали решаться проще и быстрее, что, естественно, благотворно отразилось на борьбе с противником, пытавшимся смять приморский фланг Северо-Кавказского фронта.

Конечно, не все шло гладко при планировании и организации совместных действий войск и сил флотов, особенно в начале войны. Это происходило из-за ряда как объективных, так и субъективных причин. Обстановка на фронте, как правило, менялась быстро и не всегда была ясна. Командование и штабы сухопутных войск порой не имели достаточного практического опыта руководства оперативно подчиненными флотами и флотилиями при совместном выполнении боевых задач, как не имели опыта взаимодействия с сухопутными силами и некоторые командиры ВМФ. Это, несомненно, отрицательно повлияло на

организацию управления силами флотов и сказалось на их деятельности.

До сих пор с горечью воспринимается поражение войск Крымского фронта в мае 1942 г., тем более что на нашей стороне было превосходство в пехоте, артиллерии и танках; лишь количество самолетов было примерно равным. Однако реализовать это преимущество и очистить Крым от врага, как того требовала Ставка Верховного Главнокомандования, не удалось, более того, был потерян важный оперативно-стратегический плацдарм, [10] что резко изменило обстановку в Крыму в пользу нем фашистских войск и позволило им в ходе летней кампании 1942 г. развить наступление на Кавказ. Эта неудача явилась следствием неумелого руководства войсками и оперативно подчиненными фронту силами флота, а также неудовлетворительной организации взаимодействия сухопутных войск и сил флота, непонимания командованием Крымского фронта боевых возможностей флота в поддержке войск в обороне и в наступлении на приморских направлениях.

Опыт войны со всей убедительностью показал, что совместные операции сухопутных войск и сил флота могут быть успешными только в том случае, если существует единство командования всеми разнородными силами, выполняющими общую задачу, и полное взаимопонимание всех командных инстанций в вопросах о методах и способах ведения боевых действий, если задача силам флота ставится общевойсковым командованием в полном соответствии с оперативно-тактическими возможностями привлекаемых сил и тактико-техническими характеристиками их оружия и боевой техники, если имеется надежная связь между взаимодействующими частями и соединениями флота и сухопутных войск и выработаны единые руководящие документы по организации и проведению совместных операций.

Наиболее рациональная структура управления флотами и флотилиями, оперативно подчиненными фронтам и армиям, вырабатывалась в ходе вооруженной борьбы. В окончательной форме она была закреплена директивой Ставки ВГК в марте 1944 г. Ею, в частности, устанавливался порядок подчинения флотов и флотилий, определялись функции командования и штабов при постановке различных оперативных задач и их права на использование тех или иных сил ВМФ, а также функции командования и штабов при управлении силами в ходе боевых действий.

Со всеми этими вопросами и проблемами мне пришлось непосредственно столкнуться в Великую Отечественную войну.

Я испытываю большое удовлетворение от того, что в тяжелейшие для нашей Родины годы мне довелось внести посильный вклад в разгром противника на южном фланге советско-германского фронта. И в этом отношении бои за Керчь и Новороссийск стали наиболее важным этапом моей биографии военных лет. Об этих событиях [11] уже писали армейские и флотские авторы, однако в публикациях превалирует, как правило, освещение боевых действий или только на суше, или только на море.

По роду обязанностей мне пришлось быть на стыке этих двух сфер деятельности вооруженных сил. Главным «стыковочным» звеном в системе совместных действий сил Черноморского флота и сухопутных войск являлись Азовская флотилия, флотские соединения и части НОР, в управлении которыми мне довелось участвовать.

Дело в том, что 13 октября Нарком ВМФ назначил меня на должность командующего Азовской военной флотилией. Не скрою, что подобное назначение явилось в определенной мере неожиданным, так как многие годы до этого я служил на крупных надводных кораблях на Тихом океане и на Черном море. Начало войны застало меня на бригаде крейсеров эскадры Черноморского флота. Естественно, что такое прохождение службы позволило накопить знания и опыт, прежде всего в области боевого использования артиллерийских кораблей и соединений кораблей соответствующих классов и рангов. Здесь же меня ожидало командование флотилией, которая была сформирована менее трех месяцев тому назад и, как мне было известно, состояла в основном из мобилизованных гражданских судов, подчас слабо вооруженных и недостаточно приспособленных для выполнения ответственных боевых задач. Разумеется, вся система предвоенной подготовки советских морских командиров была рассчитана на то, чтобы подготовить их к выполнению разнообразных функций, связанных с ведением морского боя и морских операций в различных условиях. Эта общеизвестная истина была ясна и мне, но понимание ее не избавляло от волнения, когда я отбыл с эскадры и отправился к новому месту службы. Оно возникло не столько от сложности условий, которые ожидали меня на новом посту и в какой-то мере новом для меня районе Черноморского театра, и даже не от напряженности боевой обстановки — к этому мы, черноморцы, уже успели привыкнуть. Главная причина волнения заключалась в понимании высокой ответственности командующего за успешное решение сложных задач, стоявших перед флотилией. В предлагаемом вниманию читателей военно-историческом очерке

я стремился сконцентрировать внимание на вопросах управления объединениями, соединениями и частями Черноморского флота при их оперативном подчинении фронтам и армиям, а также показать их боевую деятельность в ходе [12] обороны и освобождения Керченского полуострова, побережья Азовского моря и Северного Кавказа.

В основу очерка положен хорошо известный мне и подтвержденный архивными документами материал. Полагаю, что знакомство с ним будет полезно читателям, и в первую очередь военным, как с познавательной, так и с практической точки зрения. Надеюсь, что взгляд через призму времени на удачные и неудачные для нас события военных лет поможет читателю найти то, что не утратило ценности до сих пор и может быть использовано в учебно-боевой деятельности, в повышении боеготовности Военно-Морского Флота и воспитании молодого поколения военных моряков.

Острейшие проблемы настоящего и будущего неразрывно связаны с прошлым. Определенные социальные и политические силы империализма, вскормившие в 30-е годы фашизм и способствовавшие развязыванию его главарями второй мировой войны, не исчезли с международной арены.

Они, игнорируя стремление народов сохранить мир как высшую ценность человеческой цивилизации, в послевоенные годы бросили всему социалистическому миру ядерный вызов, повсеместно активизировали свою деятельность, разжигая антикоммунизм и национализм, создавая очаги напряженности в том или ином регионе мира, а в отдельных случаях провоцируя и непосредственно развязывая так называемые малые войны и военные конфликты. Чрезвычайно опасно и их стремление к милитаризации космоса.

Не обошлось и без реанимации выброшенной на свалку истории идеи «крестовых походов» против коммунизма, материализованных в агрессивном военно-политическом блоке НАТО, в доктринах «массированного возмездия», «гибкого реагирования», «реалистического устрашения», «прямого противоборства», в проведении многочисленных учений объединенных вооруженных сил США и западноевропейских стран, ход которых не оставляет сомнений в их наступательном характере и целевой направленности — отработать нападение на Советский Союз и его союзников — социалистические страны с сухопутных и морских направлений.

Все эти и другие реалии военной угрозы, созданные империализмом, нельзя недооценивать при решении вопросов, связанных с защитой нашего народа, народов стран

социалистического содружества. [13]

В создавшихся условиях наши Вооруженные Силы, представляющие собой прочный сплав воинского мастерства, высокой технической оснащенности и идейной стойкости, должны находиться на уровне, адекватном силам империализма, исключать их стратегическое превосходство, постоянно качественно совершенствоваться, с тем чтобы быть готовыми отразить любое нападение извне, чтобы никто и никогда не смог застигнуть нашу страну врасплох. В этом история — незаменимый педагог и наставник. Поэтому выявление закономерностей совместных действий и, в частности, роли сил флота в самостоятельных и совместных операциях на основе боевого опыта Великой Отечественной, второй мировой и локальных войн является сейчас задачей большой важности. Ибо только познав эти закономерности, можно прогнозировать возможный ход и исход боевых событий в современных условиях и найти те формы, методы и способы действий, которые дадут наибольший эффект, если империалистические державы вновь попытаются развязать войну. [14]

Глава первая. Южное направление в планах немецко-фашистского командования

Планом нападения фашистской Германии на СССР «Барбаросса» предусматривалось, как известно, разгромить Советский Союз в ходе быстротечной кампании. Однако благодаря упорной обороне войск западных приграничных военных округов и эффективным контрударам уже через месяц после начала военных действий наметились признаки срыва замысла «молниеносной войны». К середине июля противник потерял свыше 92 тыс. человек убитыми и ранеными, 50 % танков, 1284 самолета.[3] К концу третьей недели вооруженной борьбы Красная Армия приостановила его наступление на важнейших направлениях. И если темп наступления немецких войск к этому времени составлял 20–30 км в сутки, то с середины июля по 7 августа он снизился до 3,5–8,5 км.[4] На советско-германском фронте назревали качественно новые явления в боевых действиях.

Отдельные представители высшего немецкого командования вынуждены были признать, что военное искусство, обеспечивавшее быстрое достижение военно-политических целей в войнах с государствами Западной Европы, [15] оказалось несостоятельным на восточном фронте. Так, например, начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии генерал-фельдмаршал Кейтель 25 июля 1941 г. в беседе с командующим группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалом фон Боком констатировал: «Глубокие оперативные охваты в соответствии с теоретическими разработками генерального штаба были правильными на Западе при уязвимости флангов и слабой воле противника к сопротивлению. Но по отношению к русским они не приводят к полному успеху. Русские то и дело наносят крупными силами удары по нашим охватывающим флангам, сковывают силы, уклоняются от окружения и полного уничтожения. <…>

Танковые войска, являющиеся особенно ценными, несут в результате фланговых ударов противника слишком большой урон».[5]

В одновременном наступлении на трех стратегических направлениях — «Север» (из Восточной Пруссии на Ленинград), «Центр» (из района восточнее Варшавы на Минск и далее на

Москву), «Юг» (из района Люблина на Житомир и Киев) — назревал кризис. Руководство гитлеровского вермахта было поставлено перед необходимостью пересмотреть оперативно-стратегические планы. 15 августа группа армий «Центр» получила приказ приостановить наступление на московском направлении и перейти к обороне, с тем чтобы обеспечить наступление групп армий «Север» и «Юг». Как полагало гитлеровское командование, такая переориентация сил позволит ликвидировать угрозу фланговых ударов по группе армий «Центр» с севера и с юга, окружить Ленинград и соединиться с финской армией, захватить Украину и Кавказ с их богатыми стратегическими ресурсами, а также устранить угрозу нанесения ударов советской авиацией, базировавшейся на аэродромы Крыма, по румынским нефтяным районам. Исходя из этих соображений 21 августа 1941 г. был издан приказ, в котором указывалось, что «главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа; на севере — окружение Ленинграда и соединение с финнами».[6] [16]

Существенное изменение первоначального плана ведения войны — приостановка наступления на Москву в целях решения первоочередрых задач на флангах советско-германского фронта — свидетельствовало о неспособности немецких войск вести наступление одновременно на всех направлениях в условиях возрастающего сопротивления Красной Армии.

Учитывая, что группа армий «Юг» понесла большие потери, сильно измотана и не располагает резервами, гитлеровская ставка решила усилить ее за счет группы армий «Центр» — 2-й армией и 2-й танковой группой. Эти силы были повернуты на юг для окружения и разгрома правого крыла нашего Юго-Западного фронта. Вынужденная перегруппировка более чем на месяц задержала наступление противника на Москву.

После того как в августе 1941 г. гитлеровские войска сосредоточили усилия на флангах восточного фронта, резко возросли значение вооруженной борьбы на приморских направлениях и роль в ней флотов. Флоты, несмотря на потери, понесенные в первые два месяца, по-прежнему оставались грозной силой. Военно-морские базы являлись важными и труднопреодолимыми узлами сопротивления па приморских флангах советских войск, на длительное время сдерживавшими продвижение противника вдоль побережья.

И здесь немецко-фашистское командование было поставлено перед фактом, что боевые действия на флангах так же, как и на других участках всего советско-германского фронта, связаны со

значительными потерями в живой силе, в технике и во времени. И все же осенью 1941 г. войскам усиленной группы армий «Юг» удалось значительно продвинуться на восток, форсировать Днепр в среднем и нижнем его течении, вторгнуться на Левобережную Украину и выйти к Крымскому полуострову. 7 октября немецкая 1-я танковая армия, продвигаясь от Днепропетровска, соединилась с частями 11-й армии, наступавшей вдоль северного побережья Азовского моря. Возникла реальная угроза проникновения врага на Кубань и Кавказ.

Немецкое верховное командование рассчитывало, завладев богатыми нефтяными районами, решить одну из самых острых проблем военной экономики — проблему топлива. Быстрому захвату нефтяных районов Кавказа гитлеровская ставка уделяла повышенное внимание еще при разработке замысла нападения на Советский Союз. [18]

Так, 31 июля 1940 г. начальник генерального штаба Сухопутных войск Гальдер записал указание Гитлера по «ликвидации» России: «Операция распадается на: 1-й удар: Киев, выход на Днепр;…2-й удар: через Прибалтийские государства на Москву; в дальнейшем двусторонний удар — с севера и юга; позже — частная операция по овладению районом Баку».[7] Этот замысел и лег в основу разработки плана «Барбаросса». Правда, в окончательный его вариант операция по захвату Кавказа не была включена. Гитлер полагал, что блицкриг приведет к быстрому разгрому основных сил Красной Армии в западной части СССР и после «победоносного завершения похода на Восток» немецкие войска к концу осени 1941 г. выйдут на общую линию Архангельск — Волга.

Таким образом, овладение территорией Кавказа фашистское руководство считало, очевидно, делом само собой разумеющимся. В директиве верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ) № 32 от 19 июня 1941 г. «Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса» и в «Тезисах к докладу об оккупации и охране русской территории и о реорганизации сухопутных войск после окончания операции «Барбаросса», составленных оперативным отделом ставки главного командования сухопутных войск (ОКХ) 15 июля 1941 г., о Кавказе говорится, как о завоеванной уже территории. Наряду с «государственными образованиями» — Прибалтикой, Россией, Украиной, на которые намечалось разделить Советский Союз после его захвата, назывался и Кавказ, где планировалось разместить оккупационные войска и оперативную группу «Кавказ — Иран», предназначавшуюся для ведения дальнейших боевых действий. Моторизованный экспедиционный корпус должен был

наступать в направлении Иран — Ирак — Персидский залив,[8] а затем, по замыслам гитлеровского командования, соединиться с войсками генерала Роммеля, наступавшими с северо-африканского направления.

Таким образом, побудительными мотивами переноса основных усилий немецко-фашистских войск на южное направление являлись не только экономические, но и далеко идущие политические цели. Это особенно четко просматривается в плане наступления через Кавказ, разработанном [19] гитлеровской ставкой в июле 1941 г. «Цель операции, — как указывалось в этом документе, — состоит в том, чтобы овладеть кавказскими нефтяными районами и занять к сентябрю 1942 г. перевалы на иранско-иракской границе для дальнейшего продвижения на Багдад».[9] Операцию предполагалось провести в ноябре 1941 г. — сентябре 1942 г. в шесть этапов: с ноября 1941 г. — захват районов стратегического развертывания на Северном Кавказе; до конца мая 1942 г. — развертывание сил для наступления через Кавказ; июль 1942 г. — наступление через Кавказ; наступление до Аракса; овладение исходными позициями для наступления на ирано-иракской границе в районе Тебриза и Керманшаха; июль — начало сентября 1942 г. — овладение пограничными перевалами Ревандуз и Ханаган. Наступление через Кавказ немецкое командование считало возможным начать только после выхода своих войск к Волге зимой 1941 г.

Таковы были планы руководства фашистской Германии по превращению Кавказа в военно-экономическую базу и плацдарм дальнейшей агрессии. «Достигнув этих целей, — писал генерал Цейтцлер, сменивший осенью 1942 г. генерала Гальдера на посту начальника генерального штаба сухопутных войск, — он (Гитлер — С. Г.) хотел через Кавказ или другим путем послать высокоподвижные соединения в Индию».[10] Таким образом, оборона нашими Вооруженными Силами Кавказа приобретала и международное значение — они защищали народы Ирана, Ирака, Индии и других государств от грядущего порабощения.

Однако захватить Кавказ врагу суждено не было.

В начале декабря войска Красной Армии, измотав противника в оборонительных боях, перешли в контрнаступление, нанесли в зимнюю кампанию 1941–1942 гг. гитлеровским войскам первое крупное поражение во второй мировой войне и отбросили их от стен столицы на 150–400 км. Победа на полях Подмосковья положила начало коренному перелому в ходе войны, в конечном счете приведшему к полному и окончательному разгрому фашистской Германии.

Срыв Красной Армией гитлеровского плана «молниеносной

войны» лишил немецко-фашистские войска возможности достичь стратегических целей на юге в 1941 г. [20]

Их широкое наступление на данном направлении возобновилось только летом 1942 г.

Обстановка на советско-германском фронте к этому времени характеризовалась острой борьбой за овладение стратегической инициативой. Красная Армия в начале 1942 г. развернула наступление на ряде участков советско-германского фронта, в том числе и на южном. Часть сил Южного и Юго-Западного фронтов в январе 1942 г. нанесла удар по войскам 17-й армии под городом Изюм и в районе Балаклея — Славянок отбросила их почти на 90 км. 25 декабря 1941 г. — 2 января 1942 г. Закавказский (с 30 декабря 1941 г. Кавказский) фронт совместно с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией осуществил Керченско-Феодосийскую десантную операцию и освободил от врага Керченский полуостров. 28 января 1942 г. по решению Ставки был создан новый фронт — Крымский. До начала мая 1942 г. при содействии сил Черноморского флота и Азовской военной флотилии его войска вели упорные бои в целях снятия блокады с Севастополя и полного освобождения Крымского полуострова.

В ходе наступления войска Юго-Западного и Южного фронтов сковали значительные силы противника, нанесли ему существенный урон в людях и боевой технике и, не позволив перебросить соединения с южного крыла советско-германского фронта на другие направления, вынудили немецко-фашистское командование пополнить в январе — марте донбасскую группировку армий «Юг» двенадцатью новыми дивизиями. Однако из-за нехватки сил и средств Юго-Западному и Южному фронтам полностью решить задачу, поставленную Ставкой, — нанести поражение главной группировке немцев в районе Славянск — Чистякове, а затем захватить западный берег Днепра, развить наступление на юг и занять район западнее Мариуполя и Мелитополя — не удалось и весной 1942 г. они перешли к обороне.

Не удалось развить и успех, достигнутый в результате Керченско-Феодосийской десантной операции, в ходе которой были освобождены города Керчь и Феодосия, а войска противника отброшены с Керченского полуострова. Несмотря на то что Крымский фронт, получивший к весне 1942 г. значительное пополнение, имел на Керченском полуострове существенное превосходство в живой силе и боевой технике (за исключением самолетов), он ве только не сумел решить задачу деблокирования Севастополя, [21] но был вынужден отступить перед активно

действующими немецкими войсками и оставить Керченский полуостров, а вместе с ним Керчь и Феодосию. Главными причинами поражения на Керченском полуострове, как указывала Ставка, являлись полное непонимание командующим фронтом генерал-лейтенантом Д. Т. Козловым и представителем Ставки ВГК армейским комиссаром 1 ранга Л. З. Мехлисом природы современной войны и бюрократический бумажный метод руководства войсками. Они не создали эшелонированную оборону и не организовали взаимодействия между родами войск и силами флота, использовали их нецелеустремленно, потеряли связь с соединениями и управление ими, не сумели применить в условиях борьбы за Крым богатый опыт совместных, хорошо скоординированных действий армии и флота в обороне Одессы.

Для отражения наступления противника командование фронтом не привлекало силы Черноморского флота, которые были готовы вести десантные действия на фланге и в ближнем тылу наступающих немецких войск, оказывать огневую поддержку оборонявшимся войскам 44-й армии. Для артиллерийской поддержки фланга армии корабли привлекались лишь эпизодически, да и то только в ночное время. Устойчивое огневое содействие пехоте в дневное время под прикрытием истребителей и с корректировкой огня отсутствовало, ночные же стрельбы по площади должного эффекта не давали. Как ни странно, но такая недооценка роли корабельной артиллерии превзошла всего лишь спустя полмесяца после директивы Генерального штаба, в которой отмечались именно эти недостатки в организации огневого содействия войскам. В частности, в этой директиве рекомендовалось использовать артиллерию кораблей как артиллерию резерва Главного Командования, включать ее в общий план задуманных наступления или обороны сухопутных войск, обеспечивать начальников морской артиллерии всеми разведданными о противнике, необходимыми для успешного выполнения поставленной задачи, прикрывать огневые позиции кораблей с воздуха, не допускать использования корабельной артиллерии по целям, которые могут быть подавлены и уничтожены артиллерией сухопутных войск.

Не была создана противодесантная оборона побережья, в результате чего утром 8 мая противник с началом наступления беспрепятственно высадил в тыл 44-й [22] армии морской десант в составе батальона, который причинил нашим войскам немало неприятностей.

К сожалению, ни командование Северо-Кавказского направления, ни командование Крымского фронта должных выводов из уроков предыдущих боев и указаний Генерального

штаба не сделали и флот в той критической ситуации не смог реализовать свои возможности в оказании содействия оборонявшимся войскам.

В целом же в ходе зимней кампании 1941–1942 гг. советские сухопутные войска, на которых лежала основная тяжесть вооруженной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, в тесном взаимодействии с другими видами Вооруженных Сил добились крупных успехов: ликвидировали угрозу захвата Москвы и Северного Кавказа, облегчили положение осажденного Ленинграда, отбросили противника на различных участках фронта на 150–400 км, уничтожили более 800 тыс. солдат и офицеров. Была доказана несостоятельность стратегии «молниеносной войны», составлявшей основу военной доктрины германской военщины. Фашистская Германия и ее союзники были поставлены перед необходимостью вести затяжную бесперспективную войну.

Победы Советских Вооруженных Сил высоко подняли международный авторитет СССР, способствовали сплочению антифашистских сил и активизации освободительного движения в оккупированных странах. В то же время моральное состояние немецко-фашистских войск в результате поражения в зимней кампании было заметно подорвано. Шовинистические настроения у значительной части населения Германии начали рассеиваться. Все большее число немцев с недоверием воспринимало пропагандистские заявления о «последних резервах Советов» и приходило к выводу о возможном поражении вермахта.

Чтобы спасти армию от катастрофы, гитлеровское командование вынуждено было с декабря 1941 г. по апрель 1942 г. перебросить из Германии и оккупированных стран Западной Европы на советско-германский фронт 39 дивизий, 6 бригад и около 800 тыс. человек маршевого пополнения. Стремясь подавить всякий протест, в апреле 1942 г. рейхстаг санкционировал расправу без суда над любым, кто проявляет недовольство политикой нацистской верхушки.[11] [23]

Планируя летний кампанию 1942 г., гитлеровское Командование предполагало вновь захватить стратегическую инициативу и достичь военно-политических целей в войне против Советского Союза. Собственно, при решении вопроса, обороняться или наступать, у него другого выбора, кроме как вновь начать наступление, не было, ибо в противном случае ему пришлось бы признать крах собственных захватнических планов и позволить Советскому Союзу диктовать свою волю в вооруженной борьбе.

Однако фашистские главари все же извлекли определенный урок из провала блицкрига, они поняли, что третьему рейху не

под силу вести наступление против Советских Вооруженных Сил одновременно на нескольких направлениях. Поэтому в директиве ОКБ № 41 от 5 апреля 1942 г. указывалось на необходимость сосредоточить главные усилия на юге и осуществить глубокий прорыв на Кавказ с целью его захвата. Успеху главной операции по захвату Кавказа должно было способствовать наступление на сталинградском направлении.

После обсуждения замысла летней наступательной операции 28 марта 1942 г. генерал-полковник Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «…о. Ни при каких обстоятельствах не отказываться от наступления на юге… Районы нефтедобычи жизненно необходимы русским… у. Центральное направление: мероприятия будут зависеть от успехов на участках, что южнее. Цель: Черное море, закрытое море. Батум — Баку… х. Сроки: к началу сентября выйти на Северный Кавказ».[12] На совещании в штабе группы армий «Юг» в Полтаве 1 июня 1942 г. констатировалось, что если Германия не получит нефть Майкопа и Грозного, то должна будет покончить с войной, то есть судьба последующих операций против советских войск ставилась в зависимость от того, удастся ли немцам заполучить наши богатые источники нефти и плодородные сельскохозяйственные районы Дона, Кубани и Северного Кавказа. Кроме того, делалась ставка на то, что захват Кавказа подтолкнет антисоветски настроенное правительство Турции вступить в войну с СССР и прервать таким образом связывающие нас с союзниками южные коммуникации. К этому времени на [24] границе с СССР было сосредоточено 28 турецких дивизий.

Для того чтобы скрыть направление главного удара на юге, по указанию ОКХ группе армий «Центр» предписывалось провести дезинформационную операцию под кодовым названием «Кремль», которая должна была создать видимость подготовки широкого наступления немецко-фашистских войск на Москву. В ходе ее предусматривалось осуществить целый комплекс дезинформационных мероприятий: организовать демонстративную аэрофоторазведку оборонительных позиций на московском направлении, размножить и разослать вплоть до штабов полков до 10 июля планы Москвы и других городов в полосе наступления группы армий «Центр», усилить засылку агентов через линию фронта, провести сложную перегруппировку и переброску войск, доставить переправочные средства к водным преградам, издать приказ о наступлении на Москву за подписью командующего группой армий «Центр» и т. п.

До начала наступления на юге верховное главнокомандование вермахта считало необходимым овладеть

Керченским полуостровом, Севастополем, ликвидировать барвенковский выступ и плацдарм советских войск северо-западнее Новгорода, выровнять линию фронта на московском направлении, чтобы улучшить оперативное положение своих войск и укрепить тыловые районы.

Для улучшения снабжения сухопутных войск и авиации, а также в целях борьбы с силами Черноморского флота директивой ОКБ № 41 предписывалось перевести на Черное море легкие боевые корабли.

Советская военная разведка и органы государственной безопасности сообщали в Государственный Комитет Обороны о планируемом весной 1942 г. главном ударе на южном участке в направлении Сталинграда и Северного Кавказа. Предполагалось также, что летом немцы предпримут основные операции против Москвы, где была сосредоточена самая большая группировка войск, насчитывавшая до 70 дивизий.

К сожалению, данные нашей разведки о подготовке главного удара врага на юге Ставкой ВГК в должной, мере учтены не были, поэтому основные силы были сосредоточены на западном, а не на юго-западном направлении. К тому же в стратегическом плане на лето 1942 г., утвержденном Ставкой в марте 1942 г., наряду со стратегической обороной и накоплением резервов предусматривалось [25] проведение частных наступательных операций в районе Харькова, в Крыму, под Ленинградом и Демянском, а также на смоленском и львовско-курском направлениях.

В соответствии со своими стратегическими планами к середине июня 1942 г. немецко-фашистское командование сосредоточило на южном направлении две группы армий. Группа армий «А» должна была наступать на Кавказ, группа армий «Б» — на сталинградском направлении. Чтобы создать благоприятные условия для нанесения ими главного удара, командование вермахта провело в период с начала мая до конца июня ряд частных наступательных операций (в Крыму, под Харьковом и на некоторых других участках фронта).

8 мая основные силы 11-й армии Манштейна при поддержке 8-го отдельного авиационного корпуса и 4-го воздушного флота нанесли удар на Керченском полуострове, прорвали оборону Крымского фронта в полосе 44-й армии и 14 мая вышли на окраины Керчи. В создавшейся сложной обстановке главнокомандующий войсками Северо-Кавказского направления Маршал Советского Союза С. М. Буденный с разрешения Ставки приказал эвакуировать войска Крымского фронта на Таманский полуостров и, закрепившись там, не допустить форсирования

противником Керченского пролива. 20 мая Керченский полуостров был оставлен частями Красной Армии.

12 мая Юго-Западный фронт начал наступательную операцию с целью нанести по харьковской группировке врага упреждающий удар, освободить Харьков и создать условия для последующего наступления на днепропетровском направлении с участием Южного фронта. Однако осуществить этот план не удалось. Противник, подтянув значительные силы, организовал прочную оборону и, перегруппировавшись, 17 мая перешел в контрнаступление. 23 мая армейская группа «Клейст» и 6-я полевая армия Паулюса окружили наши войска, действовавшие на барвенковском выступе. Попытка деблокировать их извне успеха не принесла.

Советские войска понесли большие потери в живой силе и технике. Ударная мощь войск Юго-Западного и Южного фронтов значительно ослабла. В итоге обстановка на южном крыле советско-германского фронта к концу мая резко изменилась в пользу противника.

Неудача под Харьковом и потеря Керченского полуострова ухудшили положение защитников Севастополя. [26]

Фашистское командование перебросило туда войска 11-й армии, высвободившиеся на Керченском полуострове, создав двойное превосходство в живой силе, более чем десятикратное — в танках, почти шестикратное — в самолетах. 7 июня начался третий штурм города.

Советские войска обороняли Севастополь в общей сложности в течение 250 дней. Их беспримерный подвиг стал героической страницей не только истории Великой Отечественной войны, но и мировой истории.

Добившись оперативного успеха под Харьковом и в Крыму, противник создал на южном фланге фронта значительное превосходство в силах и средствах и развернул наступление на сталинградском и кавказском направлениях с целью окружить и уничтожить войска Юго-Западного и Южного фронтов.

Главную операцию летней кампании гитлеровские войска начали в конце июня 1942 г. 28 июня немецкие 2-я полевая и 4-я танковая армии, венгерская 2-я армия перешли в наступление против войск левого крыла Брянского фронта, а 30 июня — немецкая 6-я полевая армия — против правого крыла Юго-Западного фронта. 8 июля начала боевые действия и группа армий «А» танковым ударом в стык Юго-Западного и Южного фронтов. Под натиском превосходящих сил противника войска Юго-Западного фронта вынуждены были отступить за Дон, к Сталинграду, а Южного фронта — в район нижнего течения Дона.

23 июля враг захватил важный стратегический пункт — Ростов-на-Дону.

Таким образом, через месяц после начала летнего наступления немецко-фашистские войска создали непосредственную угрозу Сталинграду и Северному Кавказу. Но, несмотря на достигнутый успех, группы армий «А» и «Б» не смогли выполнить главную задачу — уничтожить войска Юго-Западного и Южного фронтов. Гитлеровское командование вынуждено было вновь, как и год назад, внести существенные изменения в первоначальный план летней кампании. Так дал трещину стратегический план второго генерального наступления вермахта на востоке.

Принципиальные решения по дальнейшим действиям на юге нашли отражение в директиве ОКБ № 45 от 23 июля. Немецко-фашистское командование решило вести наступление по двум расходящимся стратегическим направлениям — кавказскому и сталинградскому.

В операции по овладению Кавказом, получившей кодовое [27] название «Эдельвейс», перёд группой армий «А» ставилась задача уничтожить советские войска южнее Дона, овладеть всем восточным побережьем Черного моря и тем самым лишить Черноморский флот военно-морских баз, захватить район Грозного, перекрыть высокогорные перевалы к юго-западу от него и выйти вдоль западного побережья Каспийского моря к Баку. Для нанесения удара вдоль дороги, проходящей по Черноморскому побережью, противник планировал использовать соединения 11-й армии, переправив их через Керченский пролив, как только обозначится успех плавных сил группы армий «А».

На авиацию возлагалась задача (помимо непосредственной поддержки войск, продвигавшихся к портам Черного моря) во взаимодействии с военно-морскими силами воспрепятствовать воздействию сил Черноморского флота на приморские фланги немецких частей и соединений, разрушить железные дороги, связывающие нефтяные районы Кавказа с центральными областями Советского Союза, и парализовать перевозки по Каспийскому морю.

Перед немецкими военно-морскими силами были поставлены задачи: оказать содействие сухопутным войскам при переправе через Керченский пролив, не дать возможности Черноморскому флоту воздействовать с моря на войска, ведущие операции на побережье. Кроме того, гитлеровское, командование со свойственной ему самоуверенностью, граничащей с полным отрывом от реальных событий, происходящих на Восточном фронте, приказало «штабу военно-морских сил… принять

необходимые меры для того, чтобы использовать в Каспийском море легкие корабли военно-морских сил для действий на морских коммуникациях противника».[13]

Одновременно с действиями на кавказском направлении группа армий «Б» должна была нанести удар по Сталинграду, разгромить оборонявшие его войска, захватить город, а затем повернуть танковые и моторизованные войска вдоль Волги на Астрахань и сорвать перевозки народнохозяйственных и военных грузов по реке.

Первоначально операция по захвату Сталинграда рассматривалась гитлеровским командованием как вспомогательная с целью обеспечить безопасность северного фланга наступавших на Кавказ немецких войск. Однако спустя некоторое время именно под Сталинградом Красная [28] Армия втянула врага в решающее сражение. Начав наступление па юге, вермахт перешагнул порог, отделявший его от крупнейшего поражения.

Несостоятельность замысла одновременного наступления на двух стратегических направлениях стала очевидной в самое ближайшее время: сил явно не хватало. Уже через неделю после подписания директивы № 45, 30 июля, генерал Йодль, возглавлявший штаб оперативного руководства вооруженными силами, заявил на совещании в ставке, что судьба Кавказа будет решаться под Сталинградом, поэтому необходимо усилить группу армий «Б» за счет группы армий «А». Но уже никакие перегруппировки сил не могли спасти положения.

В ходе наступления в мае — октябре 1942 г. противник понес на советско-германском фронте, огромный урон в живой силе (почти миллион человек) и боевой технике. Мощь же советских войск за это время возросла: к ноябрю 1942 г. соотношение численности личного состава, танков, артиллерии изменилось в нашу пользу.

В октябре 1942 г. стратегическое наступление противника на южном крыле советско-германского фронта выдохлось, и 14 октября фашистское верховное главнокомандование было вынуждено отдать приказ о переходе к стратегической обороне.

Таким образом, план противника захватить Кавказ к ноябрю 1942 г. был сорван. Окончательный же крах его наступил 9 октября 1943 г., когда Таманский полуостров был полностью очищен от немецко-фашистских войск, а боевые действия были вновь перенесены в Крым. [29]

Глава вторая. Противник рвется в Крым

В качестве первоочередной задачи на южном участке Восточного фронта гитлеровская ставка 27 июля 1941 г. определила «…овладение Украиной, Крымом и территорией Российской Федерации до Дона».[14] Выполняя эту задачу, немецкая 11-я армия оставила в тылу осажденную Одессу и устремилась в Крым. В начале сентября ее войска форсировали Днепр в районе Каховки и повели дальнейшее наступление на Перекоп, Геническ и Мелитополь.

12 сентября 1941 г. 152-мм орудия 725-й подвижной батареи Черноморского флота, находившейся на Перекопском перешейке, произвели первые залпы по прорывающемуся врагу. Началась длительная героическая борьба за важный стратегический аванпост нашей Родины на юге — Крымский полуостров.

Проявляя постоянную заботу об обороне нашего государства, Коммунистическая партия и Советское правительство в предвоенные годы уделяли значительное внимание защите черноморских берегов. В ходе первых пятилеток на Черном море был возрожден военный флот. В его состав вошли современные корабли, самолеты и боевая техника. Наши военно-морские силы по своей [30] мощи превосходил все сопредельные с СССР черноморские государства. Страна по праву гордилась прекрасными боевыми кораблями Черноморского флота.

Линейный корабль «Парижская коммуна» (с 31.5 1943 г. «Севастополь»), крейсера «Ворошилов», «Молотов», «Красный Кавказ», «Красный Крым» и «Червона Украина», лидеры эскадренных миноносцев «Москва», «Ташкент», «Харьков», 14 эскадренных миноносцев, 47 подводных лодок и значительное число надводных кораблей других классов представляли собой серьезную силу. Мощь корабельного состава дополнялась морской авиацией (625 самолетов), береговой артиллерией, развернутой на важных участках побережья.[15]

Мощь флота опиралась на исторически сложившуюся на юге России судостроительную и судоремонтную промышленность и могла быть усилена за счет развивавшихся морских торгового и рыболовного флотов.

Черноморский флот располагал системой военно-морских баз, главная из которых находилась в Севастополе, занимавшем центральное положение по отношению ко всему бассейну Черного моря, что позволяло развертывать силы в любом операционном

направлении. Одновременно Севастополь являлся и одним из важнейших стратегических пунктов на юго-западных границах Советского Союза.

Черноморский флот был укомплектован хорошо подготовленным личным составом, воспитанным в духе беззаветной преданности партии и правительству, готовности самоотверженно защищать свободу и независимость своей Родины.

В ходе интенсивной оперативной и боевой подготовки значительное внимание уделялось не только отработке сплаванности корабельных соединений и взаимодействия разнородных сил — надводных кораблей, подводных лодок, авиации, береговой артиллерии, но и вопросам совместных действий армии и флота. Всего лишь за день до начала Великой Отечественной войны корабли флота возвратились в базы после большого совместного учения с войсками Одесского военного округа, в ходе которого помимо отработки способов ведения морского боя в различных условиях проводились тренировки по высадке [31] морских десантов и отражению воздушного нападения противника.

Высокий уровень боевой выучки военных моряков Черноморского флота сказался уже в первые часы войны. Через час с четвертью после получения приказа Наркома Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецова Черноморский флот был переведен в оперативную готовность № 1, а спустя еще два часа силы ПВО отразили внезапный налет вражеских самолетов на Севастополь и не позволили им заблокировать минами корабли, стоявшие в Северной бухте.

Но, после того как немецко-фашистские войска вышли к советскому побережью Черного моря, выявились и существенные недостатки в подготовке флота к войне. Они обнаружились в системе развертывания сил и их базирования, в организации противовоздушной и противоминной обороны. Вскрылись недостатки и во взаимодействии флота и армии, на практическое осуществление которого не было единства во взглядах флотского и общевойскового командования. Не была создана и материально-техническая база для проведения десантных операций, т. е. отсутствовали десантные корабли специальной постройки, плавающая бронетанковая техника и другие средства. Впрочем, эти недостатки в той или иной степени были свойственны и другим нашим флотам.

Не полностью решенными оказались к началу войны и вопросы организации совместной обороны морского побережья, военно-морских баз и приморских городов. По взглядам того

времени, задача флота в этих действиях сводилась главным образом к отражению нападения противника с моря, организации же защиты военно-морских баз и портов с суши должного внимания не уделялось. Справедливости ради следует отметить, что в декабре 1940 г. Народный комиссариат Военно-Морского Флота ввел в действие инструкцию по составлению генеральных планов сухопутной и противодесантной обороны на морских театрах и обязал флоты осуществить ряд мероприятий по обороне баз с суши. Однако в ней не был определен порядок взаимодействия сил флота с сухопутными войсками, а реализация намеченных мероприятий требовала значительного времени. В результате почти все наши военно-морские базы к началу войны имели так называемую основную директрису обороны, направленную в сторону моря, и оказались не подготовленными к отражению нападения противника с суши. Между тем развитие военных [32] действий с самого начала показало, что оборона баз, портов, приморских городов и территорий с сухопутных направлений имеет первостепенное значение.

На Черноморском театре это обстоятельство наложило свой отпечаток на весь последующий ход боевых действий вообще и на деятельность сил флота в особенности.

Вся сложность проблемы защиты базы с суши стала очевидной уже при обороне Одессы, и именно здесь была найдена наиболее рациональная форма организации защиты базы и ведения ее обороны. Так, 19 августа 1941 г. по указанию Ставки Верховного Главнокомандования был образован Одесский оборонительный район (ООР), подчиненный непосредственно Военному совету Черноморского флота. В ООР (командующий контр-адмирал Г. В. Жуков) вошли части Приморской армии, Одесской военно-морской базы и отряд кораблей. Это позволило объединить усилия сухопутных войск и сил флота как в обороне города, так и при эвакуации войск ООР в Крым, длительная и упорная борьба за который началась еще во время обороны Одессы.

Крым имел важное стратегическое и военно-политическое значение для обеих противоборствующих сторон. Маршал Советского Союза А. М. Василевский по этому поводу писал: «Владея им, гитлеровцы могли держать под постоянной угрозой все Черноморское побережье и оказывать давление на политику Румынии, Болгарии и Турции».[16] Захват Крыма позволял противнику создать плацдарм для вторжения на Кавказ, развернуть сеть аэродромов, захватить господство в воздухе над Азовским морем, а также над Черноморским побережьем Кавказа

в пределах тактического радиуса действия авиации. Таким образом, возникли бы благоприятные условия для дальнейшего наступления противника на восток.

Кроме того, немецко-фашистское командование не без оснований считало, что до тех пор, пока Крым находится в наших руках, Черноморский флот будет сохранять господство на море, надежно защищать свои морские перевозки, постоянно создавать серьезную угрозу приморскому флангу германского Восточного фронта, наносить ощутимые удары по морским коммуникациям, портам и нефтяным районам союзницы Германии — Румынии. Недаром на совещании главного командования вермахта в [33] августе 1941 г. Крым был назван «авианосцем Советского Союза в его борьбе против румынской нефти».[17]

С учетом важного стратегического значения Крыма и возможного прорыва к нему противника 14 августа 1941 г. было принято решение сформировать 51-ю Отдельную армию (командующий генерал-полковник ф. И. Кузнецов, член Военного совета корпусной комиссар А. С. Николаев, начальник штаба генерал-майор М. М. Ивашов) с непосредственным подчинением Ставке ВГК. 51-й Отдельной армии и оперативно подчиненному ей «в отношении выполнения задач, касающихся обороны Крыма» Черноморскому флоту (командующий вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, член Военного совета дивизионный комиссар Н. М. Кулаков, начальник штаба контр-адмирал И. Д. Елисеев) предписывалось не допустить врага в Крым.[18]

Захват Крыма немецко-фашистское командование возложило на 11-ю армию, оперативно подчиненную ей румынскую 3-ю армию и значительные силы авиации. В командование этой группировкой войск в середине сентября вступил генерал-полковник Э. Манштейн, имевший не только значительный опыт руководства наступательными операциями, но и определенное представление о способности войск Красной Армии к сопротивлению. Ему уже пришлось пережить немало неприятных дней под Ленинградом, где в июле 1941 г. его танковый корпус понес значительные потери.

В середине сентября войска противника пытались с ходу ворваться в Крым через Арабатскую стрелку, но были остановлены частями 51-й Отдельной армии, поддержанными кораблями Азовской военной флотилии.[19]

16 сентября отряд кораблей под флагом командующего флотилией нанес артиллерийский удар по батареям и войскам противника в районе переправы на Арабатскую стрелку. Это помогло нашим оборонявшимся [34] войскам отразить натиск врага и улучшить положение на рубеже Геническ — Сальково. В

последующие дни корабли неоднократно поддерживали своим огнем правый фланг 51-й Отдельной армии. Для огневого содействия левому флангу наших войск привлекались крейсер «Ворошилов» и эскадренные миноносцы «Бойкий» и «Дзержинский». Особенно эффективным был проведенный 19 сентября крейсером «Ворошилов» обстрел ряда пунктов в северо-восточной части Каркинитского залива. Стрельба, впервые проведенная здесь в дневное время с корректировкой огня самолетом МБР-2, дала хорошие результаты.

Однако малые глубины, сложность навигационного обеспечения в Каркинитском заливе и удаленность целей ограничили возможности использования кораблей эскадры.[20]

Но не эти бои определили судьбу Крыма. Решающие события развернулись в конце сентября в районе Перекопского перешейка и Ингуньских позиций. К тому времени и на других направлениях обстановка сложилась для нас крайне неблагоприятно. 12 сентября наши части оставили Скадовск. Остатки отступавшей 74-й стрелковой дивизии отошли к Тендровской косе. Войска 9-й армии, отходя на восток, 18 сентября заняли рубеж обороны возле озера Молочное.

В создавшихся условиях исключительное значение приобретала не только способность сухопутных войск вести оборонительные бои с превосходящими силами противника, но и высокая степень согласованности действий 51-й Отдельной и 9-й армий и сил флота. Но, к сожалению, именно в этом вопросе были допущены серьезные промахи. Координация действий армий и флота по месту, времени и способам выполнения задач практически отсутствовала. Так, при артиллерийской поддержке кораблями приморских флангов войск 16–20 сентября связь с командованием 9-й армии установить не удалось, поэтому командиры кораблей обстановку в районе Геническа не знали. Корректировочные посты созданы не были, из-за чего стрельба велась или прямой наводкой по обнаруженным объектам, или по площади. Авиационное прикрытие кораблей организовано не было. Все это, естественно, снижало эффективность артиллерийской [35] поддержки кораблями сухопутных частей. Кроме артиллерийской поддержки практиковалась помощь армии непосредственно передачей частей флота. Так для усиления огневой мощи 51-й Отдельной армии в августе-сентябре Черноморский флот передал в состав Каркинитского сектора береговой обороны и 120-го отдельного Чонгарского артиллерийского дивизиона восемь батарей береговой обороны (34 орудия 100–152-мм калибра).[21]

Отражению натиска противника в северных районах Крыма

объективно способствовала героическая оборона Одессы, в ходе которой удалось сковать значительные силы противника (до 17 дивизий и 7 бригад). Однако положение защитников оборонительного района день ото дня осложнялось. 14 сентября Военный совет Одесского оборонительного района доложил Верховному Главнокомандующему о создавшемся тяжелом положении. На следующий день был получен ответ Ставки за подписью И. В. Сталина: «Передайте просьбу Ставки Верховного Главнокомандования бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6–7 дней, в течение которых они получат подмогу в виде авиации и вооруженного пополнения».[22] 16–20 сентября из Новороссийска в Одессу морем перевезли 157-ю стрелковую дивизию и 36 рот маршевого пополнения.[23]

Получив пополнение, войска ООР совместно с силами флота 22 сентября нанесли контрудар и отбросили противника на расстояние, исключавшее обстрел города и порта. В ходе этой операции корабли высадили десант в тыл врага в районе Григорьевки.

Для поддержки войск, сражавшихся под Одессой, широко использовалась морская авиация. Эффективности ее действий способствовало создание командного пункта заместителя командующего ВВС флота, что позволило оперативно согласовывать действия морской и армейской авиации и войск ООР.

Однако опыт совместных действий, накопленный при обороне Одессы, не был в полной мере учтен при организации обороны Крыма.

Несмотря на то что командование флота было вынуждено, распыляя подчиненные силы, использовать их [36] одновременно на двух операционных направлениях — одесском и крымском, все же потенциальные возможности флота в части использования артиллерийского огня и осуществления тактических десантов были достаточно высоки. Но полностью реализовать их для содействия войскам 51-й Отдельной и 9-й армий так и не удалось. Это объяснялось главным образом отсутствием единого согласованного плана совместных действий армии и флота в начальный период обороны Крыма.

Целенаправленно вела боевые действия в Крыму авиация Черноморского флота. 14 сентября по приказу командующего ВВС флота генерал-майора В. А. Русакова была создана специальная авиагруппа, основной задачей которой было нанесение бомбоштурмовых ударов по наземным войскам противника на перекопском участке фронта 51-й Отдельной армии. Эта авиагруппа дислоцировалась в центральной части северного

Крыма на шести аэродромах так называемого Фрайдорфского аэроузла и на гидроаэродроме, располагавшемся на озере Донузлав. С 15 сентября по 30 октября в ее состав входило от 55 до 100 самолетов, что в два-три раза превышало самолетный парк 51-й Отдельной армии. Боевой деятельностью авиагруппы руководил заместитель командующего ВВС флота генерал-майор В. В. Ермаченков.

Первоначально боевые задачи штаб группы получал от штаба ВВС флота, по существу дублировавшего задачи, определенные командованием ВВС армии, что приводило к неоправданной потере времени. Поэтому приблизительно с конца сентября авиагруппа фактически (хотя и неофициально) перешла в оперативное подчинение ВВС 51-й Отдельной армии. Управление силами группы стало проще и оперативнее, так как появилась возможность в короткие сроки разрабатывать планы использования самолетов на предстоящие сутки, четче согласовывать действия морской авиации и авиации ВВС армии по цели, задачам, времени и месту нанесения удара при каждом боевом вылете.

Однако двойственность подчинения авиагруппы нередко дезорганизовывала сложившуюся систему боевого управления. Штаб ВВС флота иногда без согласования с ВВС армии ставил дополнительные задачи, главным образом по прикрытию и сопровождению бомбардировщиков и самолетов-разведчиков, действовавших в интересах флота. Это приводило к ломке плана боевых действий [37] на сутки, перераспределению и распылению сил и средств. Порой вновь поставленные задачи просто невозможно было выполнить, так как самолеты уже находились в воздухе и действовали по заранее составленному плану. И все же, несмотря на недостатки в боевом управлении, самолеты Фрайдорфской авиагруппы оказали значительную помощь войскам 51-й Отдельной армии. С 14 сентября по 30 октября 1941 г. ими было уничтожено свыше 5,5 тыс. солдат и офицеров противника, около 100 самолетов, до 40 танков, свыше 400 броне — и автомашин, 60 орудий (ЦВМА, ф. 149, д. 27 552, л. 2, 3, 22, 34, 35).

Помимо руководства боевыми действиями на суше и на море командование армии и флота немало внимания уделяло и противодесантной обороне Крыма. Наркомат ВМФ и командование Черноморского флота, сознавая ответственность за прикрытие стратегического фланга Красной Армии и важнейших промышленных, экономических и административных центров от вторжения противника с моря, не могло не считаться с тем, что у вермахта и германского флота накоплен определенный опыт

проведения крупных десантных операций (Норвежская, Критская операции). К тому же поступали многочисленные сообщения от различных видов разведки, в том числе и от воздушной, о сосредоточении плавсредств в портах, захваченных противником, самолетов на аэродромах, о подготовке десантных сил и средств. Так, 19 сентября заместитель начальника Главного морского штаба сообщил Военному совету Черноморского флота разведывательные данные о том, что в Бургасе (Болгария) сосредоточено 20 тыс. солдат и шесть транспортов, а также значительное количество артиллерии, в Варне строятся самоходные баржи для перевозки танков. Указывались и предположительные район и дата высадки десанта — Батуми (Зеленый Мыс), 1 октября. Аналогичные сведения поступали также о скоплении десантных войск в портах Румынии.[24] Не обошлось, очевидно, и без специальных акций фашистского командования по дезинформации в отношении своих намерений, поэтому советскому командованию неоднократно приходилось организовывать противодействие морским и воздушным десантам противника. И только впоследствии [38] обнаруживалось, что данные о высадке вражеских десантов были ложными.

В начале сентября обстановка на севере Крымского полуострова стала угрожающей. Ключевые перекопские позиции защищала только 156-я стрелковая дивизия, а задачей остальных четырех дивизий (271-я стрелковая, 48, 42 и 40-я кавалерийские), находящихся в различных районах полуострова, являлась противодесантная оборона. Таким образом, ориентирование 51-й Отдельной армии на противодесантную оборону привело к распылению ее сил перед началом вражеского наступления на Перекоп. И противник не преминул этим воспользоваться.

Утром 24 сентября после двухчасовой артиллерийской и минометной подготовки и нанесения мощного авиационного бомбового удара по перекопским позициям немецко-фашистские войска перешли в наступление по всему фронту 156-й стрелковой дивизии.

Для оказания огневого содействия сухопутным войскам, оборонявшим перекопские позиции, была привлечена почти вся морская авиация, базировавшаяся в Крыму. Тральщики по ночам вели артиллерийский обстрел района сел Чурюм и Хорлы, однако их стрельба по площади без корректировки большого ущерба противнику не причинила. Более действенный огонь вели 100–152-мм орудия береговых батарей флота, но и их огневая мощь использовалась не лучшим образом. Вместо того чтобы централизовать управление морской береговой артиллерией и использовать ее на наиболее важных участках обороны,

командование 51-й Отдельной армии передало батареи в подчинение командиров полков и даже батальонов, которые, не зная боевых возможностей этих орудий, давали указания вести огонь по пулеметным точкам и даже отдельным мотоциклистам. Вследствие этого огневая поддержка войск была недостаточно эффективной, а расход снарядов значительным. Военный совет флота был вынужден обратиться к Наркому ВМФ с просьбой, чтобы Генеральный штаб дал указание командованию 51-й Отдельной армии о необходимости использования береговой артиллерии только по крупным объектам врага.

Ввиду реальности угрозы прорыва противника в Крым 25 сентября в район Ишуни и Воинки была срочно переброшена оперативная группа войск в составе 172-й и 271-й стрелковых и 42-й кавалерийской дивизий [39] под командованием генерал-лейтенанта П. И. Батова. В нее включена была также и 156-я дивизия. Эти войска 27 сентября с ходу предприняли попытку овладеть Турецким валом, но из-за запоздалого решения командования и нехватки времени на подготовку выполнить эту задачу не смогли. После упорных пятидневных боев под натиском превосходящих сил противника наши части, понесшие значительные потери, вынуждены были в ночь на 29 сентября отойти на слабо подготовленные Ишуньские позиции, оставить город Перекоп, а на следующий день — Турецкий вал и город Армянск.

Было бы несправедливо не отдать должное героическим усилиям воинов 51-й Отдельной армии, стоявшим насмерть на перекопских позициях. Но недавно сформированные и не полностью укомплектованные дивизии еще не имели боевого опыта. Кроме того, на устойчивость обороны отрицательно повлияло недостаточное количество артиллерии.

Становилось очевидным, что одновременная оборона Одессы и Крыма является непосильной задачей как для армии, так и для флота. О том, какое напряжение сил потребовалось от флота для оказания содействия войскам ООР, можно судить по следующим фактам. С 20 августа по 15 октября морская авиация совершила 5400 самолето-вылетов, береговая артиллерия израсходовала 11 тыс. снарядов, корабли 165 раз выходили в море на обстрел позиций врага. Транспортные суда совершили около 700 рейсов в Одессу в конвоях и 200 — без охранения. На них было доставлено 64 тыс. военнослужащих, 18,2 тыс. т различных грузов, 1300 лошадей.[25]

Всемерная помощь, оказанная защитникам Одессы, была настолько эффективной, а стойкость их в обороне настолько прочной, что румынским войскам, блокировавшим город с суши,

так и не удалось своими силами взломать оборону ООР. 26 сентября Гальдер записал в своем дневнике: «Позавчера Антонеску принял решение просить немецкой помощи, так как румыны не смогут взять Одессу одни. Антопеску требует: а) войска и б) помощи авиацией».[26]

И все же, несмотря на то что войска ООР могли еще длительное время защищать Одессу и сковывать здесь [40] значительные силы врага, стратегические соображения требовали эвакуации ООР: противник нацелился на Севастополь, что ставило под угрозу срыва и связь с Одессой.

29 сентября Военный совет Черноморского флота доложил в Ставку о том, что создалась реальная угроза потери Крыма, так как 51-я Отдельная армия находится на грани катастрофы, и просил Верховного Главнокомандующего принять решение об эвакуации Одессы и переброске войск ООР в Крым. Такое решение Ставка ВГК приняла в тот же день.[27] Сразу же после совещания в Ставке, не дожидаясь подписания директивы по этому вопросу, Нарком ВМФ дал телеграмму Военному совету флота с приказанием немедленно начать подготовку к эвакуации Одессы.

В директиве Ставки, переданной 30 сентября, командующим Черноморским флотом, Одесским оборонительным районом, 51-й Отдельной армией и Наркому ВМФ приказывалось: эвакуировать войска ООР на Крымский полуостров в кратчайший срок; до их прибытия все силы 51-й Отдельной армии бросить для удержания Арабатской стрелки, Чонгарского перешейка, южного берега Сиваша и Ишуньских позиций; воинские части ООР после переброски в Крым подчинить командующему 51-й Отдельной армией. Во исполнение этой директивы Нарком ВМФ дал указания по организации эвакуации.

Следует подчеркнуть важную особенность эвакуации Одессы: она произошла не под нажимом сил противника, а была организована на основе всесторонней и глубокой оценки обстановки, сложившейся на южном фланге советско-германского фронта.

Как показали последующие события, советское военно-политическое руководство, приняв решение об эвакуации Одессы, проявило гибкий и смелый творческий подход к важнейшей оперативно-стратегической проблеме. Задержка эвакуации Одессы роковым образом могла бы сказаться как на судьбе ее защитников, так и на обороне Севастополя осенью 1941 г.

В соответствии с планом, разработанным командованием ООР и утвержденным Военным советом флота, эвакуация Одесского оборонительного района началась 1 октября и успешно

завершилась 16 октября. В ней [41] принимали участие 37 транспортов и 10 боевых кораблей, включая крейсера эскадры, которые совершили в общей сложности 129 рейсов (63 — из Севастополя в Одессу и 66 — в обратном направлении). Из Одессы было эвакуировано около 121 тыс. военнослужащих, 51 тыс. т воинских грузов, более 3,5 тыс. лошадей, более 300 тыс. гражданского населения и 310 тыс. т народнохозяйственных грузов.[28] Воинские перевозки прикрывали с моря 23 боевых корабля, совершившие 152 выхода, и истребительная авиация флота.

Эвакуация воинских и тыловых частей, гражданского населения, боевой техники, воинских и народнохозяйственных грузов была четко спланирована и организованно проведена. В результате потери оказались минимальными: в Одесском порту был поврежден бомбой теплоход «Грузия», не начинавший еще погрузку, и на переходе морем потоплен авиацией противника шедший порожняком транспорт «Большевик». Успешному проведению эвакуации способствовала блестяще организованная оперативная маскировка, обеспечившая такую степень скрытности, что враг не сразу обнаружил факт оставления войсками Одессы, а еще в течение 5–6 ч после того, как из порта ушли последние транспорты, продолжал наносить артиллерийские и авиационные удары по переднему краю обороны, городу и порту.

Ограничение круга лиц, ознакомленных с целями подготовительных мероприятий, отвод воинских частей с передовых позиций под предлогом перегруппировки войск и планомерная эвакуация населения из осажденного города позволили сохранить в тайне план операции. Поддержание в течение всего времени эвакуации жесткого оперативного режима связи, проведение частных наступательных действий, сохранение обычного порядка в организации морских перевозок, хорошо налаженная противовоздушная оборона, исключившая ведение результативной воздушной разведки вражескими самолетами, сыграли исключительно важную роль в дезинформации противника относительно истинной обстановки в операционной зоне ООР. Но не только этим ценен опыт борьбы за Одессу.

Гораздо большее значение он имел для организации впоследствии устойчивой обороны Севастополя и Новороссийска. [42] Подчинение разнородных сил единому командованию, централизация управления всеми силами позволили организовать тесное взаимодействие армейских частей, соединений, авиации и кораблей и частей флота. Со всей убедительностью было доказано, что надежная защита приморских городов может быть

достигнута только при условии оказания постоянной помощи войскам со стороны флота: переброска морем соединений и частей, оружия, боеприпасов и всех видов снабжения, артиллерийская и авиационная поддержка, ведение десантных и активных отвлекающих действий на различных участках фронта.

Прибывшие из Одессы дивизии Приморской армии под командованием генерал-майора И. Е. Петрова по численности и боевому опыту представляли собой значительную силу. Они сразу же были направлены на фронт и вступили в бой с противником, возобновившим 18 октября наступление на Ишуньские позиции. К этому времени немецко-фашистское командование довело численность своих войск на подступах к Крыму до девяти пехотных и двух моторизованных дивизий, двух кавалерийских бригад и усилило их артиллерией и авиацией. Противнику, обладавшему значительным превосходством в живой силе и боевой технике, 22 октября удалось прорвать нашу оборону.

И именно в этот день была предпринята попытка улучшить организацию управления всеми силами, находившимися в Крыму, в первую очередь с целью достичь большей согласованности действий сухопутных войск и сил Черноморского флота. Ставка ВГК 22 октября создала командование войск Крыма во главе с вице-адмиралом Г. И. Левченко. Его заместителем по сухопутным войскам стал командующий 51-й Отдельной армией генерал-лейтенант П. И. Батов. Черноморский флот перешел в оперативное подчинение командующего войсками Крыма. Но эта организационная мера, которая в иных условиях могла бы принести существенную пользу, в данном случае оказалась запоздалой и на ход боевых действий уже не могла оказать сколько-нибудь заметного влияния, да и вряд ли в той критической ситуации она была целесообразной. Новому командующему, не имевшему опыта руководства боевыми действиями на сухопутном фронте, требовалось время, чтобы разобраться в обстановке. Но этого времени как раз и не было. Начавшееся на следующий день наспех подготовленное [43] контрнаступление ожидаемых результатов не принесло. После ожесточенных боев с превосходящими силами противника 26 октября 51-я Отдельная армия начала с боями отходить к Керченскому полуострову, а Приморская армия — на юг к Севастополю.

Ввиду того что танковые части и моторизованная пехота противника перерезали шоссе Симферополь — Севастополь, основным силам Приморской армии пришлось отступать через горный хребет Яйла на Алушту и Ялту. В течение нескольких дней враг захватил значительную часть Крымского полуострова:

31 октября — Евпаторию, 1 ноября — Симферополь, 3 ноября — Феодосию. К 4 ноября его войска овладели всем побережьем от Ялты до мыса Чауда.

В связи с тем что противник занял большинство крымских аэродромов и создалась опасность массированных воздушных ударов по главной базе и находившимся в ней кораблям, по приказанию командующего флотом в ночь на 1 ноября часть кораблей эскадры, включая линейный корабль «Парижская коммуна», крейсер «Молотов» и лидер «Ташкент», вышла из Севастополя в порты Кавказского побережья. В последующие дни были перебазированы и другие корабли, эвакуированы в кавказские порты и некоторые службы флота, в районе Туапсе развернут запасной флагманский командный пункт флота.

Поражение наших войск на севере Крыма выдвинуло на первый план задачу обороны Севастополя и Керчи, проблему предотвращения прорыва противника через Керченский пролив на Северный Кавказ. Следует отметить, что Военный совет флота, предвидя возможность ударов по Севастополю с суши, еще в июле 1941 г. принял решение приступить к сооружению сухопутных оборонительных рубежей. Ежедневно на их строительстве трудились несколько тысяч человек — личный состав частей гарнизона и жители города. Однако к моменту подхода вражеских войск к Севастополю создание падежной системы обороны еще не было завершено. Но все же эти мероприятия сыграли важную роль в срыве немецкого плана захватить Севастополь с ходу, до подхода сюда частей отступавшей кружным путем Приморской армии. Морские подразделения гарнизона города и формирования гражданской обороны 30 и 31 октября сдержали натиск врага. Так началась героическая оборона Севастополя. [44]

31 октября вице-адмирал Г. И. Левченко поставил перед войсками Крыма задачу: оборонять главную морскую базу — Севастополь и подступы к Ак-Монайскому перешейку.[29]

После оставления Ишуньских позиций разрозненные и сильно поредевшие в боях части 51-й Отдельной армии отходили к Керченскому полуострову. А ее штаб, 172-я, 184-я стрелковые, 40-я и 42-я кавалерийские дивизии, отрезанные от основных сил, следовали в Севастополь. Фактически с 31 октября войска, отступавшие к Керчи, остались без централизованного управления.

В этой обстановке Ставка приняла решение оборонять Керченский полуостров на Ак-Монайских позициях. 3 ноября сюда отошли остатки 106, 156, 320, 157 и 276-й стрелковых дивизий, которым и удалось задержать наступление противника.

Общее руководство ими осуществлял командир 9-го стрелкового корпуса генерал-майор И. Ф. Дашичев. Еще в сентябре — октябре на Ак-Монайском перешейке (протяженность около 18 км) возводились инженерные сооружения: от Азовского до Черного моря был вырыт широкий и глубокий противотанковый ров, сооружались доты и дзоты. Это и позволило задержать здесь противника на несколько дней.

4 ноября приказом командующего войсками Крыма были образованы Севастопольский и Керченский оборонительные районы. Поддержку войск на Ак-Монайских позициях должны были осуществлять: со стороны Феодосийского залива — маневренный отряд, сформированный из крейсеров «Красный Крым», «Красный Кавказ», «Червона Украина» и эсминцев, а со стороны Азовского моря — отряд кораблей Азовской флотилии. 7 ноября Ставка ВГК возложила руководство обороной Севастополя на командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского, а непосредственное руководство обороной Керченского полуострова — на генерал-лейтенанта П. И. Батова.

Однако никакие организационные меры без немедленной и существенной помощи живой силой, боевой техникой и боеприпасами не могли уже повлиять на дальнейший ход событий на Керченском полуострове. 51-я Отдельная армия, значительно ослабленная в непрерывных боях в период с конца сентября до начала ноября, ни разу не получала пополнений. Она испытывала [45] острый недостаток в резервах, в противовоздушных и противотанковых средствах, транспорте для подвоза боеприпасов, да и в самих боеприпасах. Положение усугублялось и тем, что наступление фашистских войск на Севастополь не позволило командованию флота направить в Феодосийский залив корабли для огневой поддержки войск. Их огневая мощь в большей степени требовалась для нанесения удара по врагу, штурмовавшему Севастополь.

Слабой оказалась и противовоздушная оборона Керченской военно-морской базы. Это позволяло вражеской авиации безнаказанно наносить удары по нашим войскам, силам флота и портовым сооружениям. Только в результате налета группы бомбардировщиков па Керченский порт днем 27 октября было уничтожено большое количество боеприпасов, сосредоточенных на Широком молу, на неразгруженных баржах, в железнодорожных вагонах и на складах, потоплено пять небольших судов.

4 ноября после полуторачасовой артиллерийской и авиационной подготовки противник начал атаку Ак-Монайских позиций. После трехсуточного упорного сопротивления наши

войска были вынуждены отойти к Турецкому валу (в 26 км от Керчи), протянувшемуся от Казантипского залива до северного берега Узунларского озера.

Прибывший 7 ноября из Севастополя в Керчь на эсминце «Незаможник» генерал-лейтенант П. И. Батов ночью доложил в Ставку: «…нам нужна немедленная помощь в живой силе — одна-две дивизии, чтобы сдержать свежую группировку противника… Положение у нас тяжелое…»[30]

Неблагоприятно складывалась обстановка и на северных берегах Азовского моря. В октябре немецкая 1-я танковая армия соединилась северо-западнее города Осипенко (ныне Бердянск) с 11-й армией, наступавшей вдоль побережья. Азовская военная флотилия 8 октября лишилась своей основной базы — Мариуполя. Военный совет ЧФ приказал перебазировать флотилию на юго-восточное побережье Азовского моря (основная база Приморско-Ахтарская, маневренные базы в Азове и Ейске). [46]

К 17 октября все северное побережье до Таганрога включительно было занято противником. В начале ноября противник подошел к Ростову-на-Дону, а 21 ноября захватил его.

В этих условиях для поддержки северного фланга обороняющих Керченский полуостров войск Азовская флотилия могла выделить лишь дивизион канонерских лодок («Рион», «Днестр», «Буг»), которые взаимодействовали с прибывшими сюда кораблями Дунайской военной флотилии и Керченской военно-морской базы. Вот все, что могла направить флотилия на помощь 51-й Отдельной армии, так как одновременно ей приходилось оказывать содействие войскам 9-й и 56-й армий на северном побережье Азовского моря и охранять свои коммуникации. Огневая поддержка такими малыми силами была недостаточно эффективной.

Кроме того, задачи огневой поддержки кораблям первоначально ставил командующий флотилией по радио, без точного знания обстановки, а в частях сухопутных войск отсутствовали представители флота для согласования действий корабельной артиллерии, не было и корректировочных постов. В целях устранения существующих недостатков командование флотилии настояло, чтобы эти задачи ставил непосредственно командующий войсками Крыма из Керчи. Однако и при такой организации корабельная артиллерия использовалась все же недостаточно эффективно. Корабли к огневому содействию войскам по-прежнему привлекались эпизодически, так как единого плана действий армии и флота при обороне Керченского полуострова не было, а надежная связь с сухопутными частями

отсутствовала, к тому же стрельба по берегу не корректировалась и велась лишь по видимым целям прямой наводкой.[31]

Со стороны Черного моря южный фланг войск, оборонявших Керчь, поддерживали корабли эскадры ЧФ. Так, дважды в ночное время 9 и 10 ноября артиллерийскую поддержку войскам 51-й Отдельной армии оказывал крейсер «Молотов». По донесению штаба армии, от огневых ударов его 180-мм орудий противник понес значительный урон. Но, к сожалению, это был единичный эпизод. Систематическим же действиям кораблей, особенно в дневное время, препятствовало отсутствие [47] истребительного прикрытия, что ставило их под угрозу гибели от ударов авиации противника. Так, утром 10 ноября при возвращении в Туапсе крейсер «Молотов» атаковали четыре торпедоносца и группа бомбардировщиков. Их нападение с большим трудом удалось отразить огнем зенитной артиллерии корабля. В худшем положении оказывались канонерские лодки Азовской флотилии со слабым зенитным вооружением. 12 ноября канонерская лодка «Буг», выполнявшая задачу по артиллерийской поддержке войск, но не имевшая воздушного прикрытия, в результате атаки вражеских самолетов получила серьезные повреждения и ей пришлось возвратиться в базу. 14 ноября канонерская лодка «Рион», обстреливавшая скопление живой силы и боевой техники противника в районе Камыш-Буруна, подверглась бомбовому удару и, чтобы избежать гибели, вынуждена была выброситься на берег.

Защитники Керченского полуострова самоотверженно сражались, но силы были слишком неравными. 10 ноября начались ожесточенные бои за Керчь. Последним оборонительным рубежом обескровленных частей 51-й Отдельной армии стала гора Митридат. И даже прибывший с Кавказского побережья для усиления 825-й стрелковый полк 302-й горнострелковой дивизии не смог поправить положения: около двух батальонов противника прорвались на северные склоны горы Митридат и открыли огонь по городу. Введенной в бой 9-й бригаде морской пехоты удалось отбросить врага, но положение по-прежнему оставалось угрожающим. Помимо трех уже действовавших дивизий фашистское командование подтянуло к городу еще одну.

12 ноября вице-адмирал Г. И. Левченко доложил в Ставку, что в дивизиях осталось по 150–200 человек, 825-й стрелковый полк не способен повлиять на оперативную обстановку, а резервов нет. В сложившихся условиях «войска керченского направления не в состоянии удержать Керченский полуостров», необходимо немедленно приступить к вывозу техники и материальной части,

к организации оборонительных сооружений на Таманском полуострове.[32]

Обстановка диктовала необходимость эвакуации наших войск с Керченского полуострова: 13 ноября бои [48] уже шли на западных и южных окраинах Керчи. Задержка с отводом частей 51-й Отдельной армии могла привести к полному их разгрому, форсированию противником Керченского пролива и к захвату с ходу незащищенного Таманского полуострова.

Мужественно сдерживали натиск вражеских войск, рвавшихся в город, к порту и переправам через Керченский пролив, к его побережью, воины армии, флота и бойцы местных формирований. В ходе боев они нередко переходили в контратаки, вступали в рукопашную схватку, но силы были на исходе, необходимо было принимать трудное, но единственно верное в тех условиях решение.

13 ноября Ставка разрешила начать эвакуацию. В первую очередь с Керченского на Таманский полуостров переправляли наиболее ценную боевую технику, тяжелую артиллерию, орудия, расстрелявшие весь боезапас, специальные машины, автотранспорт. Эвакуацию войск планировалось провести в два дня, но из-за недостатка плавсредств она продолжалась до 16 ноября.

Перевозка войск через Керченский пролив осуществлялась кораблями Азовской и Дунайской военных флотилий и Керченской военно-морской базы. Сюда, в пролив, были направлены все суда и плавсредства, имевшиеся в юго-восточной части Азовского моря. Управление всеми этими силами было возложено на начальника штаба Азовской флотилии капитана 3 ранга А. В. Свердлова.

В течение 14–16 ноября суда, баржи и лодки под прикрытием истребителей и кораблей непрерывно курсировали между Керченским и Таманским полуостровами, переправляя вначале госпитали и медсанбаты. Флотские командиры на всех переправах обеспечивали организацию и рациональное использование кораблей и плавсредств. Особо отличался распорядительностью и мужеством комендант морской переправы в Еникале начальник штаба Дунайской флотилии капитан 2 ранга В. В. Григорьев.

Несмотря на непрерывный обстрел и бомбежки порта, самоотверженные действия моряков позволили уже 14 ноября переправить на Таманский полуостров свыше 15 тыс. человек и 400 орудий. Крупнокалиберные орудия сразу же занимали огневые позиции на косе Чушка и открывали заградительный огонь по противнику, преследовавшему наш арьергард — 302-ю

горнострелковую дивизию и 9-ю бригаду морской пехоты. [49]

В 10 ч 15 мин 16 ноября от пристани Еникале отошли плавсредства с последним эшелоном войск Керченского оборонительного района, частями формирований гражданской обороны и активом города. К этому времени личный состав и почти все вооружение 51-й Отдельной армии были вывезены из Керчи. Оставшиеся автомашины и повозки пришлось уничтожить.

Не успела переправиться на восточный берег пролива часть подразделений, прикрывавших эвакуацию армии. Они еще несколько дней вели бои с врагом, а затем ушли в Старокарантинские и Аджимушкайские каменоломни, где вместе с партизанами продолжали сражаться с немецко-фашистскими захватчиками.

Итак, к середине ноября противник оккупировал почти всю территорию Крыма. Но еще в начале ноября немецко-фашистское командование, не дожидаясь полного захвата Керченского полуострова, приступило к тщательной подготовке наступления на Севастополь.

Временное затишье, длившееся более месяца, севастопольцы использовали для совершенствования системы обороны СОР. Укреплялись старые и создавались новые оборонительные сооружения. Береговая оборона пополнилась восемью стационарными батареями, вооруженными морскими орудиями, снятыми с поврежденных кораблей. Состав Севастопольского оборонительного района пополнился соединениями Приморской и частично 51-й Отдельной армий, вышедших по южному берегу Крыма. На аэродромы СОР, базировалось 90–100 самолетов. Противовоздушная оборона насчитывала более 60 зенитных орудий и 30 пулеметов.

Как раз перед началом первого наступления немецко-фашистских войск на Севастополь, в ночь на 11 ноября, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский донес в Ставку о вступлении в командование Севастопольским оборонительным районом и доложил, что на 46 км линии фронта имеется всего 23 тыс. штыков и сабель, 4 тыс. артиллерийских орудий и около 2 тыс. человек в резерве без оружия. Военный совет флота просил дать горнострелковую дивизию, 100 пулеметов, 3 тыс. винтовок и хотя бы десяток танков для резерва командования.[33]

16 ноября Ставка приказала установить базой снабжения СОР Новороссийск, а все имеющиеся в Новороссийской [50] военно-морской базе снаряды и патроны отправить в Севастополь; командующему Закавказским фронтом предписывалось немедленно выделить в распоряжение вице-адмирала Ф. С.

Октябрьского 3 тыс. винтовок, 100 пулеметов, 25 тыс. снарядов различного калибра и 60 тыс. 50-мм и 107-мм мин.[34] Эта помощь сыграла немалую роль в отражении наступления противника, начавшегося 11 ноября.

Сосредоточение всей полноты власти в руках командующего СОР, несомненно, было правильным решением. Этим достигались централизация управления, согласованность усилий всех общевойсковых объединений, сил флота и авиации, а также поддержание устойчивого взаимодействия между ними. Централизация управления еще больше усилилась, когда 19 ноября по приказу Ставки вице-адмирал Ф. С. Октябрьский перешел в непосредственное ее подчинение, а его заместителем по руководству сухопутными войсками был назначен генерал-майор И. Е. Петров. Должность командующего войсками Крыма, ставшая с потерей Керченского полуострова лишним звеном в системе руководства силами СОР, упразднялась.

По словам бывшего командующего 11-й армией Э. Манштейна, он спешил с началом штурма, так как опасался, что советское командование сможет в короткий срок подготовить новые силы для высадки десанта в Крым. Поэтому все войска и боевая техника, за исключением 6-й пехотной дивизии 42-го армейского корпуса, были переброшены с Керченского полуострова под Севастополь на усиление 54-го и 30-го армейских корпусов.[35] Артиллерия была усилена тяжелыми орудиями калибра 360 и 615 мм.

Судьба блокированного с суши Севастополя полностью зависела от морских перевозок. В обеспечении защитников главной базы флота всем необходимым участвовали не только транспорты и танкеры, но и быстроходные боевые корабли.

Существенно повышали оборонительные возможности сил СОР корабли эскадры ЧФ, включая линкор «Парижская коммуна», крейсера «Красный Крым», «Красный Кавказ» и другие, поддерживавшие сухопутные войска огнем дальнобойной артиллерии. В этот период, по [51] существу, почти вся боевая деятельность Черноморского флота была подчинена основной задаче — обороне Севастополя.

Задачу, поставленную Ставкой, — Севастополь не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами — защитники города выполнили благодаря заблаговременно созданной разветвленной системе береговых оборонительных сооружений, тесному взаимодействию частей и соединений армии и флота, самоотверженной помощи населения города. За 10 дней боев противнику удалось вклиниться в передовую оборонительную полосу только на двух участках: в направлении Дуваикоя — на 3–

4 км и у хутора Мекензия — па 1–2 км.

Без преувеличения можно сказать, что решающую роль в отражении первого наступления на Севастополь сыграла береговая артиллерия. Обрушив на врага свыше 20 тыс. снарядов, она создала огневой заслон по всему периметру обороны и, оставаясь малоуязвимой, нанесла ему крупный урон в живой силе и боевой технике. «…Мощные оборонительные сооружения, — отмечал сам противник, — как-то: бронированные орудия, бетонные доты с пулеметами и орудиями и т. п. были расположены таким образом, что трудно было разыскать их среди массы других сооружений, поэтому требовали борьбы с каждым из них».[36]

Большую помощь защитникам города оказала и корабельная артиллерия. 11 кораблей различных классов осуществили в общей сложности 54 артобстрела, израсходовав более 2,3 тыс. снарядов. Немногочисленной авиагруппе, базировавшейся на Севастополь, приходилось решать самые разнообразные задачи: отражать налеты вражеской авиации, вести разведку, наносить удары по аэродромам, скоплениям поиск, танкам и батареям, поэтому она не могла надежно прикрывать с воздуха корабли, находящиеся в районе Севастополя. Во время одного из массированных налетов вражеской авиации в результате попадания нескольких авиационных бомб затонул крейсер «Червона Украина».

В результате активных действий сил СОР 11–21 ноября немецко-фашистские войска понесли столь крупные потери, что уже не были способны наступать. В ротах осталось по 30–40 человек, поэтому фашистское командование было вынуждено прекратить штурм и начать подготовку к очередному наступлению. [52]

Глава третья. Победа и поражение в Крыму

В тяжелых оборонительных сражениях летом и осенью 1941 г. Советские Вооруженные Силы подорвали наступательную мощь немецко-фашистской армии. В результате контрнаступления войск Южного фронта в конце ноября противник был отброшен к западу от Ростова-на-Дону на 60–80 км. На северо-западном направлении увенчалась успехом Тихвинская наступательная операция. Контрнаступление войск Красной Армии на одном из решающих направлений — московском — переросло в общее наступление.

В целях развития успеха наступательных действий Советское Верховное Главнокомандование стремилось использовать любые возможности для нанесения ударов по врагу, в том числе и на южном фланге советско-германского фронта. 5 декабря заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант А. М. Василевский дал указания командующему ЧФ подготовить предложения для доклада Ставке о возможности проведения десантной операции на Керченский полуостров. Объективные условия для проведения такой операции, безусловно, имелись: Черноморский флот по-прежнему сохранял превосходство на море, стойко оборонялся Севастополь, Закавказский фронт располагал еще резервом сил. Командующий флотом считал, что такая операция возможна, [53] и изложил свои соображения по ее осуществлению. Предполагалось главными пунктами высадки наметить Феодосию и Керчь; в Феодосии предусматривалось высаживать войска с боевых кораблей прямо в порту при поддержке авиации и корабельной артиллерии. Руководство операцией предлагалось поручить находившемуся на Кавказе заместителю Наркома ВМФ адмиралу И. С. Исакову. На подготовку операции командующий флотом просил 15 суток.

Уже 7 декабря Ставка утвердила план десантной операции, а руководство ею возложило на командующего Закавказским фронтом генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова. Организацию морской части операции Нарком ВМФ поручил командующему флотом.

В окончательно утвержденном плане предусматривалось высадку десанта произвести двумя эшелонами одновременно на северном, восточном и южном (в Феодосийском порту) побережьях Керченского полуострова. Для участия в операции были выделены шесть стрелковых дивизий, две стрелковые

бригады и два горнострелковых полка 51-й и 44-й армий — всего 41 930 человек, 198 орудий и 256 минометов, 43 танка, 348 автомашин и тракторов и около 1800 лошадей. Для поддержки и прикрытия десанта с воздуха выделялось около 500 самолетов фронтовой авиации и 161 самолет ВВС Черноморского флота. Командующий Закавказским фронтом перед войсками фронта и силами Черноморского флота и Азовской военной флотилии поставил задачу — окружить и уничтожить керченскую группировку противника, овладеть Керченским полуостровом, сковать его силы в Крыму, вынудить снять часть сил из районов Севастополя и Таганрога.

Здесь нет необходимости подробно излагать ход Керченско-Феодосийской десантной операции, он достаточно полно отражен в нашей литературе. Однако хотелось бы осветить ряд важных моментов этой операции, связанных с действиями войск, сил флота и командования.

Итак, по данным нашей разведки, положение войск противника в Крыму к тому времени было следующим: основные силы 11-й армии в середине декабря были сосредоточены под Севастополем, а на Керченском полуострове находились немецкая 46-я пехотная дивизия, румынская 8-я кавалерийская бригада, два танковых батальона, два полка полевой артиллерии и пять зенитных артиллерийских дивизионов. Сюда же были направлены [54] части 73-й пехотной дивизии. Общая численность группировки войск противника на Керченском полуострове составляла около 25 тыс. человек.[37]

В общей сложности наши войска превосходили противника по пехоте в 1,7 раза, по орудиям и минометам — в 1,5 раза, но уступали ему в танках в 2,7 раза. Соотношение сил авиации было почти равным.

К высадке и артиллерийской поддержке десанта планировалось привлечь свыше 250 кораблей и судов, в том числе 8 боевых кораблей основных классов, 52 сторожевых и торпедных катера.

13 декабря была получена директива командующего Закавказским фронтом, в которой были поставлены задачи войскам и силам флота, привлекавшимся к операции. Начало ее планировалось на 21 декабря. Замыслом операции предусматривался захват Керченского полуострова в целях создания плацдарма для последующего освобождения Крыма войсками 51-й (командующий — генерал-лейтенант В. Н. Львов, член Военного совета — корпусной комиссар А. С. Николаев, начальник штаба — генерал-майор И. С. Савинов) и 44-й армий (командующий — генерал-майор А. Н. Первушин, член Военного

совета — бригадный комиссар А. Т. Комиссаров, начальник штаба — полковник С. Е. Рождественский) во взаимодействии с силами Черноморского флота, Азовской военной флотилии и Керченской военно-морской базы.

На время операции Азовская военная флотилия (командующий — контр-адмирал С. Г. Горшков, военный комиссар — полковой комиссар С. С. Прокофьев, начальник штаба — капитан 3 ранга А. В. Свердлов) и Керченская военно-морская база (командир — контр-адмирал А. С. Фролов, военный комиссар — батальонный комиссар В. А. Мартынов, начальник штаба — капитан 3 ранга А. Ф. Студеничников) были оперативно подчинены Закавказскому фронту.

51-й армии предстояло высадить на Керченский полуостров одновременно две десантные группы: одну — силами Азовской военной флотилии на северо-восточный берег, другую — силами Керченской военно-морской базы на восточный берег (южнее Керчи). После высадки войска должны были нанести сходящиеся удары с севера и с юга, овладеть городом Керчь, Султановкой, а затем [55] наступать в направлении железнодорожной станций Ак-Монай.

Высадка 44-й армии должна была осуществляться кораблями и судами Черноморского флота. На эту армию возлагались следующие задачи: во взаимодействии с силами Черноморского флота овладеть городом и портом Феодосия и прочно удерживать их; во взаимодействии с воздушным десантом, который предполагалось высадить в районе Владиславовки, уничтожить феодосийскую группировку противника, овладеть районом Сейтджеут, Кошай, Ак-Монай, Владиславовка, Султановка и упорно оборонять его до уничтожения войсками 51-й армии керченской группировки врага; частью сил содействовать 51-й армии наступлением на Марфовку; с выходом 51-й армии на Ак-Монайские позиции быть готовой к развитию успеха в направлении на Карасубазар (ныне Белогорск).

Одновременно предполагалось в районе гора Опук — Ссыпной пункт высадить вспомогательный морской десант, [56] который должен был нанести удар в направлений Орта-Эли, чтобы оказать содействие 51-й армии в форсировании Керченского пролива.

Подготовка флота к операции началась еще 3 декабря с получением предварительного распоряжения штаба Черноморского флота. Чтобы оперативнее решать вопросы по подготовке и планированию операции, 10 декабря командующий флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, член Военного совета дивизионный комиссар И. И. Азаров и оперативная группа штаба

флота прибыли в Новороссийск, где уже размещался командный пункт 44-й армии. Командные пункты 51-й армии и Азовской военной флотилии были оборудованы в Темрюке, Керченской военно-морской базы — в Тамани.

Все коллективы штабов и личный состав флота работали с большим напряжением. Ведь ни у флота, ни у армии еще не было опыта планирования, подготовки и проведения столь крупной десантной операции. Надо было в короткие сроки сконцентрировать и подготовить силы, оборудовать транспортные суда и корабли для перевозки личного состава и боевой техники, скрытно сосредоточить их в пунктах посадки, провести тренировки по посадке и десантированию, совместно со штабами армий сделать необходимые расчеты, составить планы и разработать боевую документацию, организовать разведку, навигационное обеспечение, подвоз необходимых материальных средств и т. д.

Подготовка десантных отрядов была делом нелегким. Часть транспортных средств флота продолжала снабжать Севастополь. Ледовая обстановка на Азовском море не позволяла вывести малые корабли и плавсредства из Приморско-Ахтарской и Ейска. Кроме того, в это же время часть кораблей (лидеры и эсминцы) обеспечивала конвоирование танкеров из Черного моря в Босфор. Командующий флотом обратился к Наркому ВМФ с просьбой отменить проводку танкеров, чтобы не распылять силы и полностью использовать их в предстоящей десантной операции. Эта просьба была удовлетворена. Помимо кораблей и вспомогательных судов Черноморского флота, транспортов Морского флота в Темрюке собрали все плавсредства Азово-Кубанского пароходства, рыболовного флота и Азовтехфлота, а также ближайших рыболовецких колхозов. Таким образом, к участию в десанте удалось привлечь около трехсот различных плавединиц, но техническое состояние многих из них было неудовлетворительным. [57] После боевых действий в летнюю кампанию корабли Азовской флотилии нуждались в ремонте. Более чем у 60 % плавсредств гражданских ведомств необходимо было отремонтировать корпуса и двигатели, большинство из них не было оборудовано средствами радиосвязи. Потребовались титанические усилия, чтобы привести их в порядок к началу операции.

Задачи АВФ в Керченско-Феодосийской десантной операции были поставлены приказом командующего ЧФ от 14 декабря и приказом командующего 51-й армией от 18 декабря.[38] Согласованный со штабом 51-й армии план действий флотилии в этой операции был доложен командующему флотом,

находившемуся в то время в Новороссийске, и утвержден им. Но было бы ошибочным полагать, что подготовка к высадке десанта шла в полном соответствии с планом. То и дело возникали обстоятельства, заставляющие вносить в него все новые и новые уточнения и изменения. Особенно значительные коррективы в план операции, в работу командования и штаба были внесены вследствие существенных изменений в указаниях командования армии. Если в начале подготовки операции командование 51-й армии ориентировало флотилию па высадку десанта численностью 3–3,5 тыс. человек, то к моменту начала операции численность предполагаемого к переброске десанта достигла уже 7–7,5 тыс. Неоднократно менялись план посадки первого эшелона войск, намеченные к высадке части, пункты высадки. Так, первоначально назначенная 398-я стрелковая дивизия была заменена 224-й, а уже в период посадки десанта на корабли командующий армией приказал высадить его вместо Ак-Моная в Казантипском заливе — и все это в предельно сжатые сроки. Данное обстоятельство, естественно, не могло не сказаться на подготовке десантных сил и на всем ходе операции.

Особую трудность вызвало формирование десанта. Армейское командование не имело представления о сложности подготовки морского транспорта к перевозке войск и об особенностях погрузки людей и техники на корабли и суда, не учитывало пропускной способности трапов, сходней и люков, мощности и производительности погрузочных средств, а также возможности средств высадки [58] десанта на необорудованное побережье и предъявило к перевозке в первом же эшелоне абсолютно нереальное количество личного состава, материальной части и лошадей. Тем но менее шла активная работа по подготовке транспортов и высадочных средств к перевозке десанта. Суда оборудовались фальшпалубами, настилами, конскими стойлами. Были изготовлены и бокс-ящики для погрузки лошадей. Проводились тренировки по погрузке и высадке войск. Впоследствии эта подготовительная работа дала положительные результаты при высадке десанта, особенно в Феодосии.

Специальными директивами политуправлений Закавказского фронта и Черноморского флота были разработаны конкретные мероприятия по политическому обеспечению десантной операции, направленные на воспитание у воинов мужества, стойкости, решительности и наступательного порыва. Перед личным составом выступали командующие, члены Военных советов, военкомы, командиры и политработники армий, кораблей и соединений. Политработники помогали командирам

отобрать в штурмовые группы наиболее смелых, дерзких и находчивых людей, организовать обмен опытом по взаимодействию в бою между моряками и воинами стрелковых частей.

Наконец все трудности были преодолены и подготовка операции закончилась к намеченному сроку. В районах и пунктах посадки были сосредоточены десантные части, корабли, суда и плавсредства. Однако обстановка под Севастополем осложнилась, что потребовало внести существенные изменения в план операции.

17 декабря противник предпринял второй штурм Севастополя. 19 декабря заместитель командующего Черноморским флотом по обороне главной базы контр-адмирал Г. В. Жуков и член Военного совета флота дивизионный комиссар Н. М. Кулаков донесли в Ставку ВГК, Наркому ВМФ и командующему флотом, находившемуся в Новороссийске, что войска СОР понесли большие потери и под давлением превосходящих сил врага отошли на второй рубеж обороны, большинство стационарных тяжелых батарей береговой обороны подавлено, резервы и боезапас на исходе и при дальнейшем продолжении атак противника теми же темпами гарнизон Севастополя продержится не более трех суток. Ставка уже через несколько часов приняла решительные меры: приказала командующему Закавказским фронтом немедленно отправить в Севастополь не менее 3 тыс. человек маршевого пополнения, [60] одну стрелковую дивизию или две стрелковые бригады, снаряды и мины, оказать помощь не менее чем пятью авиаполками. Приказано было также подчинить Севастопольский оборонительный район во всех отношениях командующему Закавказским фронтом, а командующему флотом немедленно возвратиться в Севастополь.[39]

Выполняя указания Ставки, командование фронта направило в Севастополь наиболее подготовленные войска 44-й армии: 345-ю стрелковую дивизию и 79-ю морскую стрелковую бригаду, предназначавшиеся для высадки в Феодосии. Для их перевозки была задействована часть боевых кораблей и транспортов, выделенных для участия в десантной операции. По расчетам штаба флота на сосредоточение кораблей и транспортов в пунктах посадки потребовалось бы не менее шести суток. В связи с этим генерал-лейтенант Д. Т. Козлов принял далеко не лучшее решение — проводить операцию последовательно, в два этапа: 26 декабря высадить десант на восточное побережье Керченского полуострова, на его азовское побережье и у горы Опук, а 29 декабря — в Феодосии.

Таким образом, менялся не только состав десанта, но и сам принцип одновременной высадки всех сил, участвующих в операции. Вместо согласованных по времени ударов с севера и с юга, рассчитанных на окружение керченской группировки врага и отсечение ее от основных сил крымской группировки, предусматривалось нанесение двух последовательных ударов, что в корне противоречило основному замыслу операции. Такое решение командования Закавказского фронта давало противнику возможность отражать наступление десантных войск последовательно, сначала с направления Керченского пролива и азовского побережья, а затем с направления Феодосии, подтянуть резервы и не допустить продвижения наших войск в глубь Крыма. Дальнейшая подготовка по скорректированному плану происходила в спешке, что привело к серьезным упущениям в организации и управлении и не могло не сказаться на результатах столь сложной операции, какой является высадка морского десанта.

Приказ командующего фронтом на операцию был получен в штабе флотилии в полдень 24 декабря. Высадка десанта назначалась на утро 26 декабря, так что времени для завершения ее подготовки оставалось совсем мало. [60]

К тому же свой коррективы в план использования бил внесла и погода. Непрерывные дожди размыли дороги и аэродромы. Перегруппировка вновь назначенных для посадки войск и их сосредоточение в исходных точках происходили медленно. Времени для тренировок и подготовки участников десанта уже не было.

Аэродромная сеть оказалась неподготовленной к приему большого количества самолетов. Причиной этого была не только погода, но и крайне низкий уровень организации перебазирования авиации. К началу операции удалось сосредоточить лишь 50 % запланированных авиачастей, к тому же укомплектованных в основном самолетами устаревших типов. Остальные самолеты, главным образом новых образцов, оставались на тыловых аэродромах и не могли принять участие в операции.[40] Плохие метеоусловия и ограниченное время помешали провести аэрофотосъемку пунктов высадки, вследствие чего систему противодесантной обороны противника выявить полностью не удалось.

По ходу операции Азовской флотилии предстояло высадить два полка 224-й стрелковой дивизии, три батальона. 83-й морской стрелковой бригады и части 12-й стрелковой бригады 51-й армии (всего более 7 тыс. человек и около 40 единиц техники). Для их перевозки было сформировано пять отрядов

кораблей и судов. На каждый отряд назначался опытный командир — моряк с группой управления. При окончательной отработке боевого приказа, плановых таблиц и других документов на операцию особое внимание штаба было обращено на вопросы взаимодействия, сработанности моряков и воинов сухопутных войск — от рядового бойца до командира корабля и части, командования и штабов соединений.

В связи с чрезвычайно сложными условиями перехода морем и высадки весь командный состав был ознакомлен со специально составленными указаниями командующего АВФ по высадке десанта на необорудованный берег и переходу морем. Без тщательно разработанной документации было бы просто невозможно справиться с управлением разнородной армадой, которую представляла собой в то время флотилия, почти полностью включившаяся в решение чрезвычайно ответственной задачи. [61]

В назначенное время все отряды были подготовлены к выходу, но погода быстро портилась и синоптики предвещали сильный шторм. Поэтому в связи с низкой мореходностью десантных средств флотилии ее командование просило командующего фронтом перенести сроки десантирования. Однако эта просьба не была удовлетворена, напротив, было получено строгое указание командующего фронтом «действовать по утвержденному плану, так как операция началась». Следовательно, от командных инстанций теперь требовались напряжение всех сил и максимальная организованность в управлении, чтобы в создавшихся сложных условиях обеспечить успех операции, преодолев не только сопротивление врага, но и разбушевавшуюся стихию.

С 12 ч 30 мин и до 16 ч 40 мин 25 декабря из Темрюка вышли четыре десантных отряда, а в 22 ч из Кучугур — пятый отряд с таким расчетом, чтобы к 5 ч утра 26 декабря, т. е. за 2 ч до рассвета, прибыть к назначенным пунктам высадки. Но к вечеру ветер достиг 5–6 баллов, временами усиливаясь до 9 баллов. Скорость самоходных барж и паровых шаланд упала до 1–2 уз. Из-за большой разницы в скорости, различной мореходности походный порядок разнотипных кораблей и судов был нарушен, многие из них отстали и вынуждены были следовать одиночно. Шедшие на буксире у десантных судов сейнеры, байды и шлюпки захлестывало водой, а порой отрывало и уносило в море. Буксирующим судам приходилось останавливаться и отыскивать их. Но спасти в темноте в штормовых условиях все высадочные средства с десантниками не удалось. Дело осложнялось и отсутствием радиостанций на многих из мобилизованных в

гражданских ведомствах судах, что, естественно, затрудняло управление ими на переходе. Из-за резкого похолодания пушки на тральщиках и катерах-тральщиках покрывались льдом и выходили из строя.

Задержка на переходе, потеря части высадочных средств с людьми и вооружением значительно снизили боеспособность первого эшелона десанта и отрицательно отразились на ходе высадки.

Первый тревожный сигнал поступил в 3 ч 20 мин 27 декабря от командира первого отряда. Он донес, что к намеченному месту высадки в Казантипском заливе сможет подойти только к 10 ч, и получил приказ произвести высадку в назначенное время, но в районе мыса Зюк, что значительно сокращало его путь. [62]

Вскоре на флагманском командном пункте флотилий была получена радиограмма от командира пятого отряда: «Задачу выполнить не могу из-за шторма». Как позже выяснилось, волной оторвало все восемь буксируемых байд и шлюпок, а сейнеры потеряли друг друга. Буксир «Урицкий» не мог буксировать баржу при крутой волне. Поэтому отряд был вынужден возвратиться в Кучугуры и только 27 декабря вместо Еникале его пришлось перенацелить для высадки на мыс Хрони, где к тому времени десант четвертого отряда закрепился на захваченном плацдарме. И все же, преодолев штормовое море, остальные отряды подошли к рассвету в назначенные им районы и начали высадку войск десанта у мысов Зюк и Хрони. Темп высадки был низким. Сильный накат выбрасывал на берег шлюпки, на прибрежной отмели оказались сейнер «Декабрист» и катер-тральщик «Акула». Низкая температура, высокий прибой и штормовой ветер угнетающе действовали на личный состав десантируемых частей, но моряки из экипажей десантных судов и из частей морской пехоты, входивших на каждом судне в состав первого броска, подбадривали бойцов, увлекали их личным примером, первыми бросаясь в ледяную воду прибоя, и, стоя в ней по грудь, помогали солдатам выходить на берег, переносить вооружение и боеприпасы.

Высадка войск производилась при сильном огневом противодействии противника. Поддерживавшие высадку канонерские лодки меткой стрельбой подавляли вражескую артиллерию и огневые точки противодесантной обороны на берегу. Сторожевые катера ставили дымовые завесы для прикрытия от пулеметного огня противника подходивших к берегу высадочных средств. Это несколько облегчало положение десантных отрядов, но около 11 ч начались непрерывные налеты вражеской авиации. От попадания бомб затонула самоходная

шаланда «Фанагория», на которой погибло более 100 человек, получили повреждения пароходы «Пенай» и «Красный флот».

Командование АВФ неоднократно обращалось в штаб 51-й армии и штаб ВВС с просьбой выслать истребители для прикрытия пунктов высадки, но реальной помощи так и не последовало.

Впрочем, противник так и не смог сорвать высадку войск. В этих тяжелых условиях первому (командир — капитан-лейтенант Ф. П. Шиповников) и второму (командир — капитан 2 ранга В. С. Грозный-Афонин) отрядам, а также тральщику «Советская Россия» из состава [63] четвертого отряда удалось высадить около мыса Зюк 1378 человек, выгрузить три танка, два 37-мм, два 76-мм орудия и девять 120-мм минометов. Оставшиеся войска и боевую технику пришлось возвратить в Темрюк.

Успешно действовал и четвертый отряд (командир — капитан 3 ранга Дубовов). Под прикрытием артиллерийского огня канонерской лодки «Днестр» были высажены на мыс Хрони 1452 человека, выгружены три танка, два 76-мм и два 45-мм орудия.

Таким образом, в первый день, 26 декабря, на северный берег Керченского полуострова из состава первого эшелона десанта удалось высадить 2830 человек, выгрузить шесть танков, четыре 37-мм и 45-мм, четыре 76-мм орудия, девять 120-мм минометов. Потери в районах высадки составили около 700 человек. Высаженные части десанта в соответствии с планом операции продвигались в глубь полуострова в направлении Керчи.

Всего Азовская военная флотилия с 26 по 31 декабря перебросила на северное побережье Керченского полуострова более 6 тыс. человек 224-й стрелковой дивизии, 83-й морской стрелковой и 12-й стрелковой бригад 51-й армии, 9 танков, 10 орудий (37, 45 и 76-мм), 28 минометов, 9 автомашин и 240 т боеприпасов.[41]

Несмотря на сложную метеорологическую обстановку, отсутствие истребительного прикрытия и специальных десантно-высадочных средств, флотилия поставленную задачу выполнила. Действия войск, высаженных на северное побережье Керченского полуострова, отвлекли на себя значительные силы противника и способствовали успешной высадке главных сил десанта, форсировавших Керченский пролив. Успех высадки первых эшелонов явился следствием высокой морской выучки, мужества и настойчивости личного состава в достижении поставленной перед ним цели.

Отрядам Керченской военно-морской базы предстояло высадить в районе Камыш-Буруна, Эльтигена и Старого Карантина 302-ю горнострелковую дивизию 51-й армии.

Наиболее удачно высадка была произведена у Камыш-Буруна утром 26 декабря. Здесь передовой отряд застал противника врасплох. Под прикрытием дымовой завесы, поставленной специально выделенными катерами, десант быстро высадился и закрепился на берегу. Артиллерия и минометы противника были подавлены огнем береговой [64] артиллерии, развернутой на Таманском берегу, на косах Тузла и Чушка. Эффективность артиллерийского огня обеспечивалась корректировочными постами, находившимися в боевых порядках десанта.

Однако отсутствие надежного управления отрядами в море не дало возможности свести основные силы второго и третьего отрядов в одну группу, до рассвета высадить войска на главном направлении — в Камыш-Буруне и развить достигнутый успех. Они были вынуждены выполнять поставленную задачу уже днем при сильном противодействии артиллерии, минометов и авиации противника. И, естественно, понесли большие потери: около 400 человек было убито и ранено, пять сейнеров, катер типа МО, буксир, болиндер и баржа погибли.

Возле Старого Карантина и Эльтигена десант также попал под сильный огонь, поэтому в Старом Карантине сумели высадиться только 55 человек, в Эльтигепе — 19 человек. Они весь день вели бой с превосходящими силами врага. Оставшиеся в живых с наступлением темноты вырвались из окружения и пробились к основным силам десанта. Остальная часть десанта была высажена в районе Камыш-Буруна. К исходу 26 декабря здесь уже находились около 2000 человек.

В итоге боев за высадку на этом направлении наши войска закрепились на южной окраине Камыш-Буруна, на пристани судоремонтного завода и Камыш-Бурунской косе. Ожесточенные контратаки противника были отбиты при активной поддержке артиллерии с Таманского полуострова.

Из-за сложных метеоусловий и сильного противодействия врага намеченного темпа накопления сил на захваченном плацдарме выдержать не удалось. И все же в невероятно тяжелой обстановке к 30 декабря кораблями и судами Керченской военно-морской базы на Керченский полуостров в общей сложности было переброшено свыше 11 тыс. человек, 47 орудий, 229 пулеметов, 198 минометов, 12 автомашин, 210 лошадей и 14 повозок.[42]

Однако немецко-фашистское командование успело подтянуть резервы, организовать сильную оборону и тем самым задержать на некоторое время прорыв частей 302-й горнострелковой дивизии к Керчи с юга. Оказать помощь этой дивизии мог бы вспомогательный десант в составе 105-го горнострелкового полка, который по плану [65] операции должен был быть высажен

силами Черноморского флота около горы Опук 26 декабря, т. е. одновременно с высадкой десантов Азовской военной флотилией и Керченской военно-морской базой. Но этого не произошло. В условиях штормовой погоды и плохой видимости корабли на переходе потеряли друг друга. Командир отряда контр-адмирал Н. О. Абрамов, считая, что погода в районе горы Опук не позволяет выполнить задачу, неоднократно запрашивал у Военного совета флота разрешения отложить высадку до улучшения метеоусловий. Не получив ответа на свой запрос, он отказался от высадки и возвратил корабли в Анапу. Как выяснилось позже, перед выходом в море флагман перенес свой командный пункт с канонерской лодки «Красная Грузия» на канонерскую лодку «Красный Аджаристан», не поставив об этом в известность командующего флотом, а документы скрытой связи остались на «Красной Грузии». Это и привело к срыву поставленной задачи. Десант (около 2 тыс. бойцов) был высажен только 30 декабря, но уже в Камыш-Буруне.

В целом в период с 26 по 31 декабря Азовская военная флотилия и Керченская военно-морская база, несмотря на крайне неблагоприятные метеорологические условия и упорное сопротивление врага, выполнили поставленную задачу — высадили части 51-й армии на северном и восточном побережьях Керченского полуострова и оказали им огневое содействие при захвате плацдармов. Всего было высажено свыше 17 тыс. человек. Наступая в южном и северном направлениях, войска 51-й армии при эффективной поддержке артиллерии кораблей Азовской военной флотилии и Керченской военно-морской базы, а также артиллерии с Таманского полуострова сломили сопротивление противника и 30 декабря овладели городом Керчь.

К сожалению, помощь войскам со стороны авиации фронта и флота была явно недостаточной (26 декабря — в первый день десантирования всего 125 самолето-вылетов). Из-за большой удаленности аэродромов истребители не могли долго находиться в районах высадки и захваченных плацдармов и, следовательно, надежно прикрывать войска десанта с воздуха.

В последующие несколько дней операция на Керченском полуострове не получила дальнейшего развития, сказались ошибки в плане операции, в руководстве действиями войск и пренебрежение прогнозом погоды. Вряд [66] ли было целесообразно планировать высадку одновременно в девяти пунктах. Каких же целей можно было достичь при такой организации действий десанта: распылить внимание противника, силы и средства его противодесантной обороны? Ввести в заблуждение относительно направления нашего главного удара?

Одновременным охватом с разных направлений окружить части 42-го немецкого армейского корпуса и разгромить их в короткий срок? Пожалуй, ни одной из перечисленных. Реальным был только захват плацдармов в некоторых пунктах, что и произошло. Силы десанта оказались распыленными, чем был нарушен один из важнейших принципов военного искусства — массирование сил и средств на главном направлении, поэтому и главное направление в этой части операции не вырисовывалось. Кроме того, противник обладал свободой маневра по побережью, а перенацеливать наши отряды с десантом из-за плохой связи, шторма, полного господства вражеской авиации в воздухе было делом практически невозможным.

Оперативный успех наметился только 29 декабря после высадки силами Черноморского флота десанта в Феодосии.

Командующий флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский принял смелое решение: передовой отряд десанта высаживать с боевых кораблей прямо на причалы порта. Для выполнения этой задачи были выделены крейсера «Красный Крым», «Красный Кавказ», эсминцы «Железняков», «Шаумян», «Незаможник», транспорт «Кубань», 12 сторожевых катеров с 300 бойцами штурмовых групп и базовый тральщик. Корабли и транспорт приняли на борт в общей сложности 5419 человек, 15 пушек, шесть 107-мм минометов, 30 автомашин, 100 т боеприпасов, 68 т продовольствия и других грузов, 19 повозок.[43] Командовал отрядом опытный моряк капитан 1 ранга Н. Е. Басистый.

Отряд кораблей в таком составе имел ряд преимуществ по сравнению с другими отрядами, действовавшими в районе Керченского полуострова. Его корабли были мореходны и хорошо подготовлены к совместному плаванию, маневренны, имели надежную скрытную связь, мощную артиллерию и собственные средства ПВО. Большая скорость кораблей и плохие метеоусловия, затруднявшие [67] ведение противником воздушной разведки ночью, позволили быстро и скрытно совершить переход. Около 3 ч 29 декабря корабли без всяких помех подошли к траверзу мыса Киик-Атлама. Ориентируясь по прожекторам заблаговременно развернутых подводных лодок _»Щ-201» (командир — капитан 3 ранга А. И. Стрижак) и «М-51» (командир — капитан-лейтенант В. М. Прокофьев) и по выставленным ими буям, в 3 ч 50 мин по приказу флагмана корабли открыли огонь из орудий главного калибра по целям в порту Феодосии и местечке Сарыголь. Цели освещались осветительными снарядами. Противник был застигнут врасплох. Ответный беспорядочный артиллерийско-минометный огонь, открытый им лишь спустя 10–12 мин, не причинил кораблям

никакого ущерба.

Сторожевые катера № 0131 и № 013, воспользовавшись открытым боновым заграждением, ворвались в гавань, высадили на мол штурмовой отряд (около 60 человек) и группу навигационного обеспечения, подавили артиллерийским и пулеметным огнем ожесточенное сопротивление оборонявших порт автоматчиков и дали кораблям сигнал «Вход в гавань открыт». Этот же отряд захватил маяк, на котором вскоре был зажжен огонь, что помогло другим катерам сориентироваться и без задержки приступить к высадке остальных штурмовых групп.

Однако противник, преодолев замешательство первых минут боя, перешел в контратаку. Штурмовому отряду потребовался почти час для того, чтобы выбить его с причалов, пристани и захватить часть порта, после чего корабли с десантом смогли подойти к причалам и приступить к высадке.

Десантирование производилось под непрерывным интенсивным артиллерийско-минометным обстрелом противника, а в 9 ч 25 мин начались и налеты его авиации. Основной огонь противник сосредоточил по крейсерам. В «Красный Крым» попало одиннадцать, а в «Красный Кавказ» — семнадцать снарядов. Один из снарядов пробил броню, взорвался внутри второй башни главного калибра «Красного Кавказа» и вызвал пожар. В создавшейся обстановке геройски действовали краснофлотец В. Покутный, комендор П. Пушкарев и электрик П. Пилипко. Рискуя жизнью, они выбросили горящий заряд, за несколько минут потушили огонь и предотвратили взрыв артиллерийского погреба. Повреждения получили и некоторые другие корабли. К 11 ч 30 мин был высажен на берег личный состав и выгружена боевая техника [68] 633-го, 814-го стрелковых и 251-го горностелкового полков.

В течение почти девяти часов огнем зенитной артиллерии корабли отразили около 20 налетов вражеской авиации, действовавшей группами по четыре самолета. Однако бомбометание было неточным, а сброшенные ими бомбы вреда кораблям не причинили.

Истребительное прикрытие района высадки и на этот раз было слабым. Непродолжительное время здесь барражировали только пять истребителей И-153 ВВС флота. Воздушный десант 44-й армии, который по плану должен был захватить (Владиславовну, чтобы перебазировать туда истребительную авиацию, выброшен не был. А 18 зенитных орудий, выгруженных на берег, не могли обеспечить эффективную противовоздушную оборону района всего плацдарма.

А вот бомбардировочная авиация в целях поддержки

высадившихся войск действовала активно: только 29 декабря она произвела 242 самолето-вылета.

Мощное огневое содействие десантникам оказывали корабли. В процессе высадки они вели огонь прямой наводкой по обнаруженным огневым точкам, а затем в течение дня маневрировали в заливе и наносили артиллерийские удары по данным трех корректировочных постов, находившихся в боевых порядках пехоты.[44] Для противодействия высаживавшимся частям десанта уже в первой половине дня к Феодосии начали подходить части румынских 4-й горной и 8-й кавалерийской бригад. Командующий 11-й армией Манштейн направил их сюда с началом боевых действий на Керченском полуострове с задачей не допустить возможной высадки наших войск в этом районе. Но они опоздали, и немецкое командование вынуждено было изменить задачу, приказав этим бригадам и находившемуся на подходе румынскому моторизованному полку немедленно сбросить десант в море.

Однако и эта задача оказалась им не под силу. Наши войска, упредив противника, прочно закрепились на плацдарме. К исходу 29 декабря они освободили станцию Сарыголь, очистили от врага город и порт Феодосию и прилегающие высоты.

В течение 29–31 декабря корабли и вспомогательные суда Черноморского флота доставили на плацдарм 157-ю и 236-ю стрелковые дивизии, 63-ю горнострелковую дивизию [69] и части 9-й горнострелковой дивизии. Всего было переброшено свыше 17 600 человек, около 1500 лошадей, 34 танка, 127 орудий, 211 минометов, более 290 автомашин, 18 тракторов, 630 т боезапаса, 181 т продфуража, 250 т других грузов.[45]

Высадка десантной группы (21 человек) в районе Коктебеля оказалась неудачной, она сразу же попала в засаду. Видимо, противник предвидел ее возможное появление, так как еще за двое суток до высадки подводная лодка нескрытно вела разведку в этом районе, находясь в надводном положении в светлое время суток, что, по-видимому, и насторожило неприятеля.

Командир немецкого 42-го армейского корпуса, опасаясь быть отрезанным от основных сил 11-й армии, уже в первой половине дня 29 декабря приказал своим войскам немедленно оставить Керченский полуостров. Вечером части 42-го армейского корпуса скрытно отошли со своих позиций и форсированным маршем двинулись в сторону Ак-Монайского перешейка. Из-за плохо организованной разведки командование 51-й армии узнало об этом только утром 30 декабря, в результате чего противнику удалось оторваться от войск 51-й армии и избежать разгрома.

Командование Кавказским фронтом в столь благоприятной

для нас обстановке не сумело в короткий срок организовать стремительное преследование врага с керченского и феодосийского направлений, с тем чтобы на его плечах выйти на оперативный простор Крыма.

Медленно развивала наступление и 44-я армия. К 31 декабря она продвинулась только к Владиславовне, куда уже подходили отступавшие немецкие части. Воздушный десант (один батальон) вместо Владиславовки был выброшен около Арабата и оказался в стороне от движения вражеских колонн. Попытка командования 51-й армии отрезать путь противнику, высадив около Ак-Моная 31 декабря морской десант в составе одной бригады, также оказалась безрезультатной. Десантно-высадочные средства не смогли пробиться через лед к месту высадки.

К Арабатскому заливу части 44-й армии вышли только во второй половине дня 2 января 1942 г., когда противник уже отвел свои войска с Керченского полуострова [70] и занял рубеж обороны на линии Киета — Новая Покровка — Изюмовка — Коктебель.

Успех войск Красной Армии на Керченском полуострове вызвал серьезную озабоченность в гитлеровской ставке. Был без промедления (как и всегда в случае поражения) снят с должности и отдан под суд военного трибунала командир 42-го армейского корпуса генерал Шпонек. В «Военном дневнике» Ф. Гальдера, в котором отражались не только основные события войны, но и реакция на них немецко-фашистского командования, запись от 30 декабря начинается словами: «Снова тяжелый день! Высадка противником десанта у Феодосии создает затруднительное в оперативном отношении положение в Крыму».[46]

Чтобы предотвратить прорыв наших войск в глубь Крыма, немецко-фашистское командование вынуждено было 30 декабря отдать приказ прекратить наступление на Севастополь и перейти к обороне, а также перебросить из-под Севастополя в район Керченского полуострова 170-ю, 132-ю и часть сил 50-й пехотных дивизий.

2 января 1942 г. Керченско-Феодосийская операция закончилась. Войска Закавказского (с 30.12 1941 г. Кавказского) фронта во взаимодействии с силами Черноморского флота и Азовской военной флотилии освободили Керчь и Керченский полуостров, Феодосию и продвинулись на запад на 100–110 км. Словом, действия десантных войск на берегу были в начале операции столь же успешными, как и действия моряков, обеспечивавших их высадку.

В целом обстановка, сложившаяся в то время в Крыму, представлялась достаточно благоприятной. Вырисовывалась

реальная перспектива для развития наступления в глубь Крымского полуострова, деблокирования войск СОР и полного освобождения Севастополя. Это обстоятельство нашло подтверждение и в телеграмме Верховного Главнокомандующего от 30 декабря 1941 г., адресованной командующим Кавказским фронтом и Черноморским флотом в связи с освобождением Феодосии и Керчи. В ней действия войск 51-й и 44-й армий и моряков флота, высадивших десант, характеризовались как начало освобождения Крыма. И действительно, уже 1 января 1942 г. противник прекратил второе наступление на Севастополь. Возникли благоприятные условия для [71] разгрома всей группировки немецко-фашистских войск в Крыму.

Успех десантной операции, организованной и проведенной в относительно короткий срок (за девять суток), в большей степени был достигнут за счет правильного выбора главного направления высадки (в Феодосии) и создания превосходства в силах на этом направлении. Стратегическая инициатива в тот период начала переходить к нашим войскам. Основные силы немецкой 11-й армии были скованы под Севастополем активными оборонительными действиями войск СОР. На их переразвертывание на Керченское и Феодосийское направления потребовалось бы не менее двух недель.

Вместе с тем в ходе операции вскрылись и серьезные недостатки, допущенные при ее подготовке и проведении десантных действий. Разведка группировки сил и системы противодесантной обороны побережья проведена была недостаточно тщательно. Командиры десантных отрядов детально не знали обстановки в районах, назначенных для высадки.

Отрицательно повлияла на темпы посадки и высадки десанта и на активность ведения боевых действий на берегу замена 79-й стрелковой бригады 251-м и 633-м стрелковыми полками, личный состав которых ни разу не бывал в боях и не имел представления о кораблях, а времени на качественную подготовку этих частей уже не было.

Операция началась поспешно, так как сосредоточение войск, и особенно авиации, завершено не было. В результате этого не удалось завоевать господства в воздухе в районе проведения операции и обеспечить надежное прикрытие войск и кораблей при высадке десанта и действиях его на берегу.

Плохо спланированное обеспечение высадки силами штурмовой и истребительной авиации также существенно снизило эффективность действий десанта.

Пренебрежение штабами и командующими Черноморским

флотом и Закавказским фронтом прогнозом погоды, предсказывающим резкое ухудшение гидрометеорологической обстановки, поставило маломореходные корабли Азовской военной флотилии и Керченской военно-морской базы в весьма трудное положение и едва не привело к срыву высадки десанта на Керченский полуостров.

Распыленность сил десанта на многие направления [73] не позволила создать на основных участках высадки группы, способные выдержать темп наступления, необходимый для окружения и уничтожения керченской группировки противника, как это предусматривалось замыслом операции. Соединения и части Закавказского фронта были недостаточно подготовлены к смелым и инициативным действиям. На активность десанта повлияло, по-видимому, и несовершенство организации руководства десантной операцией и системы управления силами. Штабы фронта, 51-й и 44-й армий находились на большом удалении от районов боевых действий и не могли оперативно влиять на ход событий. Так, штаб фронта находился в Тбилиси, а его оперативная группа в станице Крымская, более чем в 100 км от пунктов высадки.

Директивой Ставки общее руководство десантной операцией возлагалось на командующего фронтом, при оперативной группе которого был представитель Черноморского флота и консультант от Главного морского штаба вице-адмирал С. П. Ставицкий. В Новороссийске оперативную группу Черноморского флота возглавляли начальник штаба ЧФ контр-адмирал И. Д. Елисеев и член Военного совета ЧФ дивизионный комиссар И. И. Азаров. Однако заместитель командующего операцией по морской части, который руководил бы действиями десантных сил на всех этапах, назначен не был.

Все перечисленные недостатки явились следствием несогласованности действий армии и флота, непонимания рядом старших командиров реальных возможностей сил флота. Ход операции показал, что при ведении совместных действий необходимо выделять специальные силы и средства для боевого и оперативного обеспечения действий флота. Со всей убедительностью вскрылась необходимость полноценной и всесторонней подготовки к совместному участию в операциях, выделения для этого необходимого, пусть даже короткого времени и строгого выполнения планов совместных действий. Наконец, надо было сделать серьезные выводы о недопустимости пренебрежения гидрометеорологическим прогнозом и при планировании операции следовало уделить ему не менее серьезное внимание, чем таким видам оперативного обеспечения,

как разведка, маскировка и т. д.

Но, к сожалению, не все уроки Керченско-Феодосийской десантной операции были учтены в дальнейшем.

Замысел последующих действий наших войск заключался в том, чтобы, развивая успех, обозначившийся на [74] Керченском полуострове, нанести удар силами подвижной механизированной группы в направлении Перекопа, окружить находящиеся в Крыму немецко-фашистские войска, полностью изолировав их от войск, дислоцировавшихся на южной Украине. Кроме того, предполагалось, одновременно начав наступление на Симферополь, не допустить отхода войск немецкой 11-й армии от Севастополя на север. Черноморский флот, действуя вдоль побережья Черного моря, должен был прикрывать левое крыло нашего фронта.

Одновременно ставились задачи Приморской армии: 5 января на рубежах СОР перейти в наступление, а Черноморскому флоту высадить морские десанты в районе Евпатории для последующего наступления на Симферополь и в районе Алушты или Ялты — для наступления на Бахчисарай. Этот план был одобрен Ставкой. При этом она потребовала ускорить перебазирование на Керченский полуостров, а в дальнейшем и в Крым фронтовой (прежде всего истребительной) авиации, принять все меры для скорейшего сосредоточения войск и перехода к общему наступлению. Командованию фронтом разрешалось дополнительно перебросить на Керченский полуостров 47-ю армию, используя для этого все возможные плавсредства Черноморского флота и суда гражданских ведомств.

Для постановки нашим силам в Крыму столь значительных оперативных задач имелись определенные объективные предпосылки. На Керченском полуострове советские войска, тесня противника на запад, закрепились на достигнутых рубежах; в районе Феодосии корабли Черноморского флота продолжали наращивать силы 51-й армии, перевозя с Таманского полуострова в Керчь ее части; второе, декабрьское («последнее большое», как его хвастливо назвал Машнтейн), наступление противника на Севастополь захлебнулось, враг был вынужден часть сил из-под Севастополя спешно перебросить на Керченский полуостров; войска СОР при поддержке авиации и кораблей флота продолжали сковывать находившуюся у Севастополя значительную группировку войск, время от времени улучшая свои позиции. Однако эти благоприятные условия командование Крымским фронтом использовать не сумело.

5 января во время переговоров по прямому проводу Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин указал генерал-

лейтенанту Д. Т. Козлову на то, что «общая [75] стратегическая обстановка требует, чтобы наступление было начато не позже 12-го числа. В противном случав будет поздно, так как обстановка в Крыму будет ухудшаться для наших армий. Накапливайте побольше сил в Феодосии и на Керченском полуострове, подвозите тылы, усильте авиационную группу и действуйте со всей решительностью, без колебаний и без постоянных оглядываний назад».[47] Хотя командующий фронтом и заверил И. В. Сталина, что приложит все усилия к исполнению приказа в срок, однако не только не сумел своевременно организовать и в полном объеме подготовить наступление, но и не принял необходимых мер для прочного закрепления войск на занимаемых рубежах.

Противовоздушная оборона порта Феодосии, игравшего важную роль в снабжении войск, по-прежнему оставалась слабой, средства ПВО не могли эффективно отражать систематические налеты вражеской авиации. С 1 по 17 января самолеты противника потопили семь транспортов, что почти полностью нарушило всю работу порта и создало большие трудности в доставке боевой техники и грузов войскам фронта. Положение осложнялось крайне неблагоприятной ледовой обстановкой в Керченском проливе. Использовать Керченский порт практически было нельзя, поэтому воинские перевозки осуществлялись в основном через неприспособленный для грузовых операций порт Камыш-Бурун.

Но, к сожалению, самой главной причиной наших неудач следует считать слабую организацию управления войсками. Командование фронта проявило недопустимую медлительность, теряя с таким трудом завоеванную инициативу. Войска фронта к назначенному Ставкой сроку готовы к наступлению не были. Командующий фронтом перенес дату начала наступления на 10 суток, не поставив об этом в известность ни командующего Приморской армией, ни командующего Черноморским флотом, и те продолжали осуществлять принятые ранее решения о переходе в наступление войск СОР и высадке десанта в Евпатории. 5 января лишенное поддержки войск Керченской группировки наступление Приморской армии захлебнулось. Действия десантов, высаженных в Евпатории и в районе Судака, успеха также не имели и закончились трагически: все морские пехотинцы погибли в ожесточенных боях с вражескими войсками, значительно [76] усиленными частями, переброшенными из других районов Крыма. Несогласованность действий армии и флота по времени и месту явилась следствием грубых упущений, а порой просто непонимания основных законов взаимодействия

командующим фронтом генерал-лейтенантом Д. Т. Козловым и его штабом.

Опыт высадки тактических десантов в ходе Великой Отечественной войны неоднократно подтверждал, что они в состоянии выполнить поставленные задачи лишь при условии одновременного или еще лучше заблаговременного перехода в наступление главных сил фронта и последующего соединения их с десантом в самое ближайшее время, а также при условии незамедлительной переброски на захваченный плацдарм последующих эшелонов войск. В противном случае можно понести неоправданные потери. Но это условие в данном случае выполнено не было.

Воспользовавшись возникшей передышкой, противник сумел перебросить часть своих войск из-под Севастополя на Керченский полуостров, создать там ударную группировку и, используя бездействие наших войск, 15 января нанести упреждающий удар в стык между 51-й и 44-й армиями, прорвать их оборону и в ночь на 18 января вновь овладеть Феодосией. Наши войска были вынуждены отойти на Ак-Монайский перешеек. Все это существенно ухудшило условия для перехода наших войск в наступление, которое было теперь перенесено на 13 февраля.

Исходя из сложившейся обстановки и в целях улучшения управления войсками при ведении боевых действий по освобождению Крыма 28 января Ставка приняла решение реорганизовать Кавказский фронт, разделив его на Крымский фронт и Закавказский военный округ. Генерал-лейтенанту Д. Т. Козлову, назначенному командующим Крымским фронтом, приказывалось перенести свой штаб в Керчь.

Это решение Ставки было хотя и явно запоздалым, но необходимым, ибо в целях повышения оперативности руководства войсками обстановка настоятельно требовала переноса органов управления в район боевых действий и сосредоточения внимания командования фронта только на решении главных задач. Однако и в этих условиях командование фронтом не сумело взять прочно в руки руководство войсками и силами флота и таким образом объединить их высокий боевой потенциал для решения [77] поставленных Ставкой задач. По-прежнему не было единого плна действий войск и сил флота.

Кроме того, вряд ли следует признать целесообразным стремление командования фронта вернуть утраченную инициативу с помощью тактических десантов, к тому же осуществляемых вне рамок единой наступательной операции. Это приводило только к распылению сил и отвлекало внимание командования и штабов от целеустремленной подготовки к

наступательным действиям. Собственно говоря, неумение сосредоточить основные усилия на главном направлении было в то время недостатком не только командования Крымского фронта, но и командования других фронтов.

В январе 1942 г. Ставка ВГК в директивном письме командующим фронтами и армиями указала, что общим главным недостатком в организации и проведении наступательных операций является стремление военачальников быть сильными всюду и что действия отдельными дивизиями, равномерно распределенными по всему фронту, заранее обречены на провал. Для того чтобы прорвать оборону противника на всю оперативную глубину, надо действовать сильными ударными группами и осуществлять эффективную артиллерийскую поддержку войск в ходе всего их наступления, а не ограничиваться лишь проведением кратковременной артиллерийской подготовки.

Однако, несмотря на эти указания Ставки, принцип массирования сил и средств на главном направлении командованием Крымского фронта так и не был реализован, хотя такие возможности у него были: в январе — феврале нашим 13 дивизиям противостояли только 3 дивизии противника. В период с 27 февраля по 11 апреля войска Крымского фронта трижды переходили в наступление, но из-за плохо организованной подготовки, слабого взаимодействия между соединениями, родами войск и силами флота и несвоевременности боевых приказов и распоряжений успеха так и не добились.

В ходе этих боев дивизии 44-й и 51-й армий понесли значительные потери в личном составе и боевой технике. Они нуждались в отдыхе и пополнении, поэтому командование фронта 12 апреля запросило у Ставки разрешения перейти к прочной активной обороне на достигнутых рубежах. Но, несмотря на то что на следующий день такое разрешение было получено, командование фронта к организации прочной обороны вновь отнеслось без должной [78] ответственности, хотя разведка и доносила о подготовке противника к наступлению.

На Керченском полуострове в условиях открытой местности необходимо было создать глубокоэшелонированную противотанковую и противовоздушную оборону, однако войска продолжали сохранять уплотнённые боевые порядки, рассчитанные на ведение наступления. Все дивизии располагались в одну линию, и только 51-я армия имела вторую полосу обороны. Попытки начальника штаба фронта генерал-майора Ф. И. Толбухина, командующего 51-й армией генерал-лейтенанта В. Н. Львова и других убедить командующего

фронтом и представителя Ставки армейского комиссара 1 ранга Л. З. Мехлиса в необходимости срочно создать оборону на всю оперативную глубину встречены были неодобрительно. Вскоре генерал-майора Ф. И. Толбухина, талантливого военачальника, на посту начальника штаба фронта заменил генерал-майор П. П. Вечный, прибывший на Керченский полуостров вместе с Л. З. Мехлисом.

Тем временем противник предпринимал энергичные действия по подготовке наступления. Он намеревался сбросить наши войска с Керченского полуострова, а за тем, перегруппировав свои силы, овладеть главной военно-морской базой Черноморского флота — Севастополем. С этой целью немецко-фашистское командование сосредоточило на Ак-Монайском перешейке семь пехотных и одну танковую дивизию, одну кавалерийскую и одну механизированную бригады, а также значительное количество боевой техники: 180 танков, 2470 орудий и минометов, 400 самолетов из состава 8-го воздушного корпуса и 4-го воздушного флота.[48]

Таким образом, к маю 1942 г. по сравнению с зимним периодом соотношение сил на Керченском полуострове существенно изменилось. Теперь войска Крымского фронта имели лишь незначительное превосходство в живой силе (1,2:1). Число танков стало примерно равным, но в самолетах мы уступали противнику почти в полтора раза. Кроме того, вражеские самолеты базировались на хорошо оборудованные и недалеко расположенные от линии фронта аэродромы, что позволяло быстро сосредоточивать их на важнейших направлениях.

1–6 мая авиация противника в течение всего светлого времени суток вела разведку наших позиций и тылов, [79] одновременно она прикрывала районы сосредоточения своих войск. Но и это не встревожило командование фронтом. И только когда 7 мая авиагруппы по 20–30 машин с небольшими интервалами начали наносить бомбовые удары по оборонительным сооружениям, огневым точкам, штабам, узлам связи и населенным пунктам, командующий Крымским фронтом отдал приказ, в котором говорилось, о возможном переходе немецко-фашистских войск в наступление.[49] Но не успели штабы армий получить этот приказ, как на рассвете 8 мая противник после массированной артиллерийской и авиационной подготовки перешел в наступление. Особенно активно действовала его авиация: только в первый день она совершила около 900 самолето-вылетов. Вражеские самолеты подавили наши противотанковые орудия, нанесли большой урон войскам, находившимся в плотных порядках на открытой местности.

Их главными целями стали командные пункты фронта, армий и соединений, которые длительное время находились на одних и тех же местах. В результате бомбовых ударов были выведены из строя средства связи, что отрицательно сказалось на управлении войсками.

Основной удар противник нанес вдоль побережья Феодосийского залива по 44-й армии — наиболее слабому звену Крымского фронта. На рассвете 8 мая в ближний тыл войскам армии был беспрепятственно высажен на шлюпках вражеский десант в составе батальона. Захватив плацдарм в непосредственной близости от противотанкового рва, он помог своим танкам преодолеть противотанковую оборону.

Державшие оборону в первом эшелоне две стрелковые дивизии 44-й армии, не выдержав натиска трех немецких дивизий, поддерживаемых танками и пикировщиками, начали отступление па восток. Ставка потребовала от командующего фронтом немедленно нанести контрудар по левому флангу и тылу прорвавшейся группировки. Однако контрудар не состоялся в основном из-за нераспорядительности генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова. Вначале резерв командующего фронтом был направлен в распоряжение командующего 44-й армией, а затем последовало приказание передать его 51-й армии. Эти противоречивые распоряжения внесли сумятицу в действия войск. Попытка организовать контрудар 9 мая также оказалась [80] безуспешной из-за почти полной потери связи и дезорганизации управления.

Стремясь облегчить тяжелое положение, сложившееся на Крымском фронте, корабли Черноморского флота оказывали нашим войскам огневую поддержку. Так, в ночь на 9 мая в Феодосийском заливе огонь по противнику вели эсминцы «Бдительный» и «Сообразительный», а в ночь на 12, 13 и 14 мая лидеры «Ташкент» и «Харьков» обстреливали побережье Феодосийского залива. Однако эти действия уже не могли коренным образом повлиять на сложившуюся обстановку.

Воспользовавшись дезорганизацией обороны на левом фланге нашего фронта, 9 мая противник повернул основные силы на северо-восток, стремясь выйти ударной группировкой во фланг и тыл 47-й и 51-й армий и окружить их. Утром 10 мая Ставка приказала немедленно отвести 47-ю, 51-ю армии и остатки 44-й армии за Турецкий вал и сосредоточить там всю артиллерию. Отход войск должны были прикрывать арьергард и авиация. Командующему фронтом и представителю Ставки Л. З. Мехлису предписывалось лично заняться организацией обороны на линии Турецкого вала. Однако командующий фронтом, не поняв замысла противника, не принял энергичных мер по

планомерному отводу войск 47-й я 51-й армий за Турецкий вал, приказ об оставлении ими занимаемых позиций отдал с опозданием почти на сутки, когда немецко-фашистская ударная группировка уже окружила в районе Ак-Моная часть сил правого крыла фронта.

Таким образом, на Керченском полуострове сложилась крайне тяжелая обстановка, которая усугублялась потерей связи штаба фронта со штабами армий. 11 и 12 мая Ставка предприняла ряд мер по улучшению оперативной обстановки. Поздно вечером 11 мая главнокомандующему Северо-Кавказским направлением[50] Маршалу Советского Союза С. М. Буденному было приказано срочно выехать в Керчь, чтобы оказать помощь командованию фронта в восстановлении боеспособности отступающих [81] войск и организации устойчивой обороны на линии Турецкого вала.

«Главная задача, — указывалось в директиве, — не пропускать противника к востоку от Турецкого вала, используя для этого, все оборонительные средства, войсковые части, средства авиации и морского флота».[51] В целях объединения усилий авиации Крымского фронта и авиации: дальнего действия 12 мая Ставка приказала временно, подчинить авиацию фронта заместителю командующего авиацией дальнего действия генерал-майору Н. С. Скрипко.

Но ход событий, принявший трагический оборот, уже трудно было изменить. 13 мая вражеская группировка, наступавшая в восточном направлении, прорвала нашу оборону на центральном участке Турецкого вала и три пехотные и одна танковая дивизии устремились к Керчи. Оборонявшиеся части не смогли сдержать их натиск, и к исходу 14 мая противник ворвался на западную и южную окраины города. В создавшихся условиях Маршал Советского Союза С. М. Буденный с разрешения Ставки отдал распоряжение об эвакуации войск с Керченского полуострова. В связи с этим Черноморскому флоту надлежало прекратить отправку морем грузов для Крымского фронта, весь свободный тоннаж, пригодный для обеспечения переправы через Керченский пролив, немедленно направить в Керчь, создать усиленный конвой из катеров и тральщиков, немедленно приступить к эвакуации тяжелой артиллерии и гвардейских минометов, организовать надежную ПВО всех переправ и пристаней. Начальником переправы через Керченский пролив назначался командир Керченской военно-морской базы контр-адмирал А. С. Фролов.[52]

Хотя распоряжения об эвакуации войск уже были отданы, Ставка все еще не теряла надежды отстоять Керчь. В ночь с 14 на

15 мая командующий фронтом получил приказ Керчь не сдавать, организовать оборону по типу севастопольской, создать ударную группу, чтобы уничтожить прорвавшегося к городу противника, и восстановить, оборону по одному из керченских обводов. Но в условиях уже начавшейся переправы войск и потери управления разрозненно действовавшими частями выполнить этот приказ было практически невозможно. [82]

По приказу командующего флотом для обеспечения эвакуации войск с Крымского полуострова из ближайших портов и баз были направлены плавсредства. И перевозке войск и техники с 15 по 20 мая приняли участие 128 транспортов, буксиров, барж, болиндеров, парусно-моторных судов, тяжелых самоходных понтонов и тяжелых понтонных лодок, около 30 различных кораблей. Переправа осуществлялась по двум линиям: Керчь — Тамань и Еникале — коса Чушка.

Посадкой войск и погрузкой материальной части руководили офицеры военно-морской комендатуры Керченского порта и отдела военных сообщений штаба Черноморского флота. К сожалению, некоторые общевойсковые командиры проявили растерянность и самоустранились от руководства эвакуацией.

Эвакуировать войска приходилось в основном ночью, так как днем налеты вражеской авиации, прицельный огонь артиллерии и минометов препятствовали движению по Керченскому проливу. И все же, несмотря на огромные трудности, удалось эвакуировать около 120 тыс. военнослужащих, 1,4 тыс. человек гражданского населения, 838 т различных грузов, 25 гаубиц, 47 реактивных установок, 27 минометов, 14 автомашин.[53]

Вывоз незначительного количества материальных средств объясняется тем, что тяжелые грузы на Керченский полуостров доставлялись через Камыш-Бурун, где имелись портовые краны. Но к началу эвакуации этот порт был уже захвачен противником, в Керчи же и Еникале причалы были разбиты. Кроме того, не хватало плавсредств, пригодных для перевозки тяжеловесных грузов.

Часть личного состава соединений и частей Крымского фронта, которая не успела эвакуироваться, продолжала вести самоотверженную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Почти полгода длилась героическая оборона подземных гарнизонов в каменоломнях в районе Керчи. Бессмертные подвиги наших воинов и сражавшегося вместе с ними гражданского населения города стали героической страницей истории Великой Отечественной войны.

Как клятва верности Родине и свидетельство несгибаемой воли советских людей в борьбе с врагом прозвучали в эфире

слова радиограммы, переданной из каменоломен: [83] «Всем! Всем! Всем народам Советского Союза! Мы, защитники Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаемся!»[54]

Подвиги воинов, сражавшихся на Керченском полуострове, стойкость трудящихся Керчи в годы Великой Отечественной войны по достоинству оценены Родиной — 14 октября 1973 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР город Керчь удостоен почетного звания «Город-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Сразу же после завершения эвакуации Ставка ВГК, обстоятельно проанализировав ход боев на Крымском фронте с 8 по 20 мая, вскрыла основные причины поражения наших войск. Командующий войсками фронта генерал-лейтенант Д. Т. Козлов и представитель Ставки ВГК армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис были сняты со своих постов за неудовлетворительное руководство боевыми действиями на Керченском полуострове. Результаты анализа были доведены до военных советов фронтов и армий, изучались они и на флоте.

В директиве Ставки от 4 июня 1942 г. указывалось, что основной причиной поражения на Керченском полуострове явилось полное непонимание природы современной войны командованием фронта, представителем Ставки Л. З. Мехлисом и особенно командующими 44-й и 47-й армиями. Командование фронта не организовало глубокоэшелонированной обороны с учетом открытого характера местности, не сумело своевременно задержать наступление противника и ликвидировать прорыв, в первые же часы после нанесения вражеской авиацией ударов по командным пунктам выпустило из рук управление войсками. Взаимодействие между армиями было слабым, а наземных сил с авиацией фронта — полностью отсутствовало.

Ставка резко осудила бюрократический, бумажный метод руководства войсками. Она указала, что главная задача командования фронта заключается не в издании приказов, а в доведении их до исполнителей, в организации их выполнения и в оказании помощи войскам в решении поставленных задач путем личного общения с подчиненными и активного воздействия на ход операции.

Кроме причин поражения наших войск, которые были [84] вскрыты Ставкой ВГК, следовало бы отметить и другие, также оказавшие влияние на ход боевых действий в Крыму. К ним можно отнести отсутствие согласованности в действиях сухопутных войск и сил флота при организации отражения натиска противника и противодесантной обороны побережья, в действиях авиации фронта и ВВС флота при огневой поддержке

десанта и приморского фланга Крымского фронта, в действиях ПВО кораблей и портов. Требования командования фронта в ряде случаев не только не соответствовали возможностям флота, а, наоборот, мешали ему выполнять поставленные задачи.

Командование фронта без особой необходимости и без ведома командования флота распоряжалось морскими транспортными средствами, снимая их порой даже с севастопольских коммуникаций.

Взаимодействию сил флота и фронта мешало несвоевременное, а подчас и необоснованное, не соответствующее обстановке ориентирование флота командующим фронтом на предстоящие действия. Ход боевых действий на керченском и феодосийском направлениях зачастую существенно отличался от намеченного. Все это, естественно, отрицательно сказывалось как на общей оперативной обстановке, так и на деятельности флота, в том числе и на решении им одной из важнейших задач — обороне Севастополя.

Существенным недостатком в управлении войсками и силами флота, ведущими совместные боевые действия, было отсутствие настойчивости в выполнении планов операций и несвоевременность корректировки этих планов при изменении обстановки на театре. Так, в марте командующий фронтом ориентировал Военный совет флота на проведение войсками Крымского фронта наступательной операции, целями которой являлись уничтожение феодосийской группировки противника и последующий выход к реке Мокрый Индол для оказания помощи защитникам Севастопольского оборонительного района. Одновременно предусматривалось демонстративное наступление частью сил второго эшелона Приморской армии из района Севастополя на Бахчисарай. Черноморскому флоту было приказано содействовать наступлению 44-й армии, нанося удары корабельной артиллерией по Владиславовне, Петровке, Тамбовке, Ближним Камышам. Выполняя этот замысел, войска СОР начали наступление, фронт же намеченные действия в назначенный срок не осуществил. В итоге наступление под Севастополем пришлось прервать. [85]

Войска Приморской армии понесли неоправданные потери, нерационально израсходовали боеприпасы, с большим трудом восполняемые по морским коммуникациям. Корабли, вышедшие из Новороссийска в район Феодосии для содействия войскам, были возвращены в базу. Подобная несогласованность действий фронта и флота отрицательно сказалась на ходе боевых действий в Крыму.

Итак, весна 1942 г. завершилась тяжелым поражением наших

войск на южном крыле советско-германского фронта. Положение усугублялось еще и тем, что неудачей закончилась наступательная операция Юго-Западного и Южного фронтов под Харьковом.

Используя успехи, достигнутые в мае — июне, противник вырвал из рук советского командования стратегическую инициативу и подготовил ряд наступательных операций, в том числе в районе Севастополя. Здесь были сосредоточены основные силы 11-й армии, перед которой немецкое командование поставило задачу овладеть городом в кратчайший срок. Противник начал третий штурм Севастополя, обладая значительным численным превосходством: в людях — в два раза, в самолетах — в шесть и в танках — в двенадцать раз. У стен города заняли позиции почти полторы тысячи орудий, включая несколько орудий калибром 600 и 800 мм. На каждый километр фронта приходилось от 60 до 150 орудий и минометов.

Воины Приморской армии и соединений морской пехоты при поддержке авиации и кораблей флота героически отбивали яростные атаки фашистов. Даже в условиях полной блокады Севастополя, умело используя обстановку, Черноморский флот до последнего момента продолжал снабжать осажденный гарнизон, эвакуировать раненых и гражданское население. Так, в июне 1942 г. на кораблях и судах ЧФ в город с Кавказа были доставлены 23,5 тыс. человек (в том числе на боевых кораблях 17 тыс.) и вывезены 25 тыс. человек раненых и гражданского населения.

Защитники бастиона Черноморского флота противопоставили варварской машине уничтожения несгибаемую волю и бесстрашие в бою. Самоотверженная борьба севастопольцев стала примером героизма. Но силы и условия, в которых находились противоборствующие стороны, были слишком неравны. Все резервы гарнизона Севастополя иссякли, ощущался острый недостаток в снарядах и минах. Отражая атаки врага, защитники города несли большие потери. Располагая достоверными данными о силах [86] противника, готовившегося к третьему наступлению па Севастополь, Военный совет СОР просил Ставку ускорить пополнение его гарнизона, но осуществлять доставку морем новых частей с каждым днем становилось все труднее. Для ударов по кораблям и транспортам, прибывающим из портов Кавказа, противник использовал торпедные катера и подводные лодки. К тому же вход в севастопольские бухты находился в зоне его артиллерийского и минометного огня.

Неудачи первых двух наступлений на Севастополь убедили

противника в том, что, не прервав морских коммуникаций, по которым осуществляется снабжение войск СОР, он не сможет овладеть городом. Учитывая это, немецко-фашистское командование поставило перед своей авиацией задачу, во что бы то ни стало нарушить морские сообщения между Севастополем и базами Кавказа и тем самым лишить защитников города всех видов снабжения. С этой целью для действий против кораблей Черноморского флота была выделена авиационная эскадра в составе 150 бомбардировщиков.

Стремясь усилить блокаду Севастополя с моря, гитлеровское командование перебросило в крымские порты Лк-Мечеть, Евпаторию и Ялту 19 торпедных, 30 сторожевых и 8 противолодочных катеров, 6 итальянских сверхмалых подводных лодок.[55]

2–7 июня враг провел мощную артиллерийскую и авиационную подготовку и начал третий штурм Севастополя.

Защитники города при поддержке авиации и кораблей флота героически отбивали яростные атаки гитлеровцев, проявляя в бою беспримерную стойкость и мужество. По слишком неравными были силы. Отражая атаки противника, севастопольцы несли большие потери. Резервы гарнизона Севастополя быстро таяли, так как снабжение по морским коммуникациям было почти полностью прервано. Только с 20 по 27 июня на подходах к Севастополю погибли две подводные лодки и эсминец «Безупречный».

Последнее пополнение — части 142-й стрелковой бригады, а также боеприпасы и топливо доставил лидер «Ташкент», прибывший в Севастополь ночью 27 июня.

30 июня вице-адмирал Ф. С. Октябрьский донес командующему Северо-Кавказским фронтом Маршалу Советского [87] Союза С. М. Буденному, что войска сильно устали, хотя и продолжают героически сражаться, и просил ускорить присылку пополнения. Однако выполнить это было уже невозможно, и по решению Ставки командующему Севастопольским оборонительным районом было приказано оборонять город до тех пор, пока не будет вывезено все возможное. Герои-севастопольцы каждую пядь священной земли морской твердыни защищали до конца.

В сообщении Совинформбюро от 4 июля говорилось: «Севастополь оставлен советскими войсками, но оборона Севастополя войдет в историю отечественной войны Советского Союза как одна из самых ярких ее страниц. Севастопольцы обогатили славные боевые традиции народов СССР. Беззаветное мужество, ярость в борьбе с врагом и самоотверженность

защитников Севастополя вдохновляют советских патриотов на дальнейшие героические подвиги в борьбе против ненавистных оккупантов».[56]

За 250-суточной обороной Севастополя следили с волнением не только народ страны Советов, но и народы всего мира. «Эта оборона, — сообщало американское радио, — наглядно показала, что Гитлер не может выиграть войну. Он может еще добиться кое-каких местных успехов, но вынужден будет платить за них чрезвычайно высокую цену. Оборона Севастополя является героической страницей мировой истории. Она послужила большим вкладом в общее дело окончательного разгрома гитлеровской Германии».[57]

Длительная и упорная борьба воинов Приморской, 51, 44 и 47-й армий, формирований морской пехоты, защитников города-крепости Севастополя, а также Керчи и Феодосии, проявивших массовый героизм и самопожертвование, способствовала срыву планов фашистского командования по захвату Кавказа. Эта борьба лишила его стратегической инициативы на южном приморском фланге в осенне-зимней кампании 1941–1942 гг.

Значительные силы в течение продолжительного времени были скованы в Крыму. В результате во время ноябрьского[58] контрнаступления наших войск под Ростовом-на-Дону противник не мог усилить свои войска за счет 11-й армии, как не мог он это сделать и позднее, н весной, и в первой половине лета 1942 г. в период наступления [88] на южном крыле советско-германского фронта.

Была решена и одна из главных задач — измотать силы противника. Достаточно сказать, что только за последние 25 дней Севастопольской обороны были полностью обескровлены немецкие 22, 24, 28, 50, 132 и 170-я пехотные дивизии, четыре отдельных полка, 22-я танковая дивизия, а также румынские 1, 4 и 18-я дивизии.

Битва за Крым на значительный период задержала начало прорыва немецко-фашистских войск на Кавказ. За то время, которое она длилась, в предгорьях Кавказа и на новороссийском приморском направлении была создана надежная система обороны, остановившая продвижение войск врага в южном направлении.

Потеря Крыма с его базами, портами и аэродромами резко изменила оперативную обстановку на Черном море. У противника появилась возможность сосредоточить силы флота и авиации для действий против наших баз на Кавказском побережье. Черноморскому флоту пришлось базироваться на слабо оборудованные порты Кавказа, что значительно сузило

возможности в ведении вооруженной борьбы на море.

Теперь, когда противник захватил Крым и стержнем замысла гитлеровского командования стал прорыв немецко-фашистских войск на Кавказ, перед Черноморским флотом встали новые ответственные задачи. Они были определены 2 июля 1942 г. директивой командующего Северо-Кавказским фронтом, в оперативном подчинении которого находился флот. В качестве главной ставилась задача — активными действиями по вражеским базам, коммуникациям и кораблям в море нанести противнику максимальный урон и сорвать его десантную операцию на Таманский полуостров и Кавказское побережье. Наряду с главной были определены и частные задачи по действиям на коммуникациях противника у западного побережья Черного моря и у берегов Крыма, по организации прибрежных кавказских коммуникаций и защите их. В числе важнейших стояла задача укрепить оборону Новороссийска и Туапсе и тем самым не допустить выхода вражеских войск на приморскую дорогу, ведущую к границе с Турцией. [89]

Глава четвертая. На Азовском море

Уже через месяц после начала Великой Отечественной войны в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 20 июля 1941 г. началось формирование Азовской военной флотилии из боевых катеров и тральщиков Черноморского флота, а также из судов Азовско-Черноморского пароходства, вооружавшихся и переоборудовавшихся на Кременчугском и Камыш-Бурунском судостроительных заводах. 15 августа ее корабли перешли в Мариуполь, где развертывалась главная база, и в маневренные базы Осипенко (ныне Бердянск), Ростов-на-Дону, Приморско-Ахтарскую, Ейск.

В конце августа Нарком Военно-Морского Флота приказал сформировать в составе флотилии Отдельный Донской отряд (ОДО), которому предстояло содействовать войскам Южного фронта в районах Таганрога и Нижнего Дона.

В состав флотилии, командующим которой с 22 июля по 13 октября был капитан 1 ранга А. П. Александров,[59] в первый период ее формирования были включены: дивизион [90] канонерских лодок, состоявший из тихоходных (скорость около 9 уз) шаланд «Дон» и «Рион» (вооружение — по две артиллерийские установки калибром 130 мм и по две 45-мм пушки), бывшего ледокола № 4, вооруженного 76-мм и двумя 45-мм пушками, дивизион сторожевых кораблей, отряд катеров-тральщиков (11 единиц) и 87-я отдельная авиаэскадрилья (девять истребителей И-15). В ОДО вошли дивизион речных канонерских лодок и дивизион речных сторожевых катеров (4 и 8 единиц). В последующем флотилия пополнялась сторожевыми и торпедными катерами, переданными из состава Черноморского флота, и мобилизованными судами.

Одновременно устанавливались береговые артиллерийские батареи, оборудовались позиции дивизионов зенитной артиллерии и посты СНиС, велось формирование трех батальонов морской пехоты, эскадрилий штурмовой и истребительной авиации, подразделений тыла.

Флотилии пришлось вести боевые действия в весьма своеобразных географических и гидрологических условиях. Глубоко в Азовское море вдаются многочисленные косы: Федотова, Обиточная, Бердянская, Косая и прочие, его берега изрезаны многочисленными (более полутора десятков) заливами и лиманами, низменными дельтами рек, самая большая из них дельта реки Кубань протянулась на 100 км к югу от Приморско-Ахтарской. Все это создавало определенные трудности для

ведения боевых действий. Еще одной своеобразной чертой этого южного моря является то, что оно примерно на два-три месяца, с конца декабря до начала марта, покрывается льдом.

Но географические, гидрометеорологические и климатические условия и аномалии Азовского моря отошли на второй план по сравнению со своеобразной, чрезвычайно динамичной оперативной обстановкой, сложившейся на этом небольшом морском театре в начальный период Великой Отечественной войны.

Боевые действия в Приазовье развертывались так быстро, что на формирование и решение задач боевой подготовки Азовской военной флотилии было отведено менее двух месяцев. Наступавший противник по-прежнему обладал серьезным превосходством в силах, особенно в самолетах, артиллерийских орудиях, минометах и танках, и не выпускал инициативы из своих рук.

Потеря Крыма, а также неудачный исход наступательной операции на харьковском направлении резко обострили обстановку на южном крыле советско-германского [91] фронта. Планируя летнюю кампанию 1942 г., гитлеровское командование именно здесь рассчитывало достичь решающего успеха. Улучшив свое оперативное положение за весенние месяцы, войска противника 28 июня перешли в генеральное наступление.

Создав превосходство в силах на направлении главного удара, в первые две недели летнего наступления 1942 г. противник достиг крупных успехов. Несмотря на упорное сопротивление наших войск, войска вермахта прорвали стратегический фронт и продвинулись на восток на 150–400 км. В директиве ОКБ № 44 от 21 июля указывалось, что операция на юге развивается быстро и благоприятно и что «в скором времени удастся отрезать Советский Союз от Кавказа и, следовательно, от основных источников нефти и серьезно нарушить подвоз английских и американских военных материалов. Этим, а также потерей всей донецкой промышленности Советскому Союзу наносится удар, который будет иметь далеко идущие последствия».[60]

Гитлеровская ставка считала, что задачи, поставленные перед вермахтом, в ходе трехнедельного наступления в основном выполнены и сложились благоприятные условия для нанесения удара на кавказском направлении. 23 июля 1942 г. она издала директиву № 45 о продолжении операции «Брауншвейг», целью которой являлось уничтожение группой армий «А» группировки наших войск южнее и юго-восточнее Ростова-на-Дону, о нанесении удара по Сталинграду и выходе после его захвата к

Астрахани. После решения этих задач группе армий «А» надлежало провести операцию по захвату Кавказа под кодовым названием «Эдельвейс». Суть этой операции заключалась в следующем: как только обозначится успех подвижных главных сил группы армий «А», соединения 11-й армии должны переправиться через Керченский пролив для захвата восточного побережья Черного моря. Непосредственную поддержку сухопутным частям при переправе должны были оказывать военно-морские силы.

Всего в группе армий «А», на которую возлагалось решение главных задач операции, насчитывалось 167 тыс. солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до 1 тыс. боевых самолетов.[61] [93]

Подступы к Кавказу прикрывали войска Южного (по левому берегу Дона в его нижнем течении), Северо-Кавказского (от устья Дона, восточное побережье Азовского моря и Керченского пролива, побережье Черного моря до Лазаревского) и Закавказского (от Лазаревского до Батуми) фронтов. На командующего Черноморским флотом возлагалась ответственность за оборону Черноморского побережья от Благовещенской до Лазаревского.

Основными задачами, поставленными перед Азовской военной флотилией Наркомом ВМФ и командующим Черноморским флотом, являлись содействие приморским флангам частей и соединений Красной Армии, обеспечение морских сообщений в Азовском море и осуществление противодесантной обороны.

Первые залпы по врагу корабли произвели менее чем через два месяца после начала формирования флотилии. С 16 по 20 сентября 1941 г. они артиллерийским огнем поддерживали войска 9-й и 51-й Отдельной армий в районе Геническа, Арабатской стрелки и Кирилловки (около озера Молочное). Но эти первые боевые действия были недостаточно эффективными, так как уровень подготовки личного состава был еще невысок, а совместное плавание кораблей, в особенности ночью, не отработано.

Однако в ходе боев экипажи кораблей быстро приобретали необходимый боевой опыт, в реальной боевой обстановке оценивали свои возможности, силу своего оружия. В первых боевых соприкосновениях корабли вели артиллерийский огонь без целеуказания командиров сухопутных частей, не высаживали собственные корректировочные посты, и все же корабельные артиллеристы заставляли вражеские батареи прекращать огонь и дезорганизовывали действия противника.

В последующем поддержка сухопутных войск кораблями приобрела более систематический и плановый характер, улучшилась организация совместных действий и повысилась их эффективность. Вскоре было принято решение о том, чтобы в районе приморского участка линии фронта постоянно находились одна-две канонерские лодки, вооруженные 130-мм орудиями, готовые к немедленному открытию огня по вызову командиров. Перед каждым выходом кораблей в море для поддержки сухопутных войск издавался боевой приказ, штаб флотилии информировал командиров кораблей об обстановке в районе предстоящих действий, для связи с кораблями были разработаны таблицы условных сигналов, что существенно сократило [94] время прохождения радиограмм. На позициях корабли находились посменно, чем достигалась непрерывность непосредственной огневой поддержки войск. С прибытием кораблей на огневую позицию командиры уточняли обстановку в районе боевых действий, устанавливали связь с сухопутным командованием. Все это положительно сказывалось на выполнении поставленных задач.

Правда, многие вопросы взаимодействия приходилось решать что называется «с листа», поскольку в предвоенные годы совместные действия Черноморского флота и сухопутных войск на Азовском побережье в процессе боевой подготовки флота не отрабатывались. При формировании флотилии каких-либо обстоятельных указаний по организации взаимодействия с сухопутными войсками получено также не было, а те, что поступали от командования фронта, зачастую не соответствовали быстро менявшейся обстановке.

С 7 октября в связи со стремительным наступлением танковых частей противника на Мариуполь, Таганрог возникла необходимость поддерживать артиллерийским огнем фланг отходивших частей 9-й армии в районе кос Бердянская и Белосарайская, а затем у Мариуполя и Таганрога. Организация взаимодействия флотилии и сухопутных войск в силу быстро изменяющейся линии фронта становилась все более сложной. Из-за частой смены местоположения командного пункта армии связь с ним штаба флотилии была неустойчивой. В результате не только сложно было согласовать действия сил флотилии с действиями частей и соединений своих войск, но порой невозможно было определить, где находятся свои, а где противник. В этих условиях зачастую приходилось выяснять обстановку силами разведгрупп, высаживаемых с кораблей.

Не всегда своевременно поступали приказания и от штаба флота. Так, приказ о перебазировании всех плавсредств из

пунктов северного побережья Азовского моря в Темрюк, Приморско-Ахтарскую и Керчь был отдан лишь 7 октября, когда противник уже вышел к Осипенко и устремился к Мариуполю, т. е. практически контролировал 2/3 побережья. В создавшейся обстановке выполнить полностью поставленную задачу было крайне трудно. Под натиском превосходящих сил противника части 9-й армии 8 октября оставили Мариуполь. Корабли флотилии выходили из порта в свою новую главную базу Приморско-Ахтарскую и в Ейск уже под огнем вражеской артиллерии. [95]

Несмотря на трудности и недостатки в организации взаимодействия армий приморских направлений и флотилии, следует отметить, что ее корабли своей артиллерией оказали существенную помощь сухопутным войскам в обороне в прибрежной полосе, в том числе и в отражении многочисленных налетов вражеской авиации на приазовские города и порты. Так, даже по неполным данным только 7 октября над портом и городом Мариуполь зенитным огнем кораблей и истребителями 87-й истребительной эскадрильи было сбито шесть самолетов противника.

Одной из важнейших задач, решаемых флотилией в этот период, стало обеспечение морских сообщений. Корабли и самолеты флотилии осуществляли конвоирование транспортов, вывозивших хлеб и другие важные народнохозяйственные грузы из портов северного побережья Азовского моря, главным образом из Таганрога, Осипенко и Мариуполя. О напряженности и ответственности данных операций свидетельствует тот факт, что только за период с 20 сентября по 10 октября 1941 г. из этих портов было вывезено более 250 тыс. т грузов, в том числе около 50 тыс. т зерна, более 100 тыс. т угля и руды, 30 тыс. т нефтепродуктов.[62]

После захвата Мариуполя противник продолжил наступление на Таганрог. В целях поддержки приморского фланга 9-й армии и прикрытия северо-восточного побережья Азовского моря командиру Отдельного Донского отряда было приказано развернуть несколько канонерских лодок в районе станицы Аксайская, две канонерские лодки и четыре речных сторожевых катера направить в порт Таганрог, а в восточной части Таганрогского залива выставить дозор из состава дивизиона сторожевых катеров и 14-го отряда водного заграждения. И это не замедлило дать результаты: с образованием 12 октября Таганрогского боевого участка огневое содействие оборонявшимся войскам стало более эффективным. Первоначально в нем участвовали канонерские лодки «Дон», № 4

и сторожевой корабль-тральщик «Перванш», а во время штурма немецкими войсками Таганрога 16–17 октября особенно эффективно действовали канолерские лодки «Ростов-Дон» и «Кренкель», находившиеся в порту. Ведя артиллерийский огонь по скоплениям живой силы и боевой техники врага по целеуказаниям армейского командования, корабли подверглись сильным ответным ударам. В [96] результате полученных повреждений канонерская лодка «Кренкель» затонула, а потерявшую ход канонерскую лодку «Ростов-Дон» удалось отбуксировать в Рсстов-на-Дону (ЦВМА, ф. 10, д. 18 503, л. 58, 92, 100; ф. 175, д. 23 470, л. 50–52).

При эвакуации корабли флотилии обеспечивали перевозку оборудования авиазавода и вывод гражданских судов в порты Ейск и Азов.

С оставлением нашими войсками Таганрога возникла непосредственная угроза Ростову-на-Дону — крупнейшему административно-промышленному центру Приазовья, а следовательно, возросла опасность проникновения вражеских войск на Кубань и Северный Кавказ. Было совершенно очевидно, что в связи с этим следует ожидать активных попыток противника форсировать Керченский пролив и взять в клещи наши войска, оборонявшиеся в нижнем течении Дона и на Таманском полуострове, а также дислоцировавшиеся на Северном Кавказе.

Исходя из этих соображений оборона Ростова-на-Дону и всего нижнего течения Дона становилась задачей чрезвычайной важности.

Командующий 56-й армией генерал-лейтенант Ф. Н. Ремизов, войска которого входили в Приморскую оперативную группу, понимая, какую эффективную поддержку оборонявшимся войскам могут оказать корабли и части морской пехоты флотилии, особенно в плавнях устья Дона, установил с командованием флотилии тесный контакт. Были разработаны конкретные планы взаимодействия. Особое внимание уделялось усилению Отдельного Донского отряда АВФ за счет бронекатеров и вооруженных катеров-глиссеров, успешно действовавших в мелководных ериках устья Дона и пресекавших попытки мелких групп противника просочиться в этих местах.

21 ноября, не сдержав наступательного напора танковых армий Клейста, наши войска были вынуждены оставить Ростов-на-Дону. Кораблям флотилии, перешедшим в Азов, была поставлена задача оборонять устье Дона и не допустить, чтобы противник переправился на его левый берег. Одновременно часть сил флотилии продолжала укреплять систему обороны всего юго-восточного побережья Азовского моря, для чего от Ачуева до

Азова в конце октября в составе флотилии был образован Укрепленный сектор береговой обороны. В него вошли береговые [97] батареи № 131, 133 и 134, имевшие 100–130-мм орудия.

Таким образом, в предельно напряженной обстановке сложившейся в ноябре 1941 г., флотилии предстояло действовать ограниченными силами одновременно на двух операционных направлениях — керченском и ростовском.

Группа кораблей флотилии, и среди них канонерские лодки «Буг», «Днестр», «Дон», «Рион», монитор «Железняков» (придан от Дунайской военной флотилии), катер МО «ПК-129», взаимодействовала с частями 51-й Отдельной армии, систематически оказывая артиллерийскую поддержку ее правому флангу, а затем прикрывая эвакуацию войск на Таманский полуостров. Остро ощущалось отсутствие авиационного прикрытия, из-за чего корабли постоянно подвергались воздушным атакам. Это сковывало их действия и приводило к неизбежным потерям. Так, 13 ноября получила серьезные повреждения канонерская лодка «Буг», а на следующий день погибла канонерская лодка «Рион».

Дивизион канонерских лодок и отряд бронекатеров, прибывшие 31 октября в состав Отдельного Донского отряда, оказывали поддержку частям 56-й Отдельной армии в низовьях Дона.

Однако противник в этот раз недолго хозяйничал в Ростове-на-Дону. 29 ноября войска 56-й Отдельной и 9-й армий, а также народные ополченцы освободили город. В освобождении территории в низовьях Дона и северовосточного побережья Таганрогского залива принимали участие и моряки Отдельного Донского отряда. Они очистили от захватчиков населенные пункты Недвиговка, Синявка и Морской Чулек, участвовали в боях за Варе-новку.[63]

Несмотря на относительную стабилизацию положения на южном фланге советско-германского фронта в начале декабря 1941 г., обстановка на Азовском море продолжала оставаться напряженной. После оставления в ноябре нашими войсками Керченского полуострова над флотилией нависла угроза быть отрезанной от основных сил Черноморского флота. Выйти из Азовского моря можно было только по весьма стесненным фарватерам, заминированным противником, блокированным его авиацией, действовавшей с близлежащих аэродромов. Некоторые участки фарватеров находились в зоне обстрела не только дальнобойных [97] орудий, но и полевых пушек среднего и малого калибров.

С выходом к Керченскому проливу у немецко-фашистских

войск появилась реальная возможность, совершив бросок на Таманский полуостров, кратчайшим путем вторгнуться на Кавказ. В связи с этим 19 ноября Ставка издала директиву, в которой поставила перед 51-й Отдельной армией задачу не допустить форсирования противником Керченского пролива и высадки им десантов на всем побережье от Приморско-Ахтарской на Азовском море до Адлера на Черном море. Азовская военная флотилия была передана в оперативное подчинение командованию 51-й армии.[64]

Этой же директивой перед 56-й армией была поставлена задача не допустить форсирования противником Таганрогского залива и устья Дона. Однако, как показали последующие события, значительная доля ответственности за выполнение этих задач, а порой и вся тяжесть их выполнения легла на Азовскую флотилию, а вскоре на нее была возложена ответственность и за оборону Таманского полуострова.

Все эти обстоятельства определили направленность деятельности командования флотилии. Были усилены дозорная и разведывательная службы, и прежде всего на наиболее десантно-доступных направлениях. Строились противодесантные укрепления силами береговых частей, органов управления и местного населения, ставились минные заграждения на берегу и в прибрежных районах моря. В то же время не прекращалась и активная деятельность кораблей флотилии на всей акватории моря, основной целью которой являлось содействие частям 51-й и 56-й армий на рубежах их обороны. Силы флотилии надежно контролировали оперативную обстановку и пресекали любые попытки противника осуществлять морские перевозки вдоль захваченного им северного побережья. Разнообразие задач, обширные пространства, ограниченность сил — все это требовало повседневной напряженной работы штаба флотилии и повышенной интенсивности использования ее кораблей и самолетов. Но первым, наиболее трудным и ответственным экзаменом, который выдержала Азовская флотилия зимой 1941/42 г., было участие в Керченско-Феодосийской десантной операции, о чем достаточно подробно говорилось в предыдущей главе. [99]

Следует лишь еще раз отметить, что задачи, поставленные перед Азовской военной флотилией, в той чрезвычайно сложной обстановке были выполнены благодаря беспредельному мужеству и самоотверженности воинов армии и флота, их несокрушимой вере в победу.

Придавая важное значение созданию оборонительных сооружений на путях возможного вторжения противника на

Северный Кавказ, Ставка внимательно следила за ходом их строительства. Еще 22 ноября 1941 г. начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников указал командующим 51-й армией (В конце ноября 1941 г. после включения в состав Закавказского фронта 51-я и 56-я армии перестали быть Отдельными (прим. — С. Г.)), войсками Северо-Кавказского военного округа и Черноморским флотом на недостаточную организованность и медленные темпы строительных работ, ведущихся на Таманском полуострове и на территории Северного Кавказа. Он потребовал форсировать строительство оборонительных рубежей, в первую очередь на Таманском полуострове, а также в районах баз флота Анапа, Новороссийск, Геленджик, Туапсе и других портовых городов, причем не только со стороны моря, но и с суши, согласовывая систему обороны с представителями Военно-Морского Флота. Планировалось оборудовать долговременные оборонительные сооружения на косах Тузла и Чушка, возле Кордона, западнее Батарейки, севернее Малого Кута и Голопузивки, в районе Тамани, Рыбного порта, Гадючего Кута. Предписывалось усилить оборонительные позиции артиллерийскими орудиями, минометами, средствами ПВО, чтобы не допустить форсирования противником Керченского пролива на плавсредствах и по льду.

Анализ боевых действий за четыре месяца 1941 г. показал, что там, где города и населенные пункты заблаговременно подготовлены к обороне, войска обороняют их стойко и упорно, а противник несет большие потери в живой силе и боевой технике. Поэтому начальник Генерального штаба потребовал от Военных советов фронтов и армий все важные в оперативном и тактическом отношении населенные пункты готовить к упорной обороне, создавая на их окраинах и улицах противотанковые и противопехотные препятствия.

К сожалению, к выполнению данного указания Генерального штаба не все военные руководители отнеслись [100] с должной ответственностью. Подтверждением служит тот факт, что в ходе весенне-летней кампании 1942 г. противнику удалось захватить на южном фланге советско-германского фронта ряд крупных городов (в том числе и Керчь) без значительных потерь. Видимо, временное владение стратегической инициативой зимой 1942 г. вызвало у некоторых военачальников необоснованную уверенность в безопасности своих тылов. Это, пожалуй, относится и к командованию Крымского фронта, особенно после успешно проведенной Керченско-Феодосийской операции. Правда, следует отметить, что в отдельных случаях для организации прочной обороны не было ни времени, ни сил.

В конце ноября 1941 г. с началом ледостава в северной части Азовского моря и в устьях впадающих в него рек боевая деятельность флотилии приняла своеобразный характер. В первых числах января 1942 г. лед начал «блокировать» наши корабли и в южных портах. Но ледостав не только не уменьшил напряженность боевой обстановки, а даже привел к ее обострению в восточной части моря, прежде всего в Таганрогском заливе. Установившийся прочный ледовый покров позволял вести боевые действия в условиях, аналогичных полевым, но с той лишь разницей, что на льду не было каких-либо естественных укрытий. Командованию флотилии пришлось вырабатывать формы и способы ведения активных действий в зимних условиях и в то же время срочно совершенствовать систему обороны побережья, создавая, образно говоря, «сухопутную оборону на морском направлении». Следовало организовать боевые действия таким образом, чтобы держать противника в постоянном напряжении, заставляя его расходовать силы на оборону занятого им побережья.

Северная граница операционной зоны флотилии в конце 1941 г. проходила по реке Миус. На этот рубеж наши войска вышли ко 2 декабря в результате контрнаступления, ознаменовавшегося 29 ноября освобождением Ростова-на-Дону. Победа войск Южного фронта под командованием генерал-полковника Я. Т. Черевиченко и продолжавшаяся героическая оборона Севастополя помешали противнику прорваться на Кавказ в 1941 г. Планом зимней кампании 1941/42 г., разработанным штабом флотилии, предусматривалось оказать сухопутным войскам поддержку на приморских флангах и во взаимодействии с ними оборонять морское побережье, не допуская проникновения [101] туда противника морем и по льду; силами диверсионных и разведывательных отрядов, авиации, а где возможно, и артиллерии уничтожать живую силу и боевую технику в прифронтовой полосе и в тылу, оттягивая силы неприятеля с других направлений.[65]

Наиболее целесообразной формой боевых действий в зимних условиях Военный совет флотилии признал систематические рейды диверсионных отрядов и групп, совершаемые морем и по льду, в порты и населенные пункты, захваченные противником на северном побережье. В них участвовали в основном моряки-добровольцы с кораблей, из подразделений морской пехоты и воины 56-й армии. Совершались рейды, как правило, ночью. Дерзкие и стремительные вылазки по льду в тыл врага, где основным оружием служили автомат и граната, а в рукопашной схватке — нож, являлись яркими свидетельствами личной

храбрости каждого, кому было поручено это опасное дело. Участие в рейдах помогало вырабатывать выносливость, воспитывало мужество и отвагу. У личного состава формировалось убеждение, что противника не только нужно, но и можно побеждать, для этого надо действовать смело, дерзко, тактически грамотно.

Чтобы извлечь из каждой вылазки во вражеский тыл полезный опыт, поднять боевой дух моряков и бойцов, Военный совет флотилии установил непреложное правило: возвращавшихся после выполнения задания непременно встречал командующий флотилией или начальник штаба, сразу же после доклада производился разбор их действий, выяснялись детали, которые следовало учесть в следующих рейдах, отмечалось все положительное и анализировались причины ошибок.[66]

Хорошим подарком к 24-й годовщине нашей армии и флота стал рейд, совершенный в ночь на 23 февраля 1942 г. по льду в тыл врага в районе северного побережья Таганрогского залива (коса Кривая — Сухая балка). В нем участвовали почти 400 морских пехотинцев, командиров и красноармейцев 56-й армии. Их успех был отмечен в сообщении Советского Информбюро. Отряд, потеряв только одного человека, уничтожил свыше 160 вражеских солдат и офицеров, разгромил штаб батальона, уничтожил радиостанцию, несколько артиллерийских [102] и минометных батарей, пулеметных точек, вскрыл систему обороны противника, захватил пленных.[67]

Успеху рейдов способствовала серьезная подготовительная работа, проводимая совместно с командованием, штабами и политорганами флотилии и 56-й армии. В первую очередь отрабатывалась слаженность действий всех подразделений, принимавших участие в таких операциях. Для этого составлялись плановые таблицы выполнения поставленных задач, разрабатывались другие боевые документы, проводились тренировки личного состава по преодолению торосистых льдов, применению приемов маскировки ведению боя в ночных условиях. Предварительную ледовую разведку вели гидрографы флотилии, совершившие в общей сложности более 250 выходов на лед.[68]

Всего зимой 1941/42 г. было осуществлено свыше 80 рейдов диверсионных и разведывательных отрядов. Активно действовали в этот период также авиация и береговая артиллерия флотилии. 9-я и 87-я эскадрильи, несмотря на малочисленность состава, совершили около тысячи самолето-вылетов для отражения воздушных налетов противника, нанесения ударов по живой силе и боевой технике. За это время они уничтожили и повредили

около 40 вражеских самолетов, 570 автомашин, значительное количество другой боевой техники, вывели из строя более тысячи солдат и офицеров.[69]

Существенную роль в обороне восточного побережья Азовского моря играла береговая артиллерия флотилии: стационарные батареи 130-мм орудий в Приморско-Ахтарской, на Очаковской косе и 100-мм орудий в Ейске, 40-й отдельный артиллерийский дивизион со 122-мм и 76-мм полевыми орудиями на механической и конной тяге и 124-й отдельный зенитный артдивизион 76-мм пушек.[70] Особенно выгодной оказалась позиция стационарной батареи № 661, расположенной на косе Очаковской. Она вела эффективный огонь по силам противника и портовым сооружениям, находившимся на восточном побережье Таганрогского залива. [103]

Артиллерия береговой обороны и кораблей, а также прибывших в начале января в Ейск и Азов бронепоездов № 6 и 10 являлась важным элементом системы ободрены, созданной флотилией на побережье от Темрюка до Азова. Военный совет флотилии постоянно уделял внимание укреплению береговой обороны. В частности, была организована система дозоров, которые высылались на удаление 8–10 км от своего берега. На льду было установлено свыше 3,5 тыс. противотанковых мин, 300 морских мин выставлено в противотанковые проруби, общая длина которых достигала 25 км.[71]

Эти меры обеспечили надежную оборону побережья. Противник на автомашинах, мотоциклах, лошадях и даже на буерах неоднократно предпринимал попытки проникнуть на наш берег в районах Ейска, косы Долгой, мыса Сазальник (Шабельск), гирл Дона, но все они были отражены метким огнем артиллерийских батарей и береговых постов.[72]

Зимний период использовался также для интенсивной боевой подготовки личного состава, ремонта кораблей и судов флотилии. Многие из них в ходе боев получили значительные повреждения, да и ресурс боевой техники к концу навигации был выработан сверх всяких норм. Из-за отсутствия необходимой технической базы ремонт был связан с серьезными трудностями, проводить его приходилось в основном своими силами. Были созданы специальные ремонтные бригады и группы по сбору материалов, необходимых для ремонта. Большую помощь оказали флотилии партийные, комсомольские и советские организации Краснодарского края и Ростовской области. Комсомольцы Краснодара не только помогали ремонтировать корабли, но и наладили производство стрелкового оружия, мин, гранат. Благодаря общим усилиям к началу навигации корабли были

отремонтированы и готовы к выполнению боевых задач.

Состав и дислокация сил флотилии, а также направленность ее боевой подготовки были подчинены решению трех основных задач: содействию флангам Южного и Крымского фронтов, противодесантной обороне побережья, обеспечению коммуникаций. Ориентируя флотилию на действия в летний период, Военный совет Черноморского [104] флота в своей директиве от 9 апреля 1942 г. отмечал, что «56-я армия готовится к наступательным боям за Таганрог. Крымский фронт готовится к наступательным операциям за Феодосию, Карасубазар».[73] Однако этим планам не суждено было осуществиться. Обстановка на юге страны резко ухудшалась. Войскам Крымского фронта не удалось прорвать оборону противника в районе Керченского полуострова. Готовя наступление на Кавказ, гитлеровцы сосредоточили крупные силы против Южного и Крымского фронтов.

21 апреля Ставка создала Северо-Кавказское направление, в состав которого вошли Южный и Крымский фронты, СКВО, Черноморский флот. В первой директиве главнокомандованием направления перед Азовской военной флотилией были поставлены те же задачи, что и командованием Черноморского флота, однако организация взаимодействия флотилии с сухопутными войсками была более конкретизирована. АВФ надлежало взаимодействовать с 17-м кавалерийским корпусом в обороне района в границах: Манычская, по реке Дон до реки Кагальник, населенных пунктов Ейск, Приморско-Ахтарская, Темрюк, Варениковская, Медведовская, Незамаевская, Мечетинская. Оборона Таманского полуострова возлагалась на 13-ю кавалерийскую дивизию.[74]

Понимая важное значение боевой деятельности флотилии в складывающейся обстановке, командование флота уделяло серьезное внимание ее укреплению. Была образована Ейская военно-морская база. Флотилия пополнилась кораблями — морскими охотниками, торпедными катерами, ей были приданы эскадрилья штурмовой авиации, самолеты-разведчики и 46-й истребительный авиаполк.

Как только море начало очищаться ото льда, боевые действия флотилии активизировались и приняли более острый наступательный характер. Опираясь на опыт осенних рейдов кораблей и учитывая разведывательные данные, полученные «ледовыми» отрядами, флотилия возобновила удары по береговым объектам противника с моря. Уже в ночь на 29 апреля отряд кораблей в составе канонерской лодки, двух торпедных катеров, бронекатера и катерного тральщика совершил внезапный

огневой налет на объекты противника в порту Мариуполь. Появление [105] советских военных кораблей у вражеского берега оказалось полной неожиданностью для противника, с большим опозданием открывшего беспорядочную ответную стрельбу. Комендоры наших кораблей метким огнем уничтожали склады боеприпасов, боевую технику и метавшихся в панике фашистов. Хорошо спланированная и успешно проведенная операция группы кораблей, которую прикрывали с воздуха истребители 87-й авиаэскадрильи, принесла ощутимый успех. Все участвовавшие в ней корабли благополучно вернулись в базу, не получив ни одного повреждения.

Подобные рейды, а также высадка диверсионных и разведывательных отрядов не прекращались и в последующем, создавая оперативное напряжение силам противника, дислоцирующимся на побережье. Кроме того, флотилия обеспечивала защиту морских коммуникаций на линиях Приморско-Ахтарская — Керчь и Темрюк — Керчь, по которым осуществлялось снабжение войск Крымского фронта.

Об интенсивности морских перевозок по Азовскому морю и через Керченский пролив свидетельствует такой, например, факт, что только с 14 апреля по 1 мая 1942 г. на кораблях и судах было перевезено свыше 12 тыс. т различных грузов.[75]

Отдельный Донской отряд кораблей под командованием контр-адмирала С. Ф. Белоусова, оперативно подчиненный Южному фронту, в апреле — мае 1942 г. оказывал огневую поддержку 56-й армии, осуществлял переправу войск и боевой техники у Таганрога и в устье Дона. В это же время в составе фронта сражались две морские стрелковые бригады: 76-я — под командованием капитана 1 ранга Б. Н. Апостоли и 83-я — под командованием полковника И. П. Леонтьева. Высокие боевые качества моряков, сражавшихся на сухопутных фронтах, неоднократно отмечались общевойсковым командованием, считавшим моряков своим «золотым фондом».[76]

3 мая 1942 г. приказом главнокомандующего Северо-Кавказским направлением был создан Отдельный Кубанский отряд кораблей, в задачу которого входили борьба с минными постановками противника, обеспечение коммуникаций на реке Кубань и в Ахтанизовском лимане, [107] а также поддержка войск 47-й армии, оборонявшейся на Таманском полуострове. В мае — июле корабли отряда провели в конвоях вдоль побережья Азовского моря и в Керченском проливе около 450 судов,[77] доставили в Керчь свыше 16 тыс. т грузов, вывезли свыше 6 тыс. раненых.

После освобождения Азовского моря ото льда активизировал

действия и противник, пытаясь организовать снабжение своих войск по морским коммуникациям на линиях Геническ, Осипенко, Мариуполь и Таганрог. Но это ему не удалось. Ведя борьбу на вражеских коммуникациях, канонерские лодки, торпедные катера, бронекатера, а также авиация флотилии с 18 мая по 1 июля уничтожили в море и портах 19 судов ж повредили 16 различных плавередств.[78]

Активные действия сил флотилии по портам и побережью вынуждали противника выделять на противодесантную оборону значительные силы, отвлекая их с фронта. Как свидетельствуют записи в немецких трофейных документах, только на участке Мариуполь — Таганрог противник постоянно держал в обороне не менее двух дивизий, усиленных полевой артиллерией и танками.

Повышенное внимание нашего командования к районам Мариуполя и Таганрога было вызвано тем, что здесь неоднократно отмечалось сосредоточение плавсредств, в частности, в Мариуполе были сформированы 86-й и 128-й батальоны паромов. Паромы типа «Зибель» противник доставил сюда по суше. По-видимому, гитлеровское командование планировало, как только позволит обстановка, сделать Мариупольский порт наряду с портами Осипенко и Таганрог важным пунктом морской коммуникации, по которой пойдет основной поток военных грузов для снабжения войск на Северном Кавказе. Кроме того, через Мариуполь противник предполагал переправить на Каспий итальянские торпедные катера, подводные лодки и другие мелкие суда.[79]

Вместе с тем командование флотилии уделяло большое внимание обороне побережья. Только в течение мая [108] силами личного состава флотилии было построено свыше сорока дзотов и дотов, вырыты противотанковые рвы общей протяженностью более 8 км, установлено около 20 км проволочных заграждений, созданы минные поля и минные позиции (выставлено более 3,5 тыс. мин), установлены противодесантные сети и боковые заграждения. Самолеты минировали фарватеры портов, захваченных противником.[80] Эти меры были вызваны тем, что наша разведка систематически отмечала подготовку противника к высадке десанта на юго-восточное побережье Азовского моря.

Несмотря на значительное превосходство в кораблях по сравнению с противником, флотилия все же не смогла полностью реализовать свои боевые возможности. Причиной этого являлось отсутствие надежного прикрытия кораблей с воздуха. В весенне-летний период 1942 г. авиация противника продолжала господствовать в воздухе, систематически нанося удары по

кораблям, базам и береговым объектам. Только в марте и апреле флотилия потеряла от ударов немецкой авиации четыре боевых корабля, два истребителя, лишилась нескольких береговых объектов. В мае интенсивность действий вражеской авиации возросла: на корабли в море и другие объекты флотилии было совершено более двухсот одиночных и групповых налетов.[81]

Напряженность обстановки на Азовском море резко возросла после поражения наших войск на Керченском полуострове, и особенно после завершения беспримерной по своему героизму обороны Севастополя. С прорывом немецко-фашистских войск в донские степи командование группы армий «А» приступило к выполнению плана по захвату Кавказа под кодовым названием «Эдельвейс». К числу основных задач, определенных этим планом, относилось и уничтожение Черноморского флота путем захвата его баз. Азовская флотилия оказалась в гуще ожесточенной борьбы на южном фланге советско-германского фронта; 21 апреля она была включена в состав сил Северо-Кавказского направления, а 19 мая подчинена Северо-Кавказскому фронту. Ставка Верховного Главнокомандования, определяя задачи по обороне Дона, 11 июля подчинила фронту в оперативном отношении и Отдельный Донской отряд АВФ. Все это обязывало командование [109] флотилии и командование соответствующих армейских формирований постоянно заботиться об организации четкого взаимодействия сил флотилии и сухопутных войск, об установлении надежного контакта между командованием и штабами сухопутных соединений и соединений АВФ.

С этой целью Военный совет флотилии еще в апреле обратился к командующим объединений, с которыми флотилии надлежало вести совместные действия, с обстоятельными предложениями по наиболее эффективному боевому использованию АВФ в обороне побережья Азовского моря. Предлагалось, в частности, тыловую границу операционной зоны флотилии установить по следующей линии: Усть-Койсуг, Кугей, Старощербиновская, Новодеревянковская, Привольная, Степная, Славянская, река Протока (исключая Троицкую), река Кубань, лиман Ахтанизовский, станица Ахтанизовская; все воинские части, находящиеся в береговой полосе, ограниченной этой линией, подчинить командующему АВФ, если возникнет необходимость отразить высадку морских или воздушных десантов.

Таким образом, весной 1942 г. флотилия по-прежнему была ориентирована преимущественно на отражение морских и воздушных десантов. Справедливости ради следует отметить, что потенциальные возможности проведения десантных операций

крупного масштаба объективно существовали. Во-первых, южное побережье десантнодоступно для кораблей с небольшой осадкой, именно таких, какими располагал противник на Азовском море. Во-вторых, в этом районе Краснодарского края находилось значительное количество аэродромов и грунтовых посадочных площадок, что позволяло осуществлять парашютное и посадочное десантирование. В этих условиях первостепенное значение приобретали вопросы организации противодесантной обороны. В конце мая командование Северо-Кавказского фронта, передавая данные о наличии на юге пяти тысяч немецких моряков, дополнительно сообщило о прибытии авиадесантной дивизии и предупредило о возможной высадке десанта как с моря, так и с воздуха.[82] Не исключено, что подобные операции действительно планировались, но, возможно, это была дезинформация, предпринятая противником с целью дезориентировать [110] нашу разведку относительно своих оперативных планов.

Исходя из обстановки, складывавшейся на правом берегу Дона, 17 июля командование фронта поставило перед флотилией следующие задачи: силами Отдельного Донского отряда оборонять устье Дона, заблокировать его гирла, оставив фарватеры для прохода кораблей флотилии, оказывающих огневую поддержку Ростовскому укрепленному району; содействовать войскам 56-й армии на таганрогском направлении.[83] Выполняя распоряжение командования фронта, штаб флотилии разработал подробные указания командиру ОДО по действиям в устье Дона. Силы отряда к тому времени в основном были сконцентрированы в районе Азова. Здесь находились три канонерские лодки, монитор, четыре бронекатера, два дивизиона сторожевых катеров, бронепоезд № 10. Решая поставленные задачи, 14 июля отряд бронекатеров (№ 201, 202, 205) под командованием капитан-лейтенанта С. П. Шулика вышел в район станиц Константиновская и Курмоярская.[84] Эти силы флотилии через несколько дней оказались в центре интенсивных боевых действий, так как противник, развивая наступление, 21 июля вышел к Дону, а через два дня прорвал фронт 56-й армии. Под давлением вражеских войск части армии отошли на левый берег реки, а 24 июля были вынуждены вновь оставить Ростов. Следует отметить, что в сложившейся напряженной и крайне динамичной обстановке общий успех действий Азовской военной флотилии в значительной степени определялся самостоятельностью и инициативой всего личного состава от моряка до командира части и соединения.

Отдельный Донской отряд обеспечивал переправу войск Южного фронта на левый берег Дона. По требованию

командующего 56-й армией корабли отряда были направлены в районы мостов и пунктов переправ, расположенных у Нижнегниловской, Обуховки, Елизаветинской и Задонья. К перевозке войск и боевой техники было дополнительно привлечено более 250 различных плавсредств, собранных повсюду вдоль нижнего течения реки Дон. Обстановка на переправах осложнялась с каждым часом: воинские части подходили одна за другой, эвакуировались гражданские учреждения, уходило население, [111] не желавшее оставаться на оккупированной территории. Чтобы обеспечить организованную переброску войск, оружия и боевой техники, командиры и военкомы подразделений и кораблей ОДО в ряде случаев вынуждены были брать на себя непосредственное руководство перевозками. Командование отряда организовало противовоздушную оборону переправ с помощью зенитных средств кораблей и сухопутных частей. Ожидавшие переправы войска были рассредоточены, применялись все доступные средства маскировки. Эти меры оказались весьма своевременными, так как авиация противника, не встречая противодействия наших истребителей, постоянно пыталась наносить удары по скоплениям войск, кораблям и плавсредствам в районе переправ.

Стремясь сдержать натиск врага, рвавшегося к переправам, корабли флотилии в ночь на 27 июля обстреляли позиции противника, а затем высадили отряд моряков в районе Обуховка, Елизаветинская. В результате стремительных и дерзких действий десантники уничтожили около 150 солдат и офицеров, свыше 30 автомашин, подавили 4 минометные батареи, часть захваченного боезапаса взорвали, а часть сумели вывезти.

В напряженные дни боев с 20 по 28 июля флотилия обеспечивала прикрытие и переправу на левый берег Дона подразделений ж частей 9, 18, 24, 28, 37, 56-й армий, 16-й отдельной стрелковой бригады и 158-го укрепленного района, а также подразделений аэродромного обеспечения 4-й воздушной армии.[85]

Корабли не прекращали оказывать артиллерийскую поддержку сухопутным войскам и обеспечивать их переправу через Дон и его протоки даже в тех случаях, когда сами оказывались отрезанными от выходов в море.

В районе устья реки Северский Донец в исключительно сложных условиях действовал отряд бронекатеров, обеспечивавший переправу войск 56-й армии. 22 июля противник занял Раздорскую и корабли оказались отрезанными от Ростова-на-Дону. Однако им все же удалось с боем прорваться вниз к

Аксайской, но дальнейший путь был прегражден фермами разрушенных мостов и неразводящимися наплавными переправами. Лишившись возможности выйти в Азовское море, бронекатера по приказу командира Отдельного Донского отряда перешли на реку Маныч и совместно с частями 4-й пехотной дивизии [112] 12-й армии заняли оборону у станции Манычская. После оставления нашими войсками Манычской экипажи взорвали свои катера и 29 июля с боями прорвались в Сальск. Благодаря инициативным и энергичным действиям моряков под руководством капитан-лейтенанта С. П. Шулика и политрука А. И. Кондрашкина всего лишь за несколько часов до захвата города противником в Краснодар были отправлены бронепоезд и несколько железнодорожных составов с грузами и ранеными (всего было вывезено 470 человек). 2 августа личный состав отряда прибыл в Краснодар и влился в Отдельный Кубанский отряд.[86]

На ход событий в районе нижнего течения Дона существенное влияние оказали успехи наших войск на сталинградском направлении. Противнику пришлось повернуть с кавказского направления к Сталинграду 4-ю танковую армию.[87] А в качестве одной из ближайших задач 17-й армии гитлеровское командование планировало взятие Азова. Вопрос быстрейшего захвата восточного побережья Азовского моря и расположенных здесь портов нашел отражение в специальной инструкции, разработанной на основе указаний немецкого верховного главнокомандования.

Оборона Азова имела исключительно важное стратегическое значение. Это понимали все защитники города. Самоотверженно сражались, защищая Азов, экипажи канонерских лодок и бронекатеров Азовской военной флотилии. Десятки примеров свидетельствовали о готовности личного состава кораблей стоять насмерть, но не оставлять позиций, сражаться до последнего. Военный совет флотилии, политические органы, партийные и комсомольские организации, матросская газета «Красный азовец», выходившая ежедневно, а в наиболее напряженные дни боев и два раза в день, неустанно поддерживали патриотический порыв моряков АВФ, укрепляли в них уверенность в победе.

Чтобы остановить противника, необходимо было не пассивное ожидание его атак, а активные самоотверженные действия: инициатива в бою, стремительность в контратаках, стойкость в обороне. Все это находило реальное воплощение в боевых делах азовцев. Не покинула своей позиции, осуществляя активную оборону в районе [113] Азова, канонерская лодка «Серафимович». Кочегары поддерживали пар в котлах,

артиллеристы не прекращали вести огонь по самолетам противника, непрерывно атакующим этот корабль. Авиабомбой была разрушена носовая часть, выведены из строя орудия. Только после того как были исчерпаны все возможности продолжать боевые действия, экипаж по приказу своего раненого командира взорвал корабль. Самоотверженность, проявленная в бою экипажем канонерской лодки «Серафимович», еще раз продемонстрировала, что среди советских моряков живы славные традиции, начало которым было положено героическими подвигами брига «Меркурий» и крейсера «Варяг».

Не покинул своих последних огневых позиций и бронепоезд «За Родину» (№ 10). Приказ — поддерживать артиллерией части Красной Армии, оборонять Азов до последнего снаряда, а если возникнет угроза захвата, бронепоезд взорвать и из личного состава сформировать роту морской пехоты — был точно выполнен. Команда бронепоезда, захватив с собой оружие и раненых, отошла на 661-ю стационарную батарею, а затем приняла активное участие в боях на побережье, пройдя в схватках с врагом от Дона до Темрюка.[88] Действия личного состава бронепоезда заслужили высокую оценку командования 30-й стрелковой дивизии.

Мужество и стойкость, сплоченность личного состава 661-й стационарной батареи, ставшей огневым «ядром» обороны южного берега Таганрогского залива, были хорошо известны всем морякам-азовцам. Во время напряженных боев батарейцы обратились к защитникам побережья Азова с призывом: «Умереть, но ни шагу назад без приказа!» Команда батареи до конца осталась верна своему долгу. Вместе с моряками сводного отряда в районе Займо, Обрыв, населенный пункт Круглое она громила противника, обладавшего десятикратным численным превосходством. Но боезапас был на исходе, последние 350 снарядов выпущены по врагу в ночь на 1 августа. В 3 ч, исчерпав всю свою огневую мощь, по приказанию командира Ейской военно-морской базы батарея, блокированная с суши, была взорвана. Захватив все военное имущество, часть ее личного состава организованно отошла морем, а часть прорвалась по побережью в Ейск, где влилась в ряды защитников города. Только за шесть [115] последних дней морские артиллеристы уничтожили до 2 тыс. гитлеровских солдат и офицеров, значительное количество боевой техники. Но главное заключалось в том, что своими действиями батарея на несколько дней сорвала график наступления противника по Азовскому побережью.[89]

Эти примеры свидетельствуют об исключительной

самоотверженности моряков АВФ и воинов сухопутных частей и соединений, сражавшихся с наседавшими ордами врага. Однако под давлением превосходящих сил противника наши части были вынуждены отступать.

С выходом немецко-фашистских войск в задонские и Сальскую степи и на территорию Краснодарского края возникла угроза их прорыва на Кавказ. Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение сконцентрировать все войска, действовавшие на северо-кавказском направлении, и 28 июля приказала объединить Южный и Северо-Кавказский фронты в Северо-Кавказский фронт под командованием Маршала Советского Союза С. М. Буденного.[90] В целях улучшения управления войска фронта были разделены на две оперативные группы — Донскую и Приморскую. Приморскую оперативную группу, в которую вошли 18, 56 и 47-я армии, 1-й отдельный стрелковый и 17-й кавалерийский корпуса, возглавил генерал-полковник Я. Т. Черевиченко. Поддержку им должны были оказывать силы 5-й воздушной армии, Азовской военной флотилии и Керченской военно-морской базы. Главной задачей этой оперативной группы стала оборона краснодарского направления и Таманского полуострова.[91]

После оставления нашими войсками Азова 28 июля корабли Отдельного Донского отряда перебазировались в Ейск, они вывели с Дона два парохода, два бензовоза, три буксира, караван землечерпалок и 33 других плавсредства.

Одновременно с оказанием огневого содействия войскам при обороне побережья Азовского моря и с обеспечением переправ корабли Азовской военной флотилии решали и другие задачи: ставили минные заграждения, высаживали разведывательные десанты, выявляли систему обороны на Керченском полуострове. Только в [116] июле — начале августа они выставили около 500 мин различных типов в Таганрогском и Темрюкском заливах, в районах мысов Казантип, Зюк, Хрони и Богатубе, косы Белосарайской.[92] 16–17 июля отряд кораблей высадил две разведывательные группы (более 110 человек) на косу Петрушина и возле деревни Самсоновка. 20–21 июля канонерская лодка «Дон» и два катера-тральщика произвели обстрел мыса Хрони с целью выявить систему артиллерийской обороны этого района. Авиагруппа флотилии в течение июля в воздушных боях и на аэродромах противника уничтожила свыше 20 самолетов, потопила в море и в базах шесть понтонов, буксир, шхуну, 14 ботов и сейнеров. Активно действуя практически на всей акватории Азовского моря, силы флотилии постоянно срывали попытки противника использовать морские коммуникации.

В дни тяжелых оборонительных сражений в большой излучине Дона и на подступах к Кавказу исключительно важную роль в повышении моральной стойкости войск, в воспитании у личного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота высокой личной ответственности за судьбу Родины сыграл приказ Народного комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 г. В нем излагалась суровая правда об опасности положения, сложившегося на советско-германском фронте, указывалась необходимость любой ценой остановить продвижение немецко-фашистских войск, намечались конкретные меры по укреплению дисциплины и боевого духа воинов. «Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника, — говорилось в приказе, — должно являться требование — ни шаху назад без приказа высшего командования…».[93] Военный совет флотилии, политические органы, партийные и комсомольские организации, газета «Красный азовец» провели большую работу по разъяснению содержания этого приказа. Все командиры и политработники на совещаниях, партийных и комсомольских собраниях, в ходе бесед с личным составом воспитывали у воинов ненависть к захватчикам и вселяли в них уверенность в победе. Азовцы хорошо понимали, что этот приказ вызван чрезвычайно сложной обстановкой, необходимостью [117] во что бы то ни стало остановить немецкое наступление да юге.

Мероприятия, направленные на укрепление морального духа советских воинов, сыграли важную роль в организации обороны Кавказа, однако перелома в борьбе с врагом удалось достичь не сразу. Обладая превосходством в танках, авиации и артиллерии на южном фланге советско-германского фронта, противник продолжал теснить наши войска, которым зачастую приходилось вести бои на не подготовленных в инженерном отношении позициях.

На левом фланге Северо-Кавказского фронта в полосе обороны Приморской оперативной группы неприятель превосходил наши войска в численном отношении в 1,4 раза, в орудиях и минометах — в 3 раза, в танках имел абсолютное преимущество.

Используя это превосходство, противник 1 августа был уже на подступах к Ейску. Город защищали всего два батальона морской пехоты, поддерживаемые береговой и корабельной артиллерией. Положение его защитников стало критическим после того, как измотанные в непрерывных боях части 17-го кавалерийского корпуса по приказу командования фронта форсированным маршем отошли к Краснодару. Ейская военно-морская база

оказалась в тылу противника. По приказанию Военного совета фронта защитники Ейска после упорных боев отошли в Приморско-Ахтарскую и Темрюк.[94]

При оставлении Ейска был использован опыт эвакуации войск Одесского оборонительного района. Прежде чем наши части покинули город, корабельная и береговая артиллерия произвела массированный огневой налет на вражеские позиции, а 144-й батальон морской пехоты мощной контратакой выбил противника из Широчанки и Александровки. Это привело к тому, что в течение последующих трех дней неприятельские войска даже не пытались атаковать наши позиции. Это позволило советскому командованию почти беспрепятственно эвакуировать морем и по суше все части общей численностью около 3,6 тыс. человек, вывезти 34 орудия, 48 автомашин и тракторов, 200 т боеприпасов, более 5 тыс. т продовольственных и других грузов. У стен Ейска противник [118] потерял не менее двух батальонов пехоты и двух; эскадронов кавалерии, танкетки, 20 автомашин.[95]

После того как фронт обороны на стыке Донской ж Приморской оперативных групп был прорван и вражеские войска устремились к Армавиру, создалась угроза охвата правого крыла Приморской группы. Чтобы не допустить изоляции ее войск, 5 августа Ставка Верховного Главнокомандования приказала командующему фронтом прочно прикрыть Майкоп и дорогу Майкоп-Туапсе. По-существу, в это время оборона Азовского побережья от реки Кагальник до Темрюка велась лишь силами флотилии. Находившийся в это время на флотилии адмирал И. С. Исаков дал указание одновременно с защитой баз приступить к выводу всех свободных плавсредств торгового и промыслового флотов из районов Ейска и Приморско-Ахтарской в Темрюк.[96]

5 августа в адрес командования флотилии поступила телеграмма Наркома ВМФ, в которой он отмечал активные действия флотилии и приказывал «драться за каждый пункт, не оставляя без боя ни пяди земли».[97] Однако защищать приморские города с каждым днем становилось все сложнее.

Утром 7 августа командование фронта приказало командующему флотилией передислоцироваться из Приморско-Ахтарской в Темрюк для организации обороны левого фланга фронта и побережья Таманского полуострова, а также для руководства перебазированием в этот порт кораблей и судов.[98] Таким образом, основные силы флотилии после отхода из Ейска сосредоточились в Темрюке.

Решая задачи на сухопутном направлении, командование флотилии по-прежнему не упускало из виду вопросы организации противодесантной обороны. В этих: целях совершенствовались

рубежи ПДО, отрабатывались, действия сил по отражению возможной высадки десанта. Но как ни важны были задачи противодесантной обороны, становилось ясно, что главная угроза захвата Таманского полуострова исходит с сухопутных направлений.

В директиве Ставки от 10 августа указывалось, что «самым основным и опасным для Северо-Кавказского [119] фронта и Черноморского побережья в данный момент является направление от Майкопа на Туапсе»,[99] так как противник может овладеть важной военно-морской базой Туапсе на Кавказском побережье и тем самым создать угрозу окружения Приморской группы войск. В этом случае Черноморский флот лишился бы и своей главной базы — Новороссийска. Поэтому Ставка приказала командующему фронтом немедленно снять 77-ю стрелковую дивизию с Таманского полуострова и использовать ее для усиления обороны Новороссийска, а оборону Таманского полуострова возложить на Черноморский флот. Выполняя директиву Ставки, Военный совет фронта поручил командующему Азовской военной флотилией организовать оборону Таманского полуострова в границах Темрюк, Анапа.[100] Для решения этой задачи командованию флотилии потребовалось объединить силы флотилии, Керченской военно-морской базы, а также силы флота, находившиеся в этом районе.[101]

Анализируя угрожающую обстановку, сложившуюся на Кубани, командование и Военный совет Азовской флотилии ясно понимали, что противник преследует далеко идущие цели: занять Новороссийск и выйти на приморскую дорогу, ведущую вдоль Черноморского побережья Кавказа, а в перспективе, захватив порты, лишить Черноморский флот всех баз. Следовательно, чтобы не допустить прорыва вражеских войск на Черноморское побережье, необходимо было сконцентрировать все усилия на обороне Новороссийска. Исходя из этого, 7 августа командование флотилии обратилось к Военному совету ЧФ с предложением эвакуировать войска, оборонявшие Темрюк, снять полевые части и подвижную артиллерию с Таманского полуострова, оставив там стационарные береговые батареи до полного расстрела ими боезапаса, а для прикрытия батальон морской пехоты.[102] Это позволило бы сформировать до двух бригад морской пехоты и до полка артиллерии и использовать их в обороне Новороссийска. К сожалению, практическое осуществление предложений началось значительно позднее. Только 9 августа в 16 ч командующему Азовской военной флотилией была доложена телеграмма: «Решением [120] Военного совета С.К.Ф. на Вас возложено объединение всех сил АВФ, Керченской[103] и Новороссийской

военно-морских баз… Задачи без изменений. Главная задача — противодесантная операция. Тесное взаимодействие с Котовым (командующий 47-й армией — С. Г.). В части сухопутной обороны АВФ, Керченская, Новороссийская военно-морские базы оперативно подчинены Котову. Командиром военно-морской базы Темрюк назначить контр-адмирала С. Ф. Белоусова (командира Ейской военно-морской базы — С. Г.). С 12 ч 9 августа Вы переходите в подчинение командующего ЧФ.[104] Это решение ставило перед командующим Азовской военной флотилией новые сложные задачи и существенно расширяло, если можно так выразится, «операционную зону» действий флотилии. Становилось очевидным, что из общей задачи — совместно с 47-й армией оборонять весь Таманский полуостров — на первый план выдвигалась задача предотвратить проникновение немецко-фашистских войск на Кавказ через Керченский пролив. Чтобы руководить силами, действовавшими на трех направлениях — новороссийском, темрюкском и таманском, следовало соответствующим образом организовать управление. Для этого 11 августа по приказанию Военного совета фронта флагманский командный пункт Азовской флотилии был развернут возле Анапы (Су-Псех),[105] а запасной командный пункт — в Новороссийске. И хотя в деятельности командования флотилии и ее штаба на первое место все больше выдвигались вопросы обороны Новороссийска, главным образом с суши, силы Азовской военной флотилии продолжали самоотверженно защищать северо-западное и западное побережья Таманского полуострова. В телеграмме командующего Азовской военной флотилией, направленной командирам Темрюкской и Керченской военно-морских баз 12 августа, были даны указания по организации боевых действий. В ней содержались также просьба разъяснить всему личному составу, что противника необходимо задержать любой ценой, чтобы не дать ему проникнуть на Тамань, и требование, в первую очередь к командирам, без приказа ни в коем случае не отступать.[106] [121]

С 11 августа, после того как командование 47-й армии перебросило свои войска на туапсинское и новороссийское направления, вся тяжесть обороны Темрюка и Таманского полуострова легла на плечи немногочисленных и слабо вооруженных морских частей Темрюкской и Керченской военно-морских баз. Им же пришлось выполнять трудную задачу по переводу кораблей и судов из портов Азовского моря в порты Кавказского побережья. 12 августа Темрюкской и Керченской военно-морским базам были определены зоны ответственности, а их командирам было приказано принять все меры, чтобы не

пропустить противника на Тамань[107] ни с суши, ни с моря. Для обороны Темрюка штаб Азовской военной флотилии сформировал (в основном из личного состава кораблей и береговых частей) три батальона и несколько рот общей численностью около 3 тыс. человек. Их действия должна была поддерживать артиллерия кораблей из района порта.

11–13 августа 144-й и 305-й отдельные батальоны морской пехоты заняли позиции на подходах к Темрюку. К этому времени румынские войска, наступавшие по побережью Азовского моря, вышли к станицам Славянской и Крымской. 13 августа морские пехотинцы флотилии вступили с ними в бой.

12 августа после тяжелых боев наши войска оставили Краснодар и отошли на левый берег реки Кубань. Часть сил немецкой 17-й армии повела наступление на Новороссийск.

16 августа противник пытался прорвать оборону в направлении Калабатки и колхоза «Красный Октябрь», но морские пехотинцы при огневой поддержке канонерских лодок «Буг», «Дон», № 4, монитора «Железняков» и самолетов малочисленной авиационной группы отразили вражеские атаки. Но все же противнику, имевшему значительное превосходство в силах и к тому же господствовавшему в воздухе, 17 августа удалось захватить несколько важных в тактическом отношении высот, а 20 августа прорвать оборону. Для предотвращения захвата города из личного состава кораблей был сформирован Азовский сводный батальон морской пехоты численностью до 500 человек под командованием майора Ц. Л. Куникова. 21 августа ему удалось приостановить наступление врага. [122]

Немецко-фашистское командование вынуждено было отвести на переформирование обескровленную 5-ю румынскую кавалерийскую дивизию и заменить ее 9-й румынской кавалерийской дивизией. Но несмотря на огромное численное превосходство, немецко-фашистские войска смогли овладеть Темрюком лишь 24 августа, понеся огромные потери: только в течение дня 23 августа защитники Темрюка уничтожили около 1,5 тыс. вражеских солдат и офицеров.

Подразделения, отходившие из города последними, взорвали мост и уничтожили переправы через реку Кубань и Казачий ерик, заминировали порт.

Таким образом, малочисленные силы Темрюкской военно-морской базы почти на две недели сковали две кавалерийские дивизии неприятеля и не дали возможности использовать их на новороссийском направлении. Действия защитников Темрюка получили высокую оценку Военного совета фронта. В телеграмме, присланной Маршалом Советского Союза С. М. Буденным на имя

командующего Азовской военной флотилией в дни обороны Темрюка, говорилось: «Объявите всему личному составу, что оборона Темрюка войдет в историю Отечественной войны. За героизмом, проявленным личным составом, следит вся страна, как в свое время она следила за героями Севастополя».[108]

После оставления Темрюка 144-й и 305-й отдельные батальоны морской пехоты, объединенные в 144-й отдельный батальон, и Азовский сводный батальон, получивший наименование 305-го батальона, заняли оборону на рубежах Старотитаровский лиман, Ахтанизовская и Пересыпь, Дубовый рынок, колхоз «Красная стрела», станица Варениковская.

В период ожесточенных боев за Таманский полуостров по указанию Военного совета фронта транспортные суда и корабли отрядами по 15–20 единиц выводились в Черное море. Перед выходом в море они пополняли запасы топлива, продовольствия и боеприпасов, принимали на борт боевую технику и другие грузы. Прорыв, их через Керченский пролив в порты Кавказского побережья происходил под непрерывным минометно-артиллерийским обстрелом противника и ударами его авиации. Караваны судов конвоировали слабо вооруженные сторожевые катера и катера-тральщики, поэтому форсирование [123] ими Керченского пролива, как правило, приурочивалось к темному времени суток. Авиация флота и береговая артиллерия подавляли батареи и прожектора противника на восточном берегу Керченского полуострова. В светлое время суток прикрытие с воздуха осуществляли истребители 47-й армии и авиагруппы флотилии.

Условия перехода были исключительно сложными. За ночь противник обрушивал на суда и корабли до 2 тыс. снарядов. Авиация, располагавшая незначительными силами, не могла обеспечить надежного воздушного прикрытия. От минометно-артиллерийского огня и бомбоштурмовых ударов погибла часть кораблей и судов различных типов. Кроме того, в портах Азовского побережья были уничтожены, чтобы не достались врагу, 14 кораблей флотилии, часть судов и плавсредств гражданских ведомств, которые не смогли уйти в Черное море. И все же, несмотря на яростное противодействие врага, с 3 по 23 августа удалось вывести в Черное море 122 гражданских судна, сторожевой корабль-тральщик «Мариуполь», 7 торпедных катеров, 5 катеров типа МО, 8 катеров-тральщиков, 10 сторожевых катеров-полуглиссеров. 30 августа из Азовского моря в Черное ушел последний корабль — монитор «Железняков».

В порты Черного моря на судах, кораблях и катерах АВФ было эвакуировано более 7 тыс. закаленных в боях моряков-

азовцев и воинов сухопутных частей, влившихся в ряды защитников Новороссийска, а также вывезено около 1,5 тыс. т военного имущества и других грузов.[109] Корабли и суда флотилии вошли в состав Черноморского флота. Личный состав береговых подразделений и экипажи погибших кораблей стали костяком вновь сформированных частей и бригад морской пехоты. В дальнейшем их бойцы неоднократно демонстрировали образцы мужества, отваги и боевой выучки в борьбе с врагом на новороссийском и туапсинском направлениях.

В период обороны Темрюка вел боевые действия на реке Кубань Отдельный Кубанский отряд флотилии. Перед ним была поставлена задача поддерживать части 56-й армии на участке станица Варениковская, Краснодар. Отряд тесно взаимодействовал с 349, 339 и 216-й стрелковыми дивизиями и 103-й стрелковой бригадой. [124]

Его силы оказывали огневое содействие войскам при отражении атак противника, обеспечивали их переправу через реки Кубань и Протока, вели патрулирование, высаживали разведывательные десанты, осуществляли перевод плавсредств в Темрюк, уничтожали навигационное ограждение на реках, разрушали мосты после отхода наших частей на новые рубежи, нарушали переправы противника и препятствовали ему обходить фланги наших частей через плавни.

В результате боевых действий, длившихся до 30 августа, Отдельный Кубанский отряд уничтожил более 2 тыс. вражеских солдат и офицеров, несколько танков. Как отмечало командование взаимодействовавших с отрядом соединений, он внес большой вклад в сдерживание натиска неприятеля.

11 августа из личного состава катеров отряда была сформирована рота морокой пехоты. Несколько позже в нее влились и другие экипажи, взорвавшие свои корабли, потому что вывести их из реки Кубань было уже невозможно. 21–29 августа рота совместно со 144-м отдельным батальоном морской пехоты вела бои на участке станица Варениковская, Адагум. 30 августа она отошла к станице Гостагаевская.[110]

На этом боевые действия флотилии на Азовском море и приазовских реках закончились, и ее командование сосредоточило свою деятельность на обороне Новороссийска.

В заключение следует отметить, что создание в июле 1941 г. военной флотилии на Азовском море явилось дальновидным решением Верховного Главнокомандования. За период боевой деятельности с июля 1941 г. по сентябрь 1942 г.[111] Азовская военная флотилия оказала существенную помощь войскам Красной Армии в борьбе на южном фланге советско-германского

фронта, с честью выполнив свой долг. Здесь, на берегах Азовского моря, совместными усилиями армии и флота на длительное время были скованы значительные силы и средства противника. Только в боях на восточном побережье Азовского моря противник потерял около 22 тыс. солдат и офицеров, значительное количество оружия и боевой техники. [125] Силы флотилии достойно представляли Черноморский флот в ряде крупных оборонительных и наступательных операций первого периода Великой Отечественной войны.

Азовская военная флотилия вместе с войсками и силами флота участвовала в срыве плана гитлеровского верховного командования по форсированию Керченского пролива, в результате чего противнику не удалось использовать дислоцировавшиеся в Крыму войска в первых наступательных операциях на туапсинском и новороссийском направлениях. Уничтожив оставшиеся в портах морские транспортные средства, установив минные заграждения, приведя в негодность порты и базы, уведя в Черное море суда и корабли, она на длительное время лишила врага возможности использовать морские коммуникации для снабжения своих войск на берегах Азовского моря, что сыграло немаловажную роль в снижении темпа его наступления на кавказском направлении.

В ходе тяжелых боев штабы объединений и соединений армии и флота накопили богатый опыт в организации оперативно-стратегического взаимодействия войск и сил флота при ведении совместных оборонительных и наступательных операций, который в дальнейшем был использован при обороне Черноморского побережья Кавказа, изгнании с него немецко-фашистских войск и освобождении Крыма. [126]

Глава пятая. Оборона Новороссийска

В конце июля 1942 г. немецко-фашистское командование, создав значительное превосходство в живой силе, танках и авиации, приступило к осуществлению плана «Эдельвейс» — захвату Кавказа.

Ведя тяжелые арьергардные бои, войска Донской группы Северо-Кавказского фронта 5 августа оставили Ворошиловск (Ставрополь). С прорывом подвижных соединений противника к Армавиру и Майкопу создалась угроза выхода его войск к Туапсе и окружения с суши Приморской группы Северо-Кавказского фронта. 6 августа враг устремился к Краснодару. В середине августа войска Северо-Кавказского фронта, не располагавшие достаточными резервами и крупными подвижными силами, в условиях господства в воздухе вражеской авиации вынуждены были отойти к предгорьям северо-западной части Главного Кавказского хребта. Однако в результате упорных кровопролитных сражений и боев в задонских и Сальской степях были сорваны попытки гитлеровцев окружить группировку наших войск между Доном и Кубанью и выйти на Черноморское побережье в районе Туапсе. Потеряв свыше 54 тыс. солдат и офицеров, враг вынужден был замедлить темп наступления и перейти к перегруппировке сил. И тем не менее командование группы армий «А» уже торжествовало победу, [127] донося в ставку Гитлера, что войска Красной Армии уже не способны организовать упорную оборону, что их сопротивление в районе Новороссийска, как и в излучине Терека, можно быстро сломить. Реляция немецко-фашистского командования гласила: «Кажется, что противник по всему фронту выставил на передовой линии все имеющиеся в его распоряжении силы и что после прорыва этой линии сопротивление противника будет сломлено».[112]

Оценивая обстановку таким образом, главное командование сухопутных войск вермахта решило продолжить, наступление на Кавказ: 1-я танковая армия должна была наступать из района Пятигорска на Орджоникидзе, Грозный, Махачкалу и Баку; 49-й горнострелковый корпус по Военно-Грузинской, Военно-Осетинской и Военно-Сухумской дорогам — на Сухуми и Кутаиси; 17-я армия — вдоль побережья Черного моря от Анапы на Батуми. Последнему направлению, пролегавшему через Новороссийск, противник придавал исключительно важное значение. В плане наступления на Кавказ, разработанном [128] гитлеровским командованием еще в июле 1941 г., из трех возможных направлений преодоления Главного Кавказского

хребта предпочтение отдавалось шоссейной дороге, идущей по Черноморскому побережью от Новороссийска до Батуми. В частности, в нем отмечалось, что эта дорога «…находится в хорошем состоянии… и пригодна для движения моторизованных войск без всяких ограничений. Однако она находится в сфере огня русского Черноморского флота… При поддержке флота противник будет особенно упорно оборонять ее как раз в районах, где расположены… порты».[113] Исходя из такой оценки обстановки (которую нельзя не признать весьма обоснованной), немецко-фашистское командование настойчиво стремилось овладеть приморской дорогой. Первым шагом к этому должен был стать захват Новороссийска и Туапсе.

В процессе осуществления плана «Эдельвейс» уточнялись его детали, но неизменной оставалась основа — скорейший захват прибрежной дороги и военно-морских баз, на это были направлены значительные силы 17-й сухопутной и 1-й танковой армий, действовавших на Кавказе. Выполнив намеченные планом задачи, противник надеялся добиться господства на морских коммуникациях и обеспечить поддержку своих сил с моря, что сыграло бы исключительно важную роль в развитии дальнейшего наступления войск вдоль Кавказского побережья Черного моря.

Приступая к осуществлению плана «Эдельвейс», командование группы армий «А» готовило форсирование Керченского пролива. Как явствует из журнала боевых действий группы армий «А», 15 августа начальник штаба 11-й армии сообщил из Крыма в штаб группы армий, что давно намеченная операция «Блюхер-II» начнется утром 17 августа.[114] В ходе этой операции 73-я и 9-я пехотные дивизии, форсировав пролив, должны были овладеть Таманским полуостровом, а затем захватить Новороссийск и Анапу. 44-му армейскому корпусу при поддержке 57-го танкового корпуса предписывалось занять побережье от Туапсе до Адлера. Наступал кульминационный момент — оборона Новороссийска становилась главным событием битвы за Кавказ. [129]

Оборонительный период битвы за Кавказ продолжался до 31 декабря 1942 г. Боевые действия велись на фронте протяженностью восемьсот километров и на пятьсот километров в глубину. По продолжительности, пространственному размаху и численности участвовавших в ней сил оборона Кавказа была одним из крупнейших событий 1942 г. Важнейшей особенностью этой операции, оказавшей большое влияние на ее ход и результаты, было широкое и тесное взаимодействие всех видов наших Вооруженных Сил, и в частности сухопутных войск и Военно-Морского Флота. Особенно ярко это проявилось в период

обороны Новороссийска, а затем и Туапсе. Участвуя в битве за Кавказ, Черноморский флот, прикрывая стратегический фланг наших войск от ударов противника с моря, оказывал им поддержку действиями авиации и артиллерии надводных кораблей, высаживал десанты морской пехоты, вел борьбу на морских коммуникациях. Кроме того, обеспечение морских перевозок в интересах войск, оборонявших Кавказ, в течение всего периода, когда основные внешние сухопутные коммуникации были почти полностью нарушены противником, трудно переоценить.

В нашей военно-исторической литературе начало обороны Новороссийска принято относить к 19 августа 1942 г. Это справедливо, если иметь в виду развертывание боевых действий на непосредственных подступах к Новороссийску. Действительно, немецко-фашистские войска, начав 19 августа наступление из района Краснодара на Крымскую, на следующий день подошли к передовому рубежу обороны Новороссийской военно-морской базы. Но судьба Новороссийска, а следовательно, в значительной степени и Черноморского флота, а также весь дальнейший ход событий на приморском фланге южного крыла советско-германского фронта были связаны с борьбой за Таманский полуостров, начавшейся значительно раньше. В этой борьбе непосредственное участие принимали воины 17-й армии, моряки Черноморского флота и Азовской военной флотилии.

Следует отметить, что к началу войны сколько-нибудь сложившейся и обеспеченной в инженерном отношении системы обороны Новороссийска с суши не существовало. Имелись лишь ориентированные на защиту с моря береговые батареи на Мысхако (четырехорудийная 152-мм) и в Геленджике (трехорудийная 130-мм), а также батареи в районе кордона Ильича, на мысе Панагия и в [130] некоторых других пунктах восточного побережья Керченского пролива. Иных оборонительных сооружений, а также войск, кроме пограничных частей, на Таманском полуострове в то время не было (ЦВМА, ф. 2, он. 1, д. 810, л. 126, 127).

В описываемый период ответственность за оборону Новороссийской военно-морской базы[115] с суши была возложена на сухопутные войска. Думается, что опыт обороны Лиепаи, Таллина и Одессы не был учтен в должной степени при создании системы обороны Новороссийска. Правда, 25 сентября 1941 г. командир базы направил Военному совету Черноморского флота доклад о состоянии обороны Новороссийска, в котором констатировал, что сухопутная оборона города организована плохо, и просил воздействовать на командование Северо-

Кавказского военного округа. К сожалению, решение командующего флотом оборону базы «строить самостоятельно, совместно с округом»[116] не внесло сколько-нибудь реальной определенности в регламентацию сфер ответственности округа и базы за осуществление оборонительных мероприятий. Но все же в конце 1941 г. к созданию системы обороны Новороссийской военно-морской базы была привлечена инженерная служба Черноморского флота, части которой в короткие сроки установили еще две береговые четырехорудийные 100-мм батареи, а также пять зенитных и противокатерных батарей.

Сложившаяся после оставления нашими войсками Крыма обстановка со всей очевидностью свидетельствовала о необходимости ускоренного создания системы обороны Таманского полуострова и Новороссийской военно-морской базы, на что неоднократно обращал внимание Генеральный штаб. Тем не менее только в конце ноября 1941 г., т. е. когда противник уже занял Керченский полуостров, по указанию командующего флотом начались рекогносцировка местности и выбор рубежей сухопутной обороны базы. Были намечены три рубежа: передовой — протяженностью 92 км по левому берегу реки Кубань на расстоянии 40–60 км от базы; [131] основной — протяженностью 135 км на удалении 25–35 км от Новороссийска, правый фланг которого должен был выходить к Черному морю у мыса Дооб, а левый — у Анапы; тыловой — протяженностью 42 км на удалении 10–24 км от города. Кроме того, предусматривалось строительство противодесантного рубежа на десантно-доступных участках побережья от Благовещенской до селения Архипо-Осиловка.

Создание намеченных рубежей шло медленно, что объяснялось, очевидно, не только большой загруженностью инженерных и строительных частей флота, выполнявших оборонительные работы в районах Севастополя, Керчи и других опорных пунктов на побережьях Черного и Азовского морей, но и недостаточно ясным пониманием реальности и масштабов надвигающейся угрозы.

В ноябре 1941 г. началось строительство оборонительных объектов на участке тылового рубежа в районе Волчьи Ворота, Семигорье. Через месяц сюда из Севастополя прибыло строительное подразделение инженерной службы флота численностью около 500 человек. Оно же возводило затем оборонительные объекты на основном рубеже в районе Су-Псех, Натухаевская, а с марта 1942 г. — на участке Крымская, Абинская. 27 марта 1942 г. командиром военно-морской базы в штаб флота был направлен доклад, в котором отмечалось, что «…

для обороны базы с суши создается оборудованный сухопутный фронт, способный отразить как внезапные нападения, так и длительную осаду». К сожалению, для подобной характеристики обороны базы не было достаточных оснований, так как инженерное оборудование рубежей было выполнено всего на 20 %, да и в самом документе отмечались значительные недостатки в организации системы обороны. Указывалось, в частности, что береговые батареи базы недостаточно обеспечены средствами связи, нет сети выносных постов для корректировки огня по наземным целям, не налажено взаимодействие зенитной артиллерии и истребительной авиации; отсутствует целенаправленное руководство зенитным огнем, который ведется интенсивно, но беспорядочно, и т. д..[117] За все эти и другие допущенные серьезные ошибки вскоре пришлось расплачиваться.

В то время как оборонительные рубежи с сухопутного направления строил флот, создание противодесантной [132] обороны базы командование Северо-Кавказского фронта возложило на 1-й отдельный стрелковый корпус, дислоцировавшийся на побережье от Благовещенекой до Лазаревского. Таким образом, сложилась довольно противоречивая ситуация: систему противодесантной обороны с моря готовили сухопутные части, оборону же на сухопутном направлении создавал флот.

Не было и единого органа, который бы повседневно координировал и контролировал в целом строительство оборонительных сооружений на побережье и на сухопутном направлении. Северо-Кавказский фронт не уделял этому направлению достаточного внимания. И, видимо, не случайно, что общую схему сухопутной и противодесантной обороны и сроки ее строительства Военной совет фронта рассмотрел и утвердил лишь 25 июня 1942 г. В плане предусматривалось завершить создание противодесантной обороны к 1 июля, рубежа прикрытия на окраинах Новороссийска — к 25 июля, основного рубежа на главных направлениях — к 25 сентября, рубежей на остальных направлениях, а также отсечных позиций между рубежами — к 1 октября 1942 г.

В соответствии с указаниями Военного совета фронта в июле — августе 1942 г. инженерная служба флота приступила к созданию рубежей обороны Туапсинской военно-морской базы, передав основную часть строительства оборонительных рубежей в районе Новороссийска частям 28-го управления особого строительства 47-й армии. После выхода противника к основному рубежу в районе Крымской (19–20 августа) дальнейшие оборонительные работы на новороссийских рубежах выполнялись

только силами войск 47-й армии и военно-морской базы.[118] Личный состав строительных и инженерных частей армии и флота, а также гражданское население, привлеченное к строительным работам, заготовке и транспортированию строительных материалов, рытью траншей и т. п., самоотверженно трудились, создавая оборонительные рубежи. О размахе работ, выполненных ими, говорят следующие цифры: с ноября 1941 г. по август 1942 г. было сооружено около 40 артиллерийских и до тысячи пулеметных дотов и дзотов, 340 командных и наблюдательных пунктов, более 400 убежищ и площадок для пушек и минометов, созданы минные поля почти на 50 км по фронту. На танкоопасных направлениях были вырыты противотанковые [133] рвы, установлены надолбы и ежи. Среди наиболее важных объектов, введенных в строй в это время, следует отметить аэродромы на Мысхако и в районе Анапы, стационарные батареи в Широкой балке, возле Анапы и у мыса Пенай (№ 675–130-мм, № 464–102-мм и № 394–100-мм), зенитные батареи, защищенные командные пункты на девятом и двенадцатом километрах Сухумского шоссе. Однако многое из намеченного выполнить не удалось, в частности не были защищены проволочными заграждениями оборонительные сооружения на подступах к Новороссийску. Имелись и другие существенные недостатки. Так, значительная часть укреплений не отвечала требованиям обороны и в последующем не использовалась, многие огневые точки имели небольшой сектор обстрела, отсутствовали скрытые подходы к ним и др.

К сожалению, в планах строительства приоритет отдавался созданию системы противодесантной обороны. Это же подтверждало и ориентирование позиций на местности: большинство из них было обращено в сторону моря и Цемесской бухты.[119]

Таким образом, хотя к началу наступления противника на новороссийском направлении работы по созданию оборонительных рубежей на сухопутных направлениях были далеки от завершения, все же, опираясь на них, наши войска в дальнейшем сумели закрепиться на ряде участков и замедлить продвижение противника к Новороссийску.

В состав Новороссийской военно-морской базы (по состоянию на 20 июля 1942 г.) входили учебный дивизион подводных лодок (в основном типа «М»), который базировался в Поти и в других южных портах, бригада торпедных катеров (15 единиц) и кораблей Охраны водного района (ОВР). ОВР располагал преимущественно канонерскими лодками, переоборудованными из мобилизованных шхун и сейнеров, сторожевыми кораблями и

катерами, тральщиками и катерами-тральщиками (всего около 30 единиц). Заходившие в Новороссийск по заданию командования флота крейсера и эскадренные миноносцы оставались в подчинении командиров своих соединений.

В состав береговых частей базы входили артиллерия береговой обороны (девять стационарных и подвижных [134] батареи со 45–152-мм орудиями), зенитный артиллерийский полк (около 30 орудий), два отдельных зенитных дивизиона (26 орудий), 142-й (1180 человек) и 323-й (650 человек) отдельные батальоны морской пехоты, 179-й инженерный батальон (около 500 человек) и некоторые другие подразделения.[120] В ведении военных моряков находилась только Лесная пристань с прилегающей к щей территорией, где имелись лишь небольшие мастерские для ремонта и текущего обслуживания артиллерийского и торпедного вооружения кораблей. Склады боеприпасов и жидкого топлива были расположены за чертой города. Для военных целей можно было использовать порт в северной части Цемесской бухты, который в предвоенное время обеспечивал деятельность гражданских морских торговых и промысловых ведомств.

Исходя из состава сил и оборудования Новороссийской военно-морской базе отводилась роль тыловой базы флота, но в силу обстановки, сложившейся на южном фланге советско-германского фронта, уже с первых месяцев войны она играла заметную роль в обеспечении действий Черноморского флота, и прежде всего морских перевозок. Отсюда на транспортах и боевых кораблях в Одессу, Севастополь и на Керченский полуостров доставлялись войска и различные грузы. Новороссийск фактически сыграл роль главной базы флота в подготовке и обеспечении сил, участвовавших в Керченско-Феодосийской десантной операции. После овладения Керченским полуостровом и до эвакуации оттуда войск Крымского фронта порт ежедневно принимал и отправлял по 14–16 судов.[121]

С приближением фронта к Новороссийску и после перебазирования основных сил флота из Севастополя в порты Кавказского побережья основным пунктом базирования, а точнее стоянки малых кораблей Новороссийской военно-морской базы стала Геленджикская бухта, где отремонтировали и построили новые небольшие причалы. В устье реки Мезыбь в Фальшивом Геленджике дислоцировалась маневренная база торпедных катеров. В самом Геленджике были созданы командные пункты, оборудованные радио — и проводной связью. Но ни в Новороссийске, ни в Геленджике судоремонтных предприятий не было, поэтому в тех случаях, когда ремонт нельзя [135] было

выполнить силами экипажей, корабли направлялись в южные порты Кавказского побережья.

Учитывая важное значение Новороссийска в обеспечении боевых действий войск и сил флота, противник неоднократно пытался разрушить портовое хозяйство, нарушить деятельность базы. С этой целью его авиация многократно наносила массированные бомбовые удары по объектам базы и порта, по кораблям и судам, находившимся в Новороссийске, Анапе и Геленджике, ставила мины на фарватерах и в акватории портов.

Вражеская авиация действовала в благоприятных условиях. Базируясь на аэродромы Крыма, а затем и Северного Кавказа, 4-й воздушный флот люфтваффе находился в непосредственной близости от наших объектов и мог при необходимости быстро сконцентрировать свои силы для удара по ним. В то же время авиация Черноморского флота вынуждена была использовать плохо оборудованные аэродромы и грунтовые площадки на Кавказском побережье, а задачи приходилось решать сложные и разнообразные как на суше, так и на море.

Из-за слабости зенитного прикрытия Новороссийской военно-морской базы и острой нехватки истребителей противнику удавалось наносить ее объектам и кораблям значительный ущерб. Особенно ощутимый урон Черноморский флот понес 2 июля 1942 г. В налете вражеской авиации участвовало 64 бомбардировщика Ю-88 и 15 истребителей Ме-109. Они сбросили свыше 170 бомб, потопили лидер «Ташкент», эсминец «Бдительный», два транспорта и буксир, повредили минный заградитель, два эсминца, подводную лодку, плавучий док и несколько других кораблей и судов. Ожесточенным авианалетам город подвергался также с 10 по 18 августа, т. е. в те дни, когда войска противника уже выходили па ближние подступы к городу.

Реальная угроза прорыва немецко-фашистских войск к Новороссийску возникла 12 августа, после того как наши войска оставили Краснодар. Германское командование было уверено, что 5-му армейскому корпусу удастся с ходу прорвать оборону города; одновременно оно планировало силами 44-го армейского и 57-го танкового корпусов нанести удар через Хадыженскую на Туапсе. Ставка ВГК своевременно разгадала замысел врага и предприняла срочные меры, чтобы сдержать его натиск на этих направлениях. 10 августа командующий Северо-Кавказским фронтом получил указание силами 32-й гвардейской [136] стрелковой дивизии и 236-й стрелковой дивизии в три-четыре линии перекрыть на всю глубину дорогу Майкоп — Туапсе и ни в коем случае не пропустить здесь противника, а на усиление обороны Новороссийска направить 77-ю стрелковую дивизию,

сняв ее с Таманского полуострова, оборону которого возложить на части и соединения флота.[122]

Захват Новороссийска и Туапсе и выход на побережье Черного моря казались противнику делом ближайших дней; фашистское командование уже подсчитывало, какие авиационные соединения после этого можно будет снять с новороссийского и туапсинекого направлений и перенацелить на поддержку наступления на Сталинград.

Было бы ошибкой думать, что план противника достичь успеха одновременно на новороссийском и туапсинском направлениях был чистой авантюрой. В своих расчетах немецко-фашистское командование опиралось на благоприятные поначалу результаты начавшегося наступления и значительное превосходство в силах. Перегруппировав войска, оно сосредоточило для наступления на Новороссийск две пехотные и три кавалерийские дивизии, а на Туапсе — пять пехотных и две моторизованные дивизии. Но, как показали дальнейшие события, все попытки врага прорваться к Черноморскому побережью в районе Туапсе и тем самым достичь ближайшей цели — выйти к приморскому шоссе — оказались тщетными.

Благодаря своевременной перегруппировке сил к середине августа сопротивление наших войск возросло. Войскам, действовавшим на приморском фланге фронта, сначала удалось снизить темп вражеского наступления, а 17 августа остановить дальнейшее продвижение соединений немецких 1-й танковой и 17-й армий на линии Темнолесское, Черноморское, Дербентская, Абинская, Черноерковская.

Не добившись успеха на туапсинском направлении, противник решил взять реванш под Новороссийском. Командование фронта, предвидя такой поворот событий, еще 14 августа приказало организовать прочную оборону в непосредственной близости от Новороссийска: в районах перевала Бабича, Геленджика, Кабардинского перевала, Цемесской бухты, перевала Маркотх, населенных пунктов Мефодиевский, Верхнебаканекий, Новороссийска, [136] шоссе, ведущего из Анапы в Верхнебаканский, Васильевки, Южной Озерейки и других.[123] Ответственность за оборону Новороссийска и Таманского полуострова по-прежнему лежала на командующем 47-й армией, который находился в станице Гостагаевской, а за морскую оборону — на командующем Азовской военной флотилией, находящемся в Су-Псех.

В этих условиях становилась очевидной необходимость объединить все силы в районе Новороссийска в оборонительный район под единым командованием так, как было в свое время

сделано при организации, обороны Одессы и Севастополя. Эта проблема с каждым днем становилась все более актуальной, и медлить с ее решением было бы уже непростительной ошибкой. Реальные преимущества такой организации обороны базы особенно были ясны ее непосредственным участникам.

17 августа Военный совет Азовской военной флотилии направил Военному совету Черноморского флота телеграмму:

«Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу т. Октябрьскому.

14.00 17 августа 1942 года передовые части противника — северная окраина Абинская, до роты пехоты противника. По дороге между Ахтырская — Абииская — 10 танков, 40 автомашин. Это означает, что противник вышел на непосредственные подступы к Новороссийску. Если НОР не будет создан немедленно с концентрацией всех сил флота и армии, обороняющих Темрюк, Таманский полуостров, обводы Новороссийска, возникает прямая угроза Новороссийску.

Кроме этого, отсутствие единого твердого командования в Новороссийске не обеспечивает наиболее полного использования всех возможностей для усиления обороны…». Далее предлагалось:

«1. Немедленно назначить единого командующего морской и сухопутной обороной Новороссийска с флагманским командным пунктом в Новороссийске.

2. Снять полевые части флота и подвижную артиллерию с Таманского полуострова и эвакуировать Темрюк, что даст до двух бригад морской пехоты и до полка полевой артиллерии, переведя их на оборону Новороссийска.

3. Держать Таманский полуостров одним батальоном морской пехоты при поддержке береговой артиллерии до [138] полного расстрела боезапасов. Горшков, Прокофьев, Моргунов.»

Генерал-майор береговой службы П. А. Моргунов являлся заместителем командующего флотом по сухопутным войскам и находился в то время на командном пункте флотилии.[124]

18 августа Ставка утвердила это предложение, о чем штаб флотилии был извещен 20 августа (ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 32, л. 148; ЦВМА, ф. 175, д. 32 688, л. 102.).

В приказе командующего Северо-Кавказским фронтом было указано, что Новороссийский оборонительный район создается в целях обеспечения «прочной обороны Новороссийской военно-морской базы и всего левого фланга Северо-Кавказского фронта.[125] В состав НОР были включены 47-я армия, 216-я стрелковая дивизия 56-й армии, корабли и части Азовской военной флотилии, силы Темрюжской, Керченской и Новороссийской

военно-морских баз, сводная авиагруппа Черноморского флота (237-я авиадивизия 5-й воздушной армии и части ВВС флота). Командующим НОР был назначен командующий 47-й армией генерал-майор Г. П. Котов, его заместителем по морской части и членом Военного совета НОР — командующий Азовской военной флотилией (автор этих строк).

Здесь уместно отметить, что практика включения представителей Военно-Морского Флота в состав военных советов сухопутных объединений (стратегических направлений, фронтов, армий) и создание при их штабах специальных морских групп из офицеров, наиболее подготовленных в отношении вопросов управления, организации и планирования боевых действий, оказала положительное влияние на установление тесного взаимодействия армии и флота.

В целях усиления руководства обороной были объединены не только командование, но и штабы морских и сухопутных соединений. Заместитель командующего, член Военного совета фронта адмирал И. С. Исаков приказал: «Штаб контр-адмирала т. Горшкова считать морской частью штаба НОР. Начштаба АВФ — считать замначштаба НОР по морской части».[126] Были введены должности заместителей начальников оперативного и разведывательного отделов штаба НОР по морской части. [139]

Командующий фронтом поставил перед сухопутными войсками и военно-морскими силами следующие задачи: измотать противника на подходах к Новороссийску со стороны Таманского полуострова и с севера, со стороны реки Кубань; не допустить его прорыва внутрь оборонительного района, а в случае проникновения отдельных групп уничтожить их перед внутренним обводом Новороссийска; не допустить высадки морского десанта. Командующему НОР приказывалось построить боевые порядки в соответствии с этими задачами, оставив морские части в обороне Таманского полуострова; выдвинуть к реке Кубань и на восток до Федоровской разведывательные отряды; закончить оборонительные сооружения по основному обводу (Анапа, Гостагаевская, Крымская, Абинская, Шапеугская, Эриванская, Фальшивый Геленджик) и занять их частями 83-й морской стрелковой бригады, 103-й стрелковой бригады и 216-й стрелковой дивизии; 77-ю стрелковую дивизию оставить в качестве главной маневренной группировки в районе населенных пунктов Большевик, Верхнебаканский, Тоннельная. Предписывалось создать постоянные гарнизоны на горных проходах и тем самым блокировать их, уделив особое внимание маршрутам, ведущим к Новороссийску, Анапе и Геленджику. Морская артиллерия должна была пристрелять все проходы и

развернуть корректировочные посты в боевых порядках пехоты. К 21 августа надлежало заградить неохраняемые горные проходы и сделать их недоступными для противника.

В приказе значительное место отводилось указаниям по деятельности Новороссийской военно-морской базы. Предписывалось закончить строительство внутреннего оборонительного рубежа по горному кряжу от Южной Озерейки через Волчьи Ворота, по хребту Маркотх, Кабардинскому перевалу до Фальшивого Геленджика, а для его обороны использовать зенитную артиллерию и все артиллерийские средства базы. Ответственность за оборону на этом рубеже возлагалась на командира базы. Приказ требовал навести в Новороссийске железный порядок, в целях обороны использовать все людские и материальные ресурсы, сформировать дополнительные части из тыловых подразделений базы, включив их в состав НОР. Кроме того, силы Новороссийской базы должны были решать и свою прежнюю задачу — поддерживать морские коммуникации с Таманью, Анапой, Туапсе и Поти. [140]

Приказ командующего франтом обязывал командующего флотом поддерживать силы НОР с моря и с воздуха в противодесантной и сухопутной обороне; обеспечивать снабжение и пополнение частей, входивших в состав НОР, а также защиту морских коммуникаций, связывавших оборонительный район с фронтом. Создавалась и смешанная авиационная группа НОР из 237-й истребительной авиадивизии фронта и некоторых частей ВВС флота.

Командование фронта выражало уверенность, что «…все бойцы, командиры и политработники 47А, АВФ и ЧФ, до сих пор оказывавшие упорное сопротивление врагу и не раз его бившие в частных столкновениях, и теперь поставленную перед ними решающую задачу — не допустить противника к побережью Черного моря, к порту и морской базе Новороссийск — с честью выполнят».[127]

Для обороны Новороссийска с моря были выделены береговая артиллерия (73 орудия), корабли базы (три канонерские лодки, минный заградитель, 15 торпедных катеров и другие плавсредства) и авиация флота (112 самолетов).

Хотя к 18 августа части, вошедшие в состав оборонительного района, насчитывали около 15 тыс. человек, на направлении главного удара противника было всего 2200 бойцов, 36 орудий, 30 минометов и 36 танков.[128] Остальные силы были рассредоточены на рубежах обороны, обращенных к морю, главным образом на обширном пространстве прибрежного сектора от восточного побережья Керченского пролива до селения

Эриванская и Фальшивого Геленджина.

Силы врага, значительно превосходившие силы защитников НОР, насчитывали 27 тыс. человек, 260 орудий, 172 миномета, 64 танка и штурмовых орудия. На аэродромах Керченского полуострова находилось 150 самолетов (90 бомбардировщиков и 60 истребителей), в Феодосийском заливе — 12 гидросамолетов. В портах Керчь и Феодосия базировались 15 торпедных катеров, 30 самоходных барж и других судов.[129] К тому же противник, в руках которого находилась инициатива, имел большую [141] свободу маневра и мог при необходимости усиливать наступавшие группировки на избранных направлениях.

Чтобы остановить врага в этих необычайно сложных условиях, необходимы были четкая организация обороны и эффективное управление всеми имеющимися силами. Важная роль отводилась кораблям и частям военно-морской базы. Еще 12 августа, т. е. за пять дней до сформирования Новороссийского оборонительного района, командующий АВФ отдал приказ командиру базы[130] о принятии неотложных мер по совершенствованию сухопутной обороны непосредственно города, а именно: укрепить артиллерией и подразделениями пехоты господствующие высоты, закрыть проходы в горах; проходы, оставленные для маневра своих частей, пристрелять артиллерией и подготовить к блокированию с помощью мин и завалов.[131] С учетом малой численности сухопутных частей базы было дано указание использовать для решения этих задач ж часть экипажей кораблей, личного состава штабов, тыловых учреждений, а также подразделения Азовской военной флотилии, эвакуированные в Кабардинку. К 19 августа из этих частей и подразделений были сформированы два отряда моряков общей численностью около 600 человек.[132] Уже на следующий день они вместе со 142-м отдельным батальоном морской пехоты, с 46-м отдельным зенитным артиллерийским дивизионом и 216-м стрелковым полком 47-й армии заняли проходы через перевал Кабардинский, район Марьина Роща, гора Плоская, Гелвнджик и Фальшивый Геленджик, перевал Бабича, проходы по проселочным дорогам к Абрау-Дюрсо и к Васильевне, а также в районы Глебовки и Волчьих Ворот. Однако следует признать, что это были весьма скромные силы для решения столь сложных задач. К тому же и управление ими оставляло желать лучшего: порой командиру Новороссийской военно-морской базы, на которого была возложена ответственность за оборону города, не хватало целеустремленности, твердости и решительности.

Обстановка требовала в кратчайший срок навести в городе строжайший порядок, отвечающий осадному положению, [142] и

быстро наладить управление силами обороны, поэтому 18 августа командование фронта приказало командующему оборонительным районом назначить комендантом Новороссийска решительного командира, а на командира базы возложить функции командира боевого участка внутреннего обвода Новороссийского оборонительного района.[133] Во исполнение этого приказания комендантом гарнизона был назначен майор Бородянский. Его организаторские способности, воля, личная храбрость в еще большей степени проявились в дни ожесточенных боев за город. Он грамотно руководил боями, появлялся на самых ответственных участках, подавая пример личного мужества бойцам и командирам.

В ходе оборонительных боевых действий, начавшихся 25 июля, войскам Северо-Кавказского фронта удалось сковать главные силы группы армий «А», сорвать замысел противника, который пытался окружить и уничтожить наши войска между Доном и предгорьями Главного Кавказского хребта. Это позволило советскому командованию выиграть время для организации надежной обороны на всем протяжении от Каспийского моря до Таманского полуострова и тем самым остановить вражеское наступление на Кавказ.

В связи с изменением оперативно-стратегической обстановки на южном фланге советско-германского фронта Донская и Приморская группы Северо-Кавказского фронта решением Ставки были расформированы. Часть войск Донской группы перешла в подчинение командования Закавказского фронта. Управление соединениями Приморской группы с 17 августа стало осуществляться непосредственно через штаб Северо-Кавказского фронта.

Меры, принятые по совершенствованию системы обороны на подступах к Северному Кавказу и управлению находившимися здесь войсками и силами, оказались весьма своевременными. 19 августа под Новороссийском разгорелись ожесточенные бои. Нерешенные вопросы организации обороны и управления войсками и силами Новороссийского оборонительного района пришлось решать уже в ходе отражения вражеских атак.

В целях повышения оперативности управления подчиненными силами штаб Азовской военной флотилии 21 августа 1942 г. перебазировался из Су-Псех в Новороссийск. [143] Сразу же стало ясно, что организовать оборону города в сложившихся условиях будет нелегко. Многое, по существу, пришлось делать заново: создавать и отлаживать систему управления всеми силами обороны города, под огнем противника вести инженерное оборудование рубежей. Можно было надеяться,

что за период оборонительных боев, ведущихся на берегах Азовского моря и Керченского пролива, как на Черноморском побережье Таманского полуострова, так и в районе Новороссийска будут созданы оборонительные рубежи, которые противник не сможет преодолеть. Но, к сожалению, на так называемом Новороссийском оборонительном обводе не только не было хорошо укрепленных и глубокоэшелонированных оборонительных позиций, но и сам обвод проглядывался с большим трудом. К 19 августа — началу Новороссийской оборонительной операции — передовой рубеж был оборудован только на наиболее опасных участках: Абинская долина, Анапское шоссе, Цемесская долина. Это привело к тому, что отошедшие под Новороссийск войска не смогли в короткий срок на нем закрепиться.

Главный удар противник нанес на участке Северская, Абинская, Крымская. После трехдневных упорных боев наши части оставили Абинскую и Крымскую и отошли к Неберджаевской, где ценой неимоверных усилий им удалось остановить дальнейшее продвижение гитлеровцев и предотвратить их попытку с ходу прорваться к Новороссийску. Из-за отсутствия резервов командование фронта вынуждено было ослабить оборону Таманского полуострова, срочно перебросив оттуда под Новороссийск морскую пехоту и часть артиллерии. Были предприняты и другие меры. Так, в целях усиления обороны с суши артиллерия базы была сведена в три дивизиона, а на переднем крае обороны и господствующих высотах было развернуто восемь корректировочных постов, что позволило вести круговое наблюдение, своевременно открывать огонь по противнику и повысить эффективность стрельбы.

В это же время части 103-й стрелковой бригады и 142-го отдельного батальона морской пехоты при огневой поддержке береговой артиллерии, бронепоезда «Смерть немецким оккупантам!» и авиации сорвали наступление немецко-фашистских войск вдоль шоссе на Верхнебаканский. Но и то, что удалось достичь противнику, создавало реальную угрозу захвата Новороссийска. [144]

22 августа город впервые подвергся артиллерийскому обстрелу.

Чтобы предотвратить прорыв вражеских войск в Новороссийск, заместитель командующего НОР по морской части приказал частям базы занять оборону в районе Цемесской долины и удерживать перевалы Бабича и Кабардинский, высоты с отметками 704,2; 236,9; 503,5; 467,2, гору Долгую и ряд других пунктов. Главная группировка сил была сосредоточена па

наиболее ответственном участке фронта — неберджаевском направлении.[134]

Исходя из опыта обороны Одессы и Севастополя были отданы распоряжения по использованию производственных возможностей предприятий базы и города для изготовления мин, гранат, минометов и ремонта боевой техники. В выполнении этого задания командования НОР активно участвовал городской комитет обороны.[135] Он проделал огромную работу по мобилизации гражданского населения для оказания всемирной помощи защитникам города в борьбе с врагом. Бесперебойно работали электростанции, телефонная станция, хлебозавод, холодильник. Жители города оказывали помощь раненым, участвовали в строительстве оборонительных сооружений, завалов и баррикад.[136]

23 августа после захвата противником Неберджаевской и Нижнебаканской перед командованием НОР встала и другая задача — эвакуация жителей и наиболее важных предприятий города. В соответствии с постановлением Военного совета Северо-Кавказского фронта от 23 августа об экстренной эвакуации грузов из Новороссийска необходимо было срочно вывезти около 31 тыс. т грузов (помимо нефтепродуктов). Значительную часть этой работы с успехом выполнил городской комитет обороны.

Бои на новороссийском направлении носили крайне ожесточенный характер. Соединения и части сухопутных войск, занявшие рубежи обороны у Новороссийска, были измотаны непрерывными боями и понесли немалые потери. Некоторые дивизии имели не более трети штатной численности. Морские части: были недостаточно подготовлены к ведению боя в полевых условиях.

Враг, не считаясь с потерями, упорно рвался к побережью [145] Черного моря. Вражеская авиация беспрерывно наносила удары по артиллерийским и минометным батареям, самолеты охотились за отдельными группами бойцов, чуть ли не за каждой автомашиной. Атакам пехоты предшествовала мощная артиллерийская подготовка.

Однако, несмотря на массированное применение противником сил, оборона наших войск в целом носила очень упорный характер. При первой же возможности обороняющиеся переходили в контратаки и наносили неприятелю большой урон. Позиции по нескольку раз переходили из рук в руки. Исключительной дерзостью отличались, контратаки морских пехотинцев. Они безудержно врывались в боевые порядки гитлеровцев и вступали с ними в рукопашные схватки.

О героизме морских пехотинцев сказано немало. Их подвиги

воспеты литераторами, кинематографистами, освещены историками. Но эта тема неисчерпаема. Железная стойкость в обороне и неудержимый порыв в атаке, презрение к смерти, жгучая ненависть к врагу, особая, присущая морякам лихость — вот что характеризовало посланцев экипажей кораблей и частей флота.

Сплоченность их была воспитана самими условиями корабельной службы, где от четкости действий каждого человека и слаженности работы всего экипажа зависит победа в бою. Индивидуализм на флоте просто невозможен. Коллективизм, взаимовыручка, упорство в достижении цели — все это как результат флотского воспитания ярко проявилось в боях на сухопутном фронте. Мужество моряков вызывало восхищение даже у бойцов и командиров армейских частей, знавших цепу истинному героизму.

Незабываем патриотический подъем, с которым черноморцы шли на сухопутный фронт. Моряки линкора «Парижская коммуна», крейсеров, эсминцев и других кораблей считали делом чести представлять свой корабль, свою часть в рядах добровольцев, составлявших ядро морских формирований.

Боевой путь многих морских стрелковых бригад, полков, батальонов, рот и отрядов морской пехоты начинался под Одессой, в Крыму и Приазовье, продолжался на Кавказе, у стен Новороссийска и Керчи, затем он пролет и на запад. Вместе с воинами Красной Армии морские пехотинцы освобождали советскую землю и народы порабощенной Европы.

В обороне Кавказа прославились не только сформированные [146] еще в начале войны по приказу Наркома ВМФ морские стрелковые бригады (83-я — под командованием полковника В. А. Вруцкого, 68-я — под командованием капитана 2 ранга Г. А. Иванова и 76-я — под командованием капитана 1 ранга Б. Н. Апостоли), но и ряд частей, созданных уже непосредственно в ходе обороны Приазовья, Таманского полуострова, Новороссийска. Иногда они даже не имели штатных наименований и вошли в документы того времени под названием «особых», «отдельных» или под именами своих отважных командиров.

До сих пор поражает та необыкновенная способность, с которой матросы и офицеры, только что сошедшие с палуб кораблей, осваивались со своими новыми задачами и условиями ведения боевых действий на суше, как быстро создавалась в морских частях, воевавших в необычных для них условиях, та необыкновенная атмосфера флотской спайки, взаимной выручки, благодаря которой люди были готовы на самопожертвование в

бою ради товарищей, в интересах победы. В этих частях уже в ходе боев на суше быстро формировались и решительно выдвигались командиры всех степеней, овладевшие искусством ведения сухопутного боя, которые были способны в кратчайшие сроки сплотить в единый боевой организм только что созданные формирования из моряков различных кораблей.

Морские пехотинцы быстро освоили тактику боя на суше. Их успешные боевые действия при обороне Таманского полуострова и Новороссийска являются неоспоримым доказательством этого. Так, заслуженной боевой славой пользовался созданный в августе 1942 г. в ходе обороны Темрюка батальон, сформированный из моряков экипажей кораблей и катеров, погибших или получивших тяжелые повреждения. Им командовал майор Ц. Л. Куников, впоследствии легендарный герой Малой земли. Вместе с другими частями этот батальон (с конца августа — 305-й отдельный батальон морской пехоты) оборонял Темрюк, затем сражался на рубеже Пересыпь, Варениковская и благодаря беззаветной храбрости и воинскому мастерству бойцов и командиров завоевал известность на фронте.

Прославился в боях под Новороссийском и 144-й отдельный батальон морской пехоты под командованием капитан-лейтенанта А. И. Вострикова, сдерживавший яростные атаки противника в районах Благовещенской, Старотитаровской, [147] Варениковской, Анапы. В значительной мере благодаря его стойкости, умелым и героическим действиям в начале сентября удалось без значительных потерь эвакуировать защитников Таманского полуострова.

Активную роль в обороне Новороссийска сыграли также 15, 16 и 17-й отдельные батальоны морской пехоты, сформированные в конце августа из моряков кораблей и частей флота. Сразу же после прибытия из Туапсе их направили на передовые рубежи обороны Новороссийска. Несколько подразделений было создано из личного состава частей, прибывших в Новороссийск с Таманского полуострова. Среди них батальон, сформированный в первых числах сентября из личного состава 140-го артиллерийского дивизиона береговой обороны, которым командовал майор Б. В. Бекетов. В дальнейшем он назывался 2-м отдельным батальоном морской пехоты и самоотверженно держал оборону в восточной части Новороссийска.

Стойкость наших бойцов в обороне возрастала день ото дня. Это вызвало явное замешательство в высших кругах гитлеровского командования. Если 9 августа 1942 г. Ф. Гальдер с высокомерным пренебрежением писал в своем «Военном дневнике»: «Впечатление, что русские войска южнее Дона

разбегаются…», то уже через несколько дней тон записей в корне изменился: 11 августа — «сопротивление противника усиливается»; 13 августа — «на юге никаких существенных изменений, лишь местные успехи»; 17 августа — «Кавказ: Медленное продвижение на западе…стабилизация фронта на востоке».[137] Срыв плана овладения Кавказом вызвал у Гитлера, по словам Гальдера, «большое возбуждение».

Немецкое верховное командование явно упустило момент начала существенных изменений в обстановке на южном фланге фронта. Упорные оборонительные бои с 25 июля по 17 августа позволили создать стойкую оборону на направлениях главных ударов противника — на перевалах Главного Кавказского хребта и приморском направлении. Однако и враг, торопясь продолжить наступление, наращивал силы и, используя горный, сильно пересеченный рельеф местности, прощупывал нашу оборону, выявляя слабые участки. Подразделения автоматчиков, незаметно сосредоточившись, внезапными атаками [148] захватывали господствующие высоты, ключевые участки наших позиций и удерживали их до подхода главных сил. Если наши части оказывали противнику упорное противодействие, он тут же менял направление атак.

Такая тактика неприятеля доставляла немало хлопот. Задачи приходилось ставить не только полкам, но и батальонам, часто действовавшим в отрыве от главных сил. В этих условиях наибольший эффект достигался с помощью контрприема — окружение и уничтожение вклинившихся в нашу оборону или просочившихся в тыл вражеских подразделений до подхода к ним подкреплений.

Буквально сразу же после создания НОР были приняты экстренные меры по концентрации сил на наиболее угрожаемых направлениях и по активизации: борьбы с диверсионными группами. Штабу оборонительного района, начальникам родов войск и служб вместе с политотделом было поручено разработать инструкции для действий мелких подразделений в условиях резкопересеченной местности. Был издан приказ, который обязывал командиров полков, батальонов и отрядов совершенствовать способы действий небольших подразделений в обороне и требовать от их командиров большей решительности и самостоятельности в действиях. Решению этих задач подчинялась и вся работа партийных и комсомольских организаций.

В подразделениях, не находившихся в боевом соприкосновении с противником, шла напряженная боевая учеба. Батальоны и роты, заменявшиеся на позициях, отводились в тыл, где продолжали отрабатывать тактику ведения боя. Особое

внимание уделялось подготовке отделений, взводов и рот к ведению самостоятельных боевых действий. Они обучались быстро переходить к обороне на неподготовленных участках, организовывать систему огня, взаимодействовать с соседними подразделениями, создавать заграждения, отражать атаки противника и затем переходить в контратаки, окружать и уничтожать просочившиеся в тыл группы врага.

Были проведены мероприятия по улучшению организации управления войсками Новороссийского оборонительного района. 27 августа Военный совет НОР принял решение разделить оборонительный район на семь секторов. Первый сектор обороняла 216-я стрелковая дивизия (командир сектора — командир дивизии генерал Д. М. Пламеневский). Граница его справа года, от [149] Фальшивого Геленджика на север, через Эриванскую в направлении Абинской, слева — из района юго-западнее Ахонки на северо-восток, на Абинскую.

Второй сектор заняла только что сформированная 1-я бригада морской пехоты, в которую вошли 14,142 и 322-й батальоны морской пехоты. Кроме того, ей были приданы 25-й корпусной артиллерийский полк и две артиллерийские батареи. Сектором командовал командир бригады подполковник Д. В. Гордеев. Граница сектора шла слева из района Мефодиевского в направлении Крымской.

Третий сектор защищали 77-я стрелковая дивизия и 547-й артиллерийский полк РГК. Командиром сектора был назначен командир дивизии полковник И. Г. Торопцев. Граница сектора простиралась от Борисовки через Краснодедведовскую и Молдаванскую на Крымскую. Четвертый сектор (Краснодедведовская, Натухаевская, Адагум) обороняла 83-я морская стрелковая бригада с приданной ей 45-мм артиллерийской батареей. Командовал сектором командир бригады полковник В. А. Вруцкий. Пятый сектор оборонял 144-й отдельный батальон морской пехоты капитан-лейтенанта А. И. Вострикова и две батареи 40-го отдельного подвижного артдивизиона (командир — капитан А. Г. Кривошеев). Командовал сектором майор И. Б. Яблонский. Граница сектора шла от Краснодедведовской на Суворовско-Черкасский и далее по руслу реки Старая Кубань.

Зона шестого сектора включала часть побережья Черного моря от Фальшивого Геленджика до Благовещенской. Его обороняли части Новороссийской военно-морской базы. Командиром сектора был назначен командир базы капитан 1 ранга Г. Н. Холостяков. Седьмой сектор включал Таманский полуостров: от Благовещенской по реке Старая Кубань и далее до

Пересыпи. Здесь оборонялись части Керченской военно-морской базы под командованием контр-адмирала П. А. Трайнина с приданными 305-м батальоном морской пехоты (командир — майор Ц. Л. Куников) и двумя батареями 40-го отдельного подвижного артдивизиона.[138]

На следующий день, 28 августа, командующий НОР принял ряд дополнительных мер по усилению обороны, определил порядок и сроки занятия войсками намеченных рубежей. Так, 103-й стрелковой бригаде было приказано занять оборону в районе горы Острой, населенного [151] пункта Верхнебаканской, Волчьих Ворот, 2-й бригаде морской пехоты, только что сформированной из 15-го и 16-го батальонов морской пехоты, — северо-восточнее города, в районе селения Липки, Мордаковой щели, горы Колдун.[139] Срок общей готовности к обороне — 30 августа.

Однако следует признать, что разделение оборонительного района на секторы ожидаемой четкости в управление войсками не внесло, так как командующий НОР по-прежнему отдавал распоряжения непосредственно командирам соединений и частей. Это сковывало инициативу командиров секторов, мешало им оперативно реагировать па изменение обстановки и в определенной степени сказалось на отражении очередного наступления противника на Новороссийск.

Потерпев неудачу при попытке прорваться в Новороссийск с ходу, командование 17-й армии 25 августа приостановило наступление и, сняв часть сил с туапсинского направления, перебросило их на новороссийское направление. 28 августа наступление было возобновлено.

Наиболее упорные бои развернулись на главном направлении удара — в четвертом секторе. Против оборонявшей его 83-й морской стрелковой бригады гитлеровское командование бросило 125-ю дивизию. Морские пехотинцы нанесли противнику большой урон, но сдержать его натиск не смогли — слишком велик был численный перевес. Наши части оставили населенные пункты Русское, Киевское, Красный, Прохладный. Развивая наступление, враг 29 августа нанес удар по району Варениковская, Адагум, который оборонял только 144-й отдельный батальон морской пехоты. Под давлением немецко-фашистских войск и он вынужден был отойти.

Полностью сознавая серьезность обстановки, сложившейся на северных и северо-восточных подступах к Новороссийску, в штабе НОР, особенно в его морской группе, пристально следили за событиями, происходящими на подступах к Новороссийску со стороны Анапы. Это направление вызывало особое беспокойство

не только в связи с тем, что именно здесь противник мог высадить морской десант, но еще и потому, что оно практически не имело оборонительных сооружений, если не считать небольшого количества пулеметных точек, располагавшихся на значительном удалении друг от друга. Учитывая [152] это, морское командование НОР для усиления обороны города на западных подступах сосредоточило здесь часть сил 142-го отдельного батальона морской пехоты, отряды, сформированные из моряков тыла базы и личного состава 2-й бригады торпедных катеров, 46-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона. Таким образом, с запада и северо-запада город защищали моряки, значительную часть их составляли азовцы.

Для обороны с воздуха единственного, располагавшегося в непосредственной близости от Новороссийска аэродрома на Мысхако была создана отдельная зенитная артиллерийская группа из пяти зенитных батарей. Кроме того, на нее возлагалась задача бороться с танками противника, а при необходимости — и с его войсками.[140]

Намерение гитлеровского командования прорвать оборону Новороссийска с западного направления стало особенно очевидным после того, как 30 августа кавалерийские дивизии противника при поддержке танков захватили станицы Гостагаевскую и Натухаевскую и перерезали дорогу Натухаевская — Новороссийск, а его авиация нанесла массированные удары по Тоннельной, Борисовке, Гайдуку. На следующий день враг занял Анапу, Анапскую, Су-Псех, Раевскую, о чем донес в 21 ч 31 августа комендант Анапского укрепленного сектора подполковник Г. С. Соколовский. Береговая батарея № 534 была уничтожена, а батарея № 464 вела бой в окружении. У батарей № 535 и 535-А боезапас был на исходе. Немногочисленные разрозненные подразделения сектора отошли к Сукко.[141] Большие потери в боях понесли 83-я морская стрелковая бригада, 144-й и 305-й отдельные батальоны морской пехоты. 83-я бригада отошла на рубеж Глебовна, Васильевка, Борисовка. К вечеру 1 сентября вражеские части заняли населенный пункт Большой, находившийся всего лишь в нескольких километрах от города. Седьмой сектор НОР, который обороняли части Керченской военно-морской базы, оказался отрезанным от основных сил.

С потерей Анапы обстановка под Новороссийском еще более осложнилась. В директиве командующего Северо-Кавказским фронтом, полученной 1 сентября, перед командованием Новороссийского оборонительного района была поставлена задача: «…Все средства и силы… привлечь [153] к обороне города Новороссийска и ни в коем случае города врагу не сдавать».[142]

Но достаточного резерва сил и средств, чтобы сдержать натиск врага не было. Из-за несвоевременного обнаружения перегруппировки войск немецкой 17-й армии, предпринятой в целях усиления 5-го армейского корпуса, наступавшего на Новороссийск, наше командование продолжало направлять большую часть формируемых подразделений, стрелкового и артиллерийского вооружения не в Новороссийск, а в Туапсе. Решением Военного совета Северо-Кавказского фронта от 22 августа был создан Туапсинский оборонительный район, который возглавил командир Туапсинской военно-морской базы контр-адмирал Г. В. Жуков.

Одновременно с отражением натиска противника на Новороссийск и Туапсе велись напряженные бои за перевалы Главного Кавказского хребта. 25 августа войска Северо-Кавказского фронта оставили Моздок. Создалась реальная угроза для Грозненского и Бакинского нефтяных районов.

Чтобы улучшить руководство войсками в соответствии с директивой Ставки ВГК 1 сентября 1942 г. Северо-Кавказский и Закавказский фронты были объединены в единый Закавказский фронт. Войска Северо-Кавказского фронта преобразовывались в Черноморскую группу войск Закавказского фронта. Командующим фронтом Ставка назначила генерала армии И. В. Тюленева, командующим Черноморской группой войск — генерал-полковника Я. Т. Черевиченко. Объединение фронтов надлежало закончить 4 сентября.[143]

Особенно тяжелая обстановка в эти дни создалась в седьмом секторе Новороссийского оборонительного района — на Таманском полуострове, где оборонялись части Керченской военно-морской базы, насчитывавшие не более 5700 человек. Они сдерживали натиск превосходящих сил противника с востока, а начиная со 2 сентября и с запада, поскольку враг, ободренный результатами наступления последних дней, приступил к проведению неоднократно откладывавшейся операции «Блюхер-II» по форсированию Керченского пролива.

Вопрос о переправе через Керченский пролив был предметом особого внимания гитлеровского командования [154] с момента начала операции по захвату Кавказа. Все приготовления к форсированию пролива намечалось закончить еще до 10 августа, однако упорное сопротивление войск Красной Армии под Сталинградом и на Кубани вынуждало противника неоднократно менять план операции и переносить ее сроки. Таким образом, сам факт ведения активных оборонительных действий войсками Северо-Кавказского фронта, силами Азовской военной флотилии и Керченской военно-морской базы более чем на месяц задержал

переправу через Керченский пролив немецко-фашистских войск, которые могли бы создать под Новороссийском кризисную ситуацию еще задолго до подхода основной группировки войск 17-й армии к городу с севера. Лишь теперь, после того как в конце августа Азовская военная флотилия перешла в Черное море, а части Керченской военно-морской базы оказались заблокированными на Таманском полуострове, немецко-фашистское командование решилось переправить 42-й армейский корпус через Керченский пролив. В этой тяжелой обстановке самой высокой оценки заслуживали выдержка и распорядительность командира базы контр-адмирала П. А. Трайнина.

2 сентября в 4 ч утра контр-адмирал П. А. Трайнин донес, что противник начал высадку на косы Тузла, Чушка и у мыса Тузла. Вскоре стало известно о высадке его главных сил в районе Кучугур и мыса Ахиллеон.[144]

Захватив предмостные укрепления в районе мыс Ахиллеон, Кучугуры, около семи батальонов пехоты противника при поддержке артиллерии повели наступление в направлении Фонталовская, Сенная, Кордон Ильича. Одновременно перешли в наступление с востока на Тамань румынские кавалерийские дивизии. В районе Казачьего ерика были атакованы позиции 305-го отдельного батальона морской пехоты майора Ц. Л. Куникова. Морские пехотинцы отразили все атаки, уничтожив до батальона противника. Их действия поддерживали артиллерийским огнем канонерские лодки «Ростов-Дон» и «Октябрь». И лишь по приказу командования батальон отошел на новый рубеж обороны.

Наступление противника с востока не позволило командованию Керченской военно-морской базы перебросить хотя бы часть сил к пунктам высадки войск 42-го армейского корпуса. По ним вела огонь только трехорудийная [155] 130-мм стационарная батарея. В 4 ч 15 мин 2 сентября командир Новороссийской базы получил приказ выслать для противодействия высадке торпедные и сторожевые катера и направить авиацию НОР для нанесения ударов но плавсредствам противника и скоплениям его войск на берегу. Авиаторам пришлось действовать в чрезвычайно сложных метеоусловиях. Взлетно-посадочные полосы аэродромов на Мысхако и в Геленджике раскисли, самолеты вязли в грунте, который напоминал густой раствор цемента. Дождь, туман, низкая облачность свели видимость до минимума. В результате только 11 самолетов из 49, поднятых в воздух, смогли обнаружить в районе Кучугур плавсредства и высаживающиеся войска и нанести по ним удар. По той же причине в ночь на 3 сентября

авиация ВВС флота боевых действий вести не смогла. Действия катеров в этих условиях также были малоэффективными. Лишь отдельные катера в тумане смогли обнаружить десантные баржи противника и атаковать их.

Контр-адмирал П. А. Трайнин постоянно и обстоятельно информировал командование НОР о положении на Таманском полуострове. Вскоре стало ясно, что имеющимися силами удержать его не удастся, слишком велико было численное превосходство врага, а чем-либо помочь защитникам Таманского полуострова командование НОР не могло, так как положение под Новороссийском продолжало осложняться. Поэтому 3 сентября в 10 ч 25 мин контр-адмирал П. А. Трайнин получил приказание выставить сильные заслоны и под их прикрытием сосредоточить оставшиеся силы в районе Веселовка, мыс Панагия для эвакуации в Новороссийск.[145]

Для обеспечения эвакуации были созданы узлы сопротивления, основу которых составили береговые батареи в районе Веселовки и Благовещенской. Огонь по противнику артиллеристы вели до полного израсходования боезапаса, после чего взрывали орудия, а сами отходили. Пришлось взорвать и оставшиеся в Ахтанизовском лимане канонерские лодки «Ростов-Дон» и «Октябрь».

В ночь на 3 сентября с северного побережья Таманского залива удалось эвакуировать на плавсредствах ОВР около 300 человек. Около 200 моряков стационарных батарей под командованием капитана А. С. Панасенко попали в окружение в районе горы Горелой. Еще трое [156] суток при поддержке зенитной батареи № 641-А (командир — лейтенант И. М. Болсславский) они с исключительным мужеством вели неравный бой с противником. Неоднократные попытки перевезти остатки группы на южную часть Таманского полуострова закончились безрезультатно.

2 сентября германское информационное бюро хвастливо заявило, что все советские войска на Таманском полуострове обречены на уничтожение или пленение, но гитлеровцы просчитались. Командование Закавказского фронта приказало командующему НОР эвакуировать оставшиеся части в течение 4 сентября. Организация эвакуации была возложена на заместителя командующего Новороссийским оборонительным районом по морской части.

Все части и подразделения Керченской военно-морской базы, оборонявшие Таманский полуостров, к исходу 3 сентября были сосредоточены в районе мыса Панагия, станицы Благовещенской и косы Бугаз. В их перевозке в Новороссийск и частично в

Геленджик участвовало более 60 кораблей, катеров и судов. Последним Таманский полуостров покинул 305-й отдельный батальон морской пехоты, прикрывавший эвакуацию.

Всего к исходу дня 5 сентября удалось эвакуировать более 5,5 тыс. человек (в том числе и всех раненых) с личным оружием, пулеметами и минометами, а также вывезти 15 т боеприпасов. [146] Из личного состава Керченской военно-морской базы были сформированы три батальона морской пехоты, которые сразу же вступили в бой, разгоревшийся на окраинах Новороссийска. Тяжело было оставлять берега Керченского пролива, Таманский полуостров, но другого выхода не было. Впереди предстояла упорная борьба непосредственно у стен Новороссийска. Именно туда направлялись части и подразделения Азовской военной флотилии и Керченской военно-морской базы.

Одновременно с переправой войск на Таманский полуостров противник продолжал наступление на Новороссийск с запада. В первой половине дня 2 сентября наши войска отошли из долины реки Сукко. Вечером того же дня комендант Анапского сектора доложил, что все роты понесли большие потери и расчленены; противник преследует отходящий штаб.[147] Частям Анапского сектора [157] было приказано занять оборону на рубеже высоты 491,7 и 539,8, Лобанова щель, Топольная щель и перерезать дорогу у Лихтериевой щели.[148] Но уже в полдень 4 сентября подвижные части противника заняли Глебовку и начали вести систематический минометный обстрел мыса Утришенок, Топольной и Лобановой щелей, а через сутки его войска вышли к Мысхако. Части Анапского укрепленного сектора были блокированы с суши в районе Топольной щели. Отсюда в ночь на 6 сентября отряд кораблей в составе тральщика «Т-411», четырех сторожевых катеров и плавсредств Новороссийской военно-морской базы эвакуировал около 550 человек. На этом боевая деятельность частей Азовской военной флотилии и Керченской военно-морской базы в Анапском укрепленном секторе завершилась. Своими действиями они оказали существенную помощь оборонявшим Новороссийск войскам, сдерживая натиск врага с западного направления вдоль побережья Черного моря. С 5 сентября противник получил возможность бросить все свои части, освободившиеся на побережье от мыса Панагия до Южной Озерейки, на штурм Новороссийска с западного направления.

Так разворачивались события к западу от Новороссийска. Что же происходило в эти дни на северных и восточных рубежах обороны? Вечером 1 сентября 324-й полк 77-й стрелковой дивизии вел бой с противником, вышедшим в район населенного пункта Большевик (Горное), 103-я стрелковая бригада

оборонялась на окраинах Верхнебаканского, 1-я сводная морская бригада — на высоте 503,5.

Угроза штурма Новороссийска нарастала с каждым часом. Все чаще город подвергался бомбовым ударам авиации, артиллерийскому обстрелу. На командный пункт НОР постоянно поступали донесения о сосредоточении сил противника то в одном, то в другом месте, о появлении групп автоматчиков и разведывательных отрядов, просачивавшихся по многочисленным щелям в горных перевалах в тылы наших частей. Несомненно, хорошо представляли обстановку, сложившуюся под Новороссийском, и в штабе Черноморской группы войск, и в штабе флота. Но, по-видимому, в первые дни сентября опасность, нависшая над городом, еще не осознавалась с необходимой остротой. [158]

В какой-то мере именно этим можно объяснить, в частности, то, что командование Черноморской группы войск боевым распоряжением 2 сентября перебросило автотранспортом из Новомихайловской в Геленджик 318-ю горнострелковую дивизию с 530-м артиллерийским полком, поставив им задачу занять и подготовить к обороне рубеж перевал Бабича, гора Плоская. Этот рубеж располагался примерно в 25 км к юго-востоку от Новороссийска, его укрепление, конечно, не могло повлиять в данный момент на оборону города.

В этой критической ситуации большую помощь защитникам Новороссийска могли бы оказать силы Черноморского флота. Но в то время командование флота больше всего беспокоила угроза Потийской военно-морской базе в связи с началом боевых действий на перевалах Главного Кавказского хребта. Поэтому-то 5 сентября командующий флотом обратился к командующему Закавказским фронтом[149] с просьбой перебросить из Новороссийска в Поти часть зенитной артиллерии. По-видимому, неверная оценка обстановки на побережье Черного моря и послужила причиной отрицательной реакции командующего флотом на просьбу командования НОР оказать огневое содействие войскам, оборонявшим Новороссийск, силами артиллерии кораблей. Всего только дважды, в ночь на 2 и 4 сентября, лидер «Харьков» и эсминец «Сообразительный» выделялись для эпизодического обстрела скоплений войск противника под Новороссийском. Несмотря на донесение Военному совету ЧФ командующего эскадрой вице-адмирала Л. А. Владимирского о том, что обстановка под Новороссийском вполне позволяет использовать эсминцы и крейсера для оказания огневой поддержки войскам, командование флота в дальнейшем вообще прекратило посылку туда кораблей, мотивируя это

занятостью флота перевозкой войск по заданиям штаба Закавказского фронта.

В ожесточенных боях противник нес большие потери. Из документов, захваченных нашими частями, следовало, что он вынужден снимать с фронта части, фактически утратившие боеспособность. Так, например, в них указывалось, что в ротах 186-го пехотного полка 73-й пехотной дивизии осталось всего по 20 человек.[150] [154]

Большой урон противнику наносила наша береговая артиллерия, в особенности хорошо защищенные стационарные батареи, располагавшиеся в районе Мысхако (№ 687, два 130-мм орудия; № 31, два 152-мм орудия), на мысе Пенай (№ 394, четыре 100-мм орудия) и на Тонком мысу (№ 714, три 130-мм орудия), а также другие подвижные батареи.

Успеху использования береговой артиллерии в обороне города способствовало создание при начальнике артиллерии базы майоре М. С. Малахове внештатного штаба. В него входили флагманские артиллеристы базы и Охраны водного района, представители штаба Азовской военной флотилии (капитан-лейтенант П. К. Олейник, капитан-лейтенант Г. В. Терновский, капитан Я. Д. Пасмуров). Штаб планировал использование береговой артиллерии, организовал ее взаимодействие с артиллерией 47-й армии, разработал и внедрил единую систему целеуказаний и корректировки огня. Для централизации управления артиллерией береговой обороны НОР, которая к этому времени пополнилась орудиями, эвакуированными из баз Азовской военной флотилии, 28 августа все отдельные батареи были сведены в два нештатных батальона.

Всего защитники города располагали около 40 орудиями калибром от 45 до 152 мм. Их огнем было подавлено более 30 вражеских артиллерийских и минометных батарей, рассеяно и уничтожено до четырех полков пехоты, выведено из строя значительное количество боевой техники. Дальнобойные орудия морской береговой артиллерии не рассчитаны на ведение ближнего боя, передислоцировать их под вражеским огнем невозможно, поэтому артиллеристы стационарных батарей держались до конца, иногда отбивая атаки противника огнем прямой наводкой. Только полностью израсходовав боезапас и выведя из строя материальную часть, они по приказу командования отходили и вливались в ряды морской пехоты (ЦВМА, ф. 55, д. 5111, л. 61).

Постоянно велись инженерные работы, целью которых было усилить оборону города. К 7 сентября по плану, утвержденному еще Военным советом Северо-Кавказского фронта, были

дополнительно построены 56 дзотов, 10 баррикад, лесной завал длиной 900 м, около 100 зданий приспособлено под орудийные и пулеметные [160] точки, выставлено почти 100 тыс. противопехотных и противотанковых мин. Но этого все же было недостаточно. Не переставало беспокоить слабое оборудование оборонительных рубежей города со стороны Анапы, поэтому для усиления обороны командование НОР перебросило туда часть подразделений морской пехоты.

С этой же целью Военный совет НОР 2 сентября осуществил также некоторые организационные мероприятия, например все воинские части, находящиеся в черте города, подчинил начальнику гарнизона Новороссийска, которым был назначен командир военно-морской базы капитан 1 ранга Г. Н. Холостяков. На него возлагались подготовка города к ведению уличных боев и руководство боевой деятельностью выделенных для этого сил.[151] Однако Г. Н. Холостяков, ссылаясь на трудность одновременного исполнения в боевых условиях обязанностей начальника гарнизона и командира военно-морской базы, настойчиво просил Военный совет НОР освободить его от непосредственного руководства обороной Новороссийска. Военный совет пошел ему навстречу и посчитал, что в столь динамичной и напряженной обстановке руководство обороной города целесообразно возложить на заместителя командующего НОР по морской части, как на лицо, обладающее большими правами, а капитана 1 ранга Г. Н. Холостякова направить в Геленджик, куда передислоцировались части Новороссийской военно-морской базы, возложив на него также и ответственность за тыловое обеспечение войск, оборонявших город.

В этот период проблема защиты Новороссийска прежде всего с сухопутных направлений приобрела наибольшую остроту. Чтобы не допустить выхода противника на приморское шоссе, необходимо было объединить усилия моряков и воинов сухопутных частей, наладить управление всеми силами. Требовалось во что бы то ни стало не дать врагу использовать важный в стратегическом отношении морской порт. Было совершенно очевидно, что для обеспечения наибольшей устойчивости управлять войсками следует, находясь в эпицентре боевых действий, т. е. там, где решается судьба борьбы за Новороссийск. Вот почему были приняты срочные меры по развертыванию командного пункта заместителя командующего НОР по морской части в самом городе. [161]

Во время боев за город штабы 47-й армии, Азовской военной флотилии и Новороссийской военно-морской базы находились на 9-м километре Сухумского шоссе. Командный же пункт обороны

Новороссийска был развернут в центре, в подвале школы № 3 на улице Энгельса. Командный пункт был оборудован минимальным количеством средств связи, позволявших управлять частями и подразделениями в основном в черте города. Радиосвязь осуществлялась через радиостанцию, находившуюся на улице Губернского в здании штаба Охраны водного района, а телефонная связь — через городскую телефонную станцию. Этих средств было явно недостаточно для обеспечения устойчивого и оперативного управления силами в условиях большой протяженности обвода обороны и чрезвычайно динамично изменяющихся ситуаций. И без того слабо развитая сеть постоянных линий связи часто нарушалась при бомбардировках и артобстрелах. Полевых радио — и проводных средств не хватало. Боевые распоряжения, приказы, донесения, информация часто передавались через офицеров связи и посыльных матросов, на которых легла большая доля ответственности за своевременность доведения распоряжений командования до командиров частей.

Положение в районе Новороссийска вызывало острое беспокойство у вышестоящего командования. Во время переговоров по прямому проводу вечером 4 сентября командующий Черноморской группой войск выразил командующему НОР генерал-майору Г. П. Котову неудовольствие тем, что ошибки в руководстве войсками привели к потере ряда позиций и окружению 103-й стрелковой бригады. Он потребовал наладить твердое управление частями и форсировать занятие войсками внутреннего обвода, считая его главным рубежом сопротивления. Заместителю командующего НОР по морской части было приказано взять на себя непосредственное руководство действиями по обороне города и расстановкой в нем войск.

На следующий день Военный совет Черноморской группы войск детализировал указания по дальнейшему совершенствованию обороны, созданию заграждений на дорогах, ведущих к Новороссийску, сосредоточению огня на главных направлениях.[152] Но времени на их выполнение уже не было. Утром 5 сентября противник начал [162] ожесточенные атаки на ближних подступах к городу. Основной удар наносился со стороны западной и северо-западной окраин. Наши части самоотверженно отстаивали свои позиции, но к вечеру вражеским войскам удалось выйти на северо-западную окраину Кирилловки, к колхозу «Красная заря», на северную окраину Борисовки, к колхозу «Победа» и к Федотовке, находившимся в 3–4 км от города. Новороссийск почти непрерывно бомбила авиация и обстреливала артиллерия.

В полдень 6 сентября по Анапскому шоссе от Тоннельной в город прорвались вражеские танки и автоматчики. В ожесточенном бою морские пехотинцы остановили их в районе хлебозавода.

В это же время противник сумел прорвать оборону 15-го отдельного батальона морской пехоты и к вечеру занять железнодорожный вокзал. Одиночные танки, штурмовые орудия и группы автоматчиков проникли в районы порта, Холодильника, завода «Красный двигатель» и цементного завода «Пролетарий». Батальоны морской пехоты, оборонявшиеся в центральной части Новороссийска, оказались отрезанными от основных сил. В предместье Мефодиевской шли упорные бои. Продвижение противника на этом направлении было приостановлено в районе цементного завода.

Наши войска упорно защищали каждую пядь земли и постоянно контратаковали противника. 1-й отдельный батальон морской пехоты выбил вражеских автоматчиков с высоты 307,2 у дороги, ведущей от Глебовки к Новороссийску. 2-й отдельный батальон прочно удерживал оборону в центральной части города. 1-я бригада морской пехоты вела бои севернее и северо-западнее города с танками и пехотой противника, наступавшими вдоль дороги Неберджаевская — Липки. 17-й отдельный батальон морской пехоты, вместе с армейскими частями сражавшийся у Кирилловки и Борисовки, понес большие потери и в конце дня был отведен на переформирование. Части 83-й морской стрелковой бригады с тяжелыми боями также отходили к городу.

По всему было видно, что враг, постоянно получая свежие подкрепления, будет стремиться во что бы то ни стало захватить город в ближайшие дни, а может быть и часы. Для него, по-видимому, не было секретом, что наши силы на пределе.

К вечеру 6 сентября в боевом составе частей НОР осталось только 6 тыс. человек, 153 орудия различных систем [163] и 11 установок М-13. Танков не было. Некоторые части были почти полностью обескровлены. Так, в 83-й морской стрелковой и 103-й стрелковой бригадах осталось только по 70 человек, в 77, 216 стрелковых и 318-й горнострелковой дивизиях насчитывалось по 700–800 бойцов. Противник же на штурм Новороссийска бросил около 12 тыс. солдат и офицеров, 30 танков, 320 орудий, в том числе 30 штурмовых. Таким образом, превосходство его в живой силе и артиллерии было двукратным, а в танках — абсолютным. В этих условиях сдержать его натиск было невозможно, поэтому 6 сентября командование Закавказского фронта приняло решение об оказании экстренной, хотя и запоздалой, помощи частям НОР.

Военный совет фронта приказал командующему

Черноморской группой войск срочно перебросить под Новороссийск 16-ю стрелковую бригаду и два батальона 81-й морской стрелковой бригады из состава 12-й армии, стрелковый полк 318-й горнострелковой дивизии из Геленджика и полк морской пехоты из Поти, а также подать боеприпасы. Вместо генерал-майора Г. П. Котова командующим 47-й армией и войсками НОР был назначен генерал-майор А. А. Гречко, командовавший 12-й армией. В целях повышения оперативности управления командный пункт Черноморской группы войск приказывалось перевести из Тихоновки, находившейся в 200 км от Новороссийска, в Туапсе.[153] Это решение Военного совета фронта Ставка Верховного Главнокомандования утвердила на следующий день.

Однако подкрепление стало прибывать лишь с 8 сентября, а до этого натиск врага пришлось сдерживать только своими, почти до предела измотанными в непрерывных боях силами.

Противник уже считал задачу захвата Новороссийска решенной. Как стало известно много позже, вечером 6 сентября командующий 17-й армией поспешил доложить командующему группой армий «А» о взятии города и получил указание организовать преследование наших войск по Сухумскому шоссе. Этого же потребовал и начальник генерального штаба сухопутных сил вермахта Ф. Гальдер. Но последующее «очищение местности», как называли гитлеровцы захват нашей территории, вылилось в ожесточенные затяжные бои, в которых они понесли [164] большие потери. Новороссийск по-прежнему оставался советским. Несмотря на ожесточенные обстрелы и бомбардировку, даже порт продолжал функционировать.

И в последующие дни шли упорные бои севернее и северо-восточнее Новороссийска, где наши войска продолжали удерживать позиции. Тяжелые бои продолжались в самом городе и за господствующую высоту — гору Колдун. Артиллерия НОР вела прицельный огонь по скоплениям вражеских войск, чему способствовала отработанная заранее система целеуказаний с использованием единой карты квадратов. Широкая сеть корректировочных постов позволяла своевременно выявлять скопления противника и наносить эффективные удары на наиболее угрожаемых направлениях. 7 сентября были дополнительно развернуты корректировочные посты на господствующих высотах на шапсугском участке и у цементных заводов. Корректируя огонь морской артиллерии, они оказали защитникам города неоценимую помощь. На командный пункт командующего обороной города поступали донесения от командиров частей и подразделений о занятии наиболее

выгодных позиций, об успешных контратаках.

Особое внимание командование НОР уделяло созданию прочной обороны в районе цементных заводов на северо-восточной окраине города, откуда начиналось Сухумское шоссе. Было очевидно, что не город, да и не порт являются главной целью массированного наступления врага, а выход на это шоссе. Нужно было сделать все возможное, чтобы не пустить его на эту стратегическую приморскую дорогу и дать время подошедшей из Геленджика 318-й горнострелковой дивизии генерал-майора А. А. Гречкина для создания в этом районе непреодолимого заслона.

6 и 7 сентября противник ввел в бой свежие части 73-й и 125-й пехотных дивизий, дивизион самоходных штурмовых орудий, около 20 танков. Резко повысилась активность его авиации. Но наши войска при первой же возможности наносили ответные удары. 7 сентября две роты 2-й бригады морской пехоты выбили противника из района вокзала и удерживали его до 8 сентября, пока в ротах не осталось лишь около 30 бойцов.

Вражеским автоматчикам удалось также прорваться к Каботажной пристани и к гостинице «Интурист». Жаркий бой шел за здание Холодильника, располагавшееся непосредственно в порту. Этот объект дважды переходил из рук в руки. На юго-западных окраинах Новороссийска [165] (рубеж по высотам 283,8; 203,4; Мысхако) оборону удерживали 16-й и 144-й отдельные батальоны 2-й бригады морской пехоты под командованием подполковника М. П. Кравченко.

В ходе боев 6 и 7 сентября немецко-фашистским войскам удалось перерезать дорогу у поселка Мефодиевский и потеснить наши части, оборонявшие западную часть города, до рубежа Холодильник, базарная площадь, кладбище, Станичка, коса Суджукская. Особенно упорный бой шел около базарной площади. Здесь защитники города отбили 10 атак неприятеля, уничтожили 9 танков и до батальона пехоты.

На рассвете 8 сентября противник силами двух полков при поддержке танков возобновил наступление с северо-западного направления и вновь захватил базарную площадь. Вражеские танки прорывались небольшими группами и вели интенсивный огонь вдоль улиц, обеспечивая продвижение штурмовых групп автоматчиков. В ответ морские пехотинцы перешли к организации узлов сопротивления, которыми становились городские дома.

В эти напряженные дни на командный пункт обороны города поступали предельно лаконичные донесения. Командиры частей докладывали о продвижении противника, о своих контратаках, об оставленных и вновь захваченных рубежах. Каждое такое

сообщение свидетельствовало о мужестве, стойкости и героизме советских людей. Любой бой в городе характеризуется неясностью обстановки, ее быстрыми изменениями, поэтому централизованно управлять событиями довольно сложно. В этих условиях особое значение приобретают решительность, находчивость, инициатива командиров подразделений и даже отдельных бойцов. Бои в окружении, в отрыве от основных сил, а такие ситуации в черте города, где четкой линии фронта, как правило, нет, возникали постоянно, требовали твердой воли и стойкости. Все эти боевые качества были присущи морским пехотинцам, которые вели уличные бои. Так, например, доблестно сражался с врагом 144-й отдельный батальон морской пехоты. Его командир капитан-лейтенант А. И. Востриков отличался способностью точно оценивать обстановку, быстро принимать правильные решения. В батальоне его любили за решительность, личную храбрость. Под стать командиру были и подчиненные. В одной из боев гитлеровцы, засевшие в доме, вели непрерывный огонь, мешая продвижению [166] морских пехотинцев. Старший группы старшина 1-й статьи Гудилин выпустил в сторону дома несколько зеленых ракет. Окружавшие его бойцы вначале даже не поняли хитроумного замысла командира. Но результат не замедлил сказаться: вражеские артиллеристы, решив, что это их пехота просит поддержки и указывает цель, открыли огонь по дому и выбили из него своих же автоматчиков. Этот прием впоследствии неоднократно применялся нашими бойцами.

Примеры высокого личного мужества неоднократно демонстрировали политработники. Политруки 16-го отдельного батальона морской пехоты Романов, Кошель, Пасько во время уличных боев постоянно находились в наиболее опасных местах. Заместитель политрука Быстров был дважды ранен, но не покинул поля боя, пока не потерял сознания.

Можно перечислять имена защитников Новороссийска и описывать совершенные ими подвиги бесконечно, ибо героизм был воистину массовым.

На другом участке обороны 7 сентября к концу дня противнику все же удалось оттеснить части морской пехоты с хутора Мефодиевский и ворваться в Новороссийск. В результате сухопутное сообщение между западной и восточной частями города было прервано. Доставку пополнения, боезапаса в западную часть Новороссийска и эвакуацию раненых теперь можно было осуществлять только через Цемесскую бухту и только ночью, так как днем ее акватория простреливалась минометно-артиллерийским огнем.

В соответствии с указанием Военного совета фронта для усиления обороны города в ночь на 8 и на 9 сентября на плавсредствах через бухту было переброшено подкрепление — две роты 4-го отдельного батальона (340 человек) и 6-й отдельный батальон (430 человек) морской пехоты. Но прибывшие 770 морских пехотинцев даже не восполнили наши потери. Дополнительного подкрепления Военный совет НОР дать не мог: прибытие 81-й бригады морской пехоты задерживалось до 12 сентября, а 137-й полк морской пехоты, переброшенный из Поти в Геленджик на кораблях, пришлось срочно направить в район горы Колдун, где 8 сентября немецко-фашистские войска также начали наступление.

Пытаясь во что бы то ни стало сломить сопротивление гарнизона НОР, противник, несмотря на большие потери в живой силе и технике, с 8 сентября не прекращал [167] боевые действия ни днем, ни ночью, для преодоления узлов сопротивления на основных городских магистралях стал широко применять танки и штурмовые орудия.

У защитников города не хватало противотанковых орудий. К борьбе с танками пришлось привлечь зенитную артиллерию, хотя ее главной задачей было отражение воздушных налетов. Решение перенацелить зенитную артиллерию по наземным объектам привело к ослаблению ПВО города, но оно было вызвано тем, что в то время главную опасность представляли наземные силы противника. Зенитные батареи, по существу, расформировались, их орудия были расставлены на главных городских магистралях, являясь основной и весьма эффективной силой в противоборстве с танками и штурмовыми орудиями. Так, только расчет одного орудия 76-й зенитной батареи под командованием сержанта Николаенко уничтожил в уличных боях два танка, пулеметную точку и до 30 вражеских автоматчиков.

Но и вражеская артиллерия расстреливала чуть ли не каждый дом. К вечеру 8 сентября Новороссийск во многих местах горел. Телефонная связь командного пункта обороны города с КП НОР была нарушена, ее удалось восстановить лишь утром 9 сентября, поэтому боевые донесения приходилось посылать с краснофлотцами, а в некоторых случаях и с младшими командирами.

В то время как противник постоянно вводил в бой свежие силы, наша морская пехота, отрезанная в западной части города, не имела даже достаточного количества боеприпасов. В особенно тяжелом положении оказались краснофлотцы, вооруженные автоматами ППШ, патроны таяли на глазах. К ночи поступило тревожное донесение от командира 117-го артиллерийского

дивизиона береговой обороны с Мысхако: в ожесточенных боях 8 сентября дивизион потерял 50 человек убитыми и ранеными и полностью расстрелял боезапас.[154]

В боях на ближних подступах к Новороссийску и в городе наши артиллеристы сражались в очень сложных условиях. Враг порой подходил к самым позициям батарей и огонь по нему приходилось вести прямой наводкой, а иногда пускать в ход и стрелковое оружие. Один из таких эпизодов произошел на 726-й батарее. Командир орудия сержант Золочевский, подпустив фашистов [168] на 30 м, уничтожил из орудия до взвода гитлеровцев, еще пятерых уложил из винтовки.

31-я батарея (командир — старший лейтенант Могденко) оказалась блокированной вражескими автоматчиками. Артиллеристы в рукопашной схватке отбросили роту автоматчиков на 2–3 км, захватили пленных и трофеи. И только полностью израсходовав боезапас, личный состав батареи по приказу командования взорвал орудия и оставил позиции.

Переброшенное на западный берег Цемесской бухты подкрепление, а также меры, препринятые для усиления противотанковой обороны, позволили 8 сентября несколько стабилизировать положение. Однако с утра 9 сентября атаки гитлеровцев возобновились, став еще яростнее и ожесточеннее. Теперь противник перешел в наступление на город и с юго-западного направления, но бойцы 83-й морской стрелковой бригады приостановили его продвижение. Однако положение оставалось по-прежнему критическим, и главным образом из-за отсутствия патронов и снарядов. В 16 ч 30 мин командир бригады подполковник М. П. Кравченко донес: «Отсутствие боеприпасов осложняет обстановку. Резерва не имею, срочно необходимы подкрепление и катера для эвакуации раненых».[155]

Примерно в то же время к школе № 3, где находился командный пункт обороны города, и к зданию горкома партии прорвались танки и автоматчики противника. Разгорелся жаркий бой. Становилось очевидным, что, несмотря на упорство нашей обороны и массовый героизм морских пехотинцев, при существующем соотношении сил удержать центральную часть города не удастся. На немедленную переброску крупного подкрепления рассчитывать не приходилось. Крайне ограниченные резервы НОР направлялись в первую очередь в восточную часть города, чтобы предотвратить дальнейшее продвижение противника вдоль побережья.

К исходу 9 сентября в восточной части Новороссийска наши войска занимали оборону возле цементного завода, в западной — в районе Холодильника, Каботажной пристани, улицы Шмидта,

юго-западной окраины Станички, косы Суджукской. С наступлением темноты пехота противника при поддержке танков вышла к берегу бухты в районе рыбного порта, расчленив тем самым [169] оборону города. Так образовались западный и восточный участки обороны города.

Уже пятый день шли ожесточенные и непрерывные уличные бои за город. Но силы были слишком неравными. За это время почти половина орудий артиллерии гарнизона вышла из строя. Без подкрепления и боеприпасов дальнейшая защита западной части Новороссийска становилась нецелесообразной, поэтому командующий фронтом принял решение эвакуировать войска с западного берега Цемесской бухты.

Исходя из оценки сложившейся обстановки еще утром 9 сентября оперативному дежурному базы был отдан приказ привести все плавсредства в немедленную готовность к 10 ч. С их помощью можно было бы переправить подкрепления, если таковые будут выделены, а также экстренно эвакуировать гарнизон, если бы в обстановке произошел резкий неблагоприятный перелом.

К вечеру 9 сентября создалась непосредственная угроза окружения командного пункта обороны города танками и автоматчиками противника. И хотя упорные бои за здание школы еще продолжались, далее управлять войсками отсюда было невозможно. В 20 ч 35 мин прекратилась прямая связь с командованием, штабом НОР и частями, оборонявшими западную и юго-западную части города, но с наступлением темноты командный пункт удалось перенести на побережье бухты в капонир пограничного отряда. Вскоре было получено письменное приказание командующего Черноморской группой войск за подписью генерал-полковника Я. Т. Черевиченко и адмирала И. С. Исакова о немедленном переводе командного пункта на восточный берег бухты, что подтверждало правильность принятого ранее решения.

В это же время в соответствии с приказом командующего НОР генерал-майора А. А. Гречко к берегу Цемесской бухты стали подходить и подразделения, оборонявшие западную часть города. Оставшиеся в городе части сосредоточились в восточном районе под командованием командира 2-й бригады морской пехоты, их задачей было не допустить выхода войск противника к Сухумскому шоссе.

Во исполнение ранее отданного распоряжения о перегруппировке сил к западному молу, причалам у городской станции ОСВОД и рыбозаводу в районе Станички ночью стали подходить катера и плавсредства базы. В переброске сил

участвовали отряд кораблей ОВР под [170] командованием капитана 3 ранга Л. Г. Сучилина и 2-я бригада торпедных катеров под командованием капитана 2 ранга С. С. Савина (18 торпедных катеров, 4 СКА МО, 17 сейнеров, 4 рейдовых катера). Перевозка раненых и отвод частей к пунктам посадки начались в 23 ч 9 сентября. Эвакуацию обеспечивали подразделения, прикрывающие отход наших войск, авиация и артиллерия НОР, наносившие удары по противнику. Принятые меры позволили под покровом темноты успешно перебросить на восточный берег Цемесской бухты личный состав частей морской пехоты, артиллерийских батарей, строительных органов, руководителей комитета обороны города и часть его жителей. Отдельные группы бойцов из отрядов прикрытия продолжали выходить из окружения до утра 11 сентября.[156]

В особо тяжелом положении оказались части, блокированные противником на южной оконечности Мысхако. Верные воинскому долгу, они продолжали самоотверженную борьбу. Для их снятия были направлены катера, которые утром 12 сентября доставили в Геленджик 30 человек. Но эвакуировать всех не удалось, многие из защитников Мысхако погибли в бою, а часть бойцов на подручных средствах и даже вплавь преодолели пятикилометровое пространство от западного до восточного берега Цемесской бухты.[157]

В целом потери при переброске сил из западной части города в восточную оказались минимальными. В ту ночь мы потеряли лишь один торпедный катер. Вместе с командирами и личным составом командного пункта обороны города эвакуировались управление и штаб 4-го дивизиона малых охотников, располагавшиеся в одном из домов на Морской улице вблизи западного мола. Последние катера и сейнеры отходили от причалов Новороссийска уже на рассвете 10 сентября.

Эвакуированные части затем были переформированы, довооружены и влились в ряды защитников восточной части города.

За время этих боев морские пехотинцы нанесли врагу значительный урон. Они уничтожили до двух полков пехоты, 15 танков, 4 бронемашины, 4 автомашины, 1 артиллерийскую [171] и 2 минометные батареи, около 20 подвод.[158]

Хотя экстренные меры по усилению обороны города, принятые Военным советом фронта, и не позволили немецко-фашистскому командованию развить наступление на Туапсе вдоль побережья, 9 сентября войска НОР под сильным давлением противника вынуждены были оставить большую часть Новороссийска.

В дни обороны города его защитники проявили беззаветное мужество. Значительную роль в поднятии боевого духа личного состава НОР сыграла партийно-политическая работа, направленная на выполнение приказа Народного комиссара обороны № 227. Новый импульс боевой активности придало письмо Военного совета ЧФ к политработникам и партийным организациям флота 2 сентября.[159] В нем с предельной откровенностью говорилось о том, какая смертельная опасность нависла над Кавказом и Черноморским флотом. Военный совет призывал политические органы и партийные организации словом и делом вдохновлять бойцов на борьбу с врагом, укреплять их веру в победу. Политработники, коммунисты и комсомольцы были всегда впереди, показывая в боях образцы личного героизма. В самые тяжелые для Новороссийска дни лучшие воины вступали в ряды партии и комсомола. Защитники Новороссийска с честью доказали, что являются достойными преемниками доблестных защитников Одессы, Севастополя.

Главным итогом героической обороны Новороссийска явилось то, что именно здесь, в черте города, было окончательно остановлено продвижение правого приморского фланга гитлеровских войск, именно отсюда, как и от Сталинграда, враг повернул вспять. Правда, гитлеровское командование еще не раз предпринимало отчаянные попытки изменить ход событий. Немецко-фашистские войска стремились, сбросив в море защитников Новороссийска, прорваться на стратегическую приморскую дорогу, ведущую к границе с Турцией. Противнику это было чрезвычайно важно, так как Турция, являясь потенциальным союзником Германии, сосредоточила на границе с Советским Союзом более 20 дивизий, выжидая момента, чтобы вступить в войну. Но этим попыткам и надеждам не суждено было сбыться. [172]

Итак, наступление немецко-фашистских войск на кавказском направлении выдохлось. Это привело Гитлера в ярость. Он принял решение, подобное тем, какие привык принимать, когда рушились его бредовые авантюры: сместил генерал-фельдмаршала Листа с поста командующего группой армий «А» и взял руководство в свои руки. Находясь в бункере под Винницей, Гитлер пытался через штаб группы армий «А», располагавшийся в Сталино (ныне Донецк), руководить боевыми действиями на кавказском направлении. 10 сентября он отдал приказ, непосредственно повлиявший на развитие событий в операционной зоне Черноморской группы войск: «17-й армии немедленно по овладении Шаумяном продвинуться на Туапсе, чтобы захватить Черноморское побережье и создать тем самым

предпосылки для занятия района между Новороссийском и Туапсе и для дальнейшего наступления вдоль побережья на Сухуми».[160]

10 сентября в Геленджике, где был развернут командный пункт обороны Новороссийска, была получена телеграмма от командующего Черноморской группой войск генерал-полковника Я. Т. Черевиченко и заместителя командующего фронтом адмирала И. С. Исакова, адресованная Военному совету Закавказского фронта, начальнику Генерального штаба и командующему флотом. В ней предлагалось осуществить ряд конкретных мероприятий по дальнейшему усилению обороны НОР и предотвращению попыток противника использовать Новороссийский порт в своих интересах, а также по подготовке предстоящих наступательных операций.[161] Да, уже в то время готовились планы наступления, это предопределялось развитием событий на советско-германском фронте. А тем временем продолжалась борьба с противником, пытавшимся прорвать нашу оборону на Северном Кавказе. Битва за Кавказ, в которой участвовал Черноморский флот, продолжалась.

Одной из первоочередных задач стало создание надежного рубежа обороны на юго-восточной окраине Новороссийска, фактически являвшейся воротами Сухумского шоссе. Надо оказать, что существовал момент, когда противник действительно был близок к выходу на эту важную сухопутную магистраль. 8 сентября, захватив [173] населённый пункт Мефодиевский, гитлеровцы устремились к цементным заводам. Этот участок НОР оказался совершенно неприкрытым — не хватало войск. К счастью, к ночи из Геленджика сюда подошел 305-й отдельный батальон морской пехоты под командованием капитана В. С. Богословского и занял оборону возле Адамовича балки. Морские пехотинцы в течение нескольких дней отражали многочисленные ожесточенные атаки противника, выстояли и не позволили ему продвинуться ни на шаг.

Командующий войсками Новороссийского оборонительного района генерал-майор А. А. Гречко, прекрасно понимая важное значение этого рубежа в обороне северо-западного фланга фронта Черноморской группы войск, делал все возможное, чтобы укрепить его. Эти возможности, правда, поначалу были очень ограниченными, так как сколько-нибудь значительных резервов в его распоряжении не имелось. К тому же противник предпринимал попытки наступления не только здесь, но и северо-восточнее, в районе горы Колдун — «решающей высоты восточнее Новороссийска», как ее называли гитлеровцы в своих документах.

Среди отличившихся в боях в районе Адамовича балки и

цементного завода «Октябрь», а также восточнее и северо-восточнее города нельзя не назвать 103-ю стрелковую бригаду и 142-й отдельный батальон морской пехоты. С начала борьбы на подступах к Новороссийску 103-я бригада не выходила из боев, некоторое время она сражалась в окружении и понесла большие потери, но все же сумела вырваться из кольца и, отойдя к восточной окраине города, продолжала сражаться с врагом с прежним упорством.

Несколько сот гитлеровцев уничтожил в боях 142-й отдельный батальон морской пехоты, которым командовал капитан-лейтенант О. И. Кузьмин. Отвага, дерзость, стойкость морских пехотинцев вызывали у противника бессильную злобу. Неоднократно наши моряки слышали из вражеских окопов крики: «142-й батальон в плен не берем! 142-й батальон капут!» Но эти «психические атаки» вызывали у моряков только шутки, круто сдобренные солеными словами.

Совместными героическими усилиями войск НОР и прибывшей 9 сентября 318-й стрелковой дивизии враг на этих рубежах у Адамовича балки и цементного завода «Октябрь» — был остановлен окончательно. [174]

Не добившись успеха в восточной части НОР, противник начал перегруппировывать силы и создавать оборонительные рубежи на Маркотхском перевале, в городе, в районе Липок и на других участках фронта, опасаясь скорого перехода в контрнаступление наших войск.

Некоторый спад накала борьбы в связи с этим дал возможность и нам произвести перегруппировку и пополнение войск. Это было тем более необходимо, что к 16 сентября в 1-й бригаде морской пехоты и 83-й морской стрелковой бригаде оставалось приблизительно по 1,5 тыс. человек, во 2-й бригаде морской пехоты — около 3 тыс. человек. Полевой артиллерии у них не было вообще, кроме того, не хватало почти 1,5 тыс. винтовок.

16 сентября поредевшие в боях части 83-й морской стрелковой бригады были переданы в состав 2-й бригады морской пехоты. По приказу командующего Черноморским флотом от 18 сентября 1-я бригада морской пехоты после переформирования стала называться 255-й бригадой морской пехоты (командир — подполковник Д. В. Гордеев, военком — старший батальонный комиссар М. К. Видов), 2-я бригада морской пехоты — 83-й бригадой морской пехоты (командир — подполковник М. П. Кравченко, военный комиссар — полковой комиссар Ф. В. Монастырский).[162]

Вскоре после эвакуации с западного берега Цемесской бухты

в морской группе штаба НОР впервые серьезно задумались над вопросом, нельзя ли высадить десант в тыл противника, вернуть захваченный врагом западный берег Цемесской бухты и освободить город. Был даже разработан проект боевых документов на высадку двух стрелковых бригад на побережье у Мысхако. Предполагалось, что при условии одновременного наступления войск 47-й армии с фронта можно рассчитывать на успех операции, так как в районе города, и особенно на побережье, противник еще не успел создать прочной обороны, а силы его были значительно ослаблены. На других же участках фронта немецко-фашистские войска были скованы боевыми действиями, и вряд ли немецкое командование смогло бы в короткий срок перебросить под Новороссийск подкрепление.

Обсудив этот вопрос с генерал-майором А. А. Гречко и получив согласие командования Черноморской группы войск на проведение операции, командование НОР доложило [175] командующему Черноморским флотом свои соображения и просило выделить боевые корабли и транспорты для перевозки войск и артиллерийской поддержки десанта. Ориентировочный срок высадки десанта намечался) первоначально на вторую половину сентября. Однако выделить корабли командование Черноморского флота обещало только после 1 октября, мотивируя это тем, что все силы флота заняты обеспечением морских перевозок по приказанию командующего Закавказским фронтом.[163] По этой причине и по ряду других десантную операцию в тот период осуществить не удалось.

Тем временем противник предпринял еще одну попытку выйти к Черному морю, а затем прорваться к Туапсе вдоль побережья. В районе Абинской немецко-фашистское командование сосредоточило ударную группировку войск «Новороссийск» в составе немецких 9-й и 73-й пехотных и румынской 3-й горнострелковой дивизий. 19 сентября после мощной артиллерийской и авиационной подготовки она перешла в наступление в направлении станицы Шапсугской. Поначалу противнику удалось добиться некоторого тактического успеха, вклиниться в нашу оборону на 5–6 км и даже захватить населенные пункты Красная Победа, Первый Греческий и несколько высот. Хотя оборонявшиеся на этом направлении части 216-й стрелковой дивизии, измотанные в предшествовавших боях, отбросить противника не смогли, темпы наступления врага (менее двух километров в сутки) говорили о силе сопротивления наших войск.

Тем временем командование 47-й армии подготовило контрудар. 77-я стрелковая дивизия под командованием

полковника Е. Е. Кабанова, 83-я и 255-я бригады морской пехоты при огневой поддержке 672-го артиллерийского дивизиона, канонерской лодки «Красная Грузия» и базового тральщика «Щит» отбросили противника. В боях с 22 по 27 сентября наши войска почти полностью разгромили румынскую 3-ю горнострелковую дивизию, нанесли тяжелый урон немецкой 73-й пехотной дивизии. Были убиты, ранены и пленены около 8 тыс. вражеских солдат и офицеров и захвачены значительные трофеи.[164] С 27 сентября противник вынужден был и на этом участке [176] перейти к обороне, линия фронта стабилизировалась.

Наступил период, когда в оперативных сводках НОР все чаще стало отмечаться, что наши войска, продолжая укреплять оборону, прочно удерживают свои позиции. Фронт ВОР в то время достигал почти 90 км: от цементных заводов на восточной окраине Новороссийска до Фальшивого Геленджика. Разграничительная линия с соседом справа — 56-й армией — проходила от станицы Ахтырская до Фальшивого Геленджика. Оборонительная полоса НОР была разделена на пять боевых участков, которые возглавили командиры соединений и частей.

С конца сентября внимание командования НОР было приковано к событиям, развертывавшимся в районе Туапсе. Здесь противник предпринял еще одну отчаянную попытку прорваться на побережье Черного моря.

Как стало известно после войны из трофейных документов, 18 сентября Гитлер в беседе с начальником генерального штаба германских вооруженных сил фельдмаршалом Кейтелем выразил неудовольствие ходом наступления на туапсинском направлении и заявил, что прорыв на Туапсе является решающим. «Решающих» направлений осенью 1942 г. у гитлеровцев было много, а действия на них в конце концов заканчивались провалом. В ходе Туапсинской оборонительной операции, длившейся с 25 сентября по 20 декабря 1942 г., наши войска сорвали замысел врага прорваться к Туапсе. Командование НОР, разумеется, было в курсе происходящих на туапсинском направлении событий. К тому же в октябре генерал-майор А. А. Гречко отбыл в Туапсе, чтобы лично возглавить оборону этого города, а мне, моряку, пришлось некоторое время командовать 47-й армией и соответственно всеми силами Новороссийского оборонительного района.

Это были дни активной обороны. И командование Черноморской группы войск, и сама обстановка требовали не допустить, чтобы противник снял войска из-под Новороссийска и перенацелил их на туапсинское направление. Силы НОР должны были держать вражеские войска в постоянном напряжении.

Авиация, береговая и корабельная артиллерия наносили по ним систематические удары. В тыл противника высаживались диверсионные и разведывательные десанты, иногда значительные — до 100 человек и более. Военный совет НОР все [177] больше внимания стал уделять подготовке личного состава к предстоящим наступательным боям.

Среди мероприятий, проведенных в этот период, хотелось бы отметить строительство силами личного состава оборонительного района новых взлетно-посадочных полос на Геленджикском аэродроме, а также тренировки экипажей кораблей и морских пехотинцев в высадке десантов. Особенно тщательно отрабатывалась тактика ведения наступательного боя в горно-лесистой местности.

Подготовка к контрнаступлению наших войск на юге началась в дни ожесточенных оборонительных сражений под Сталинградом и на Северном Кавказе. 19 ноября 1942 г. ознаменовалось решительным наступлением Красной Армии под Сталинградом, открывшим зимнюю наступательную кампанию. Вся страна с напряженным вниманием следила за ходом беспримерной битвы, развернувшейся между Волгой и Доном, победа в которой привела к коренному перелому в ходе как Великой Отечественной войны, так и второй мировой войны.

Наступление, осуществлявшееся силами Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов, создавало новую благоприятную ситуацию и для советских войск на Кавказе. С первых дней нового 1943 г. здесь началась Северо-Кавказская наступательная операция Закавказского, Северо-Кавказского (с 23 января), Южного фронтов и Черноморского флота.

Итак, Новороссийская оборонительная операция, длившаяся более месяца, с 19 августа по 26 сентября, успешно завершилась. Хотя противнику и удалось в этот период захватить Таманский полуостров, прилегающую к Новороссийску территорию, западную и центральную части города, порт, но добиться поставленной гитлеровским командованием цели выйти на шоссе Новороссийск — Батуми он не смог. В боях за город враг понес большие потери: более 14 тыс. человек были убиты и ранены, 25 самолетов, 47 танков, около 100 орудий и минометов, более 300 автомашин было уничтожено.[165] В результате боеспособность немецко-фашистских войск, штурмовавших НОР, была существенно подорвана.

Не пришлось противнику воспользоваться и портом: восточное побережье Цемесской бухты оставалось в наших руках. Это позволило постоянно держать вход в бухту и акваторию порта под огнем артиллерии, минометов [178] и пулеметов, так что

фашистская пропаганда явно поспешила объявить о захвате Новороссийска, к тому же бои в городе еще по сути только начинались. Кстати, Ф. Гальдер, с бухгалтерской скрупулезностью отмечавший в «Военном дневнике» взятие каждого советского города, Новороссийск к числу захваченных городов так и не отнес.

Новороссийск ни на один день, ни на один час полностью оставлен не был. Память о тех, кто дрался, пал, но отстоял территорию города в районе цементных заводов, не позволяет считать его сданным. Разрушенный, сожженный, расстрелянный, как и Сталинград, он остался непокоренным советским городом. К сожалению, как в сообщения некоторых наших средств массовой информации, так и в отдельные наши исторические труды вкралась досадная ошибка об оставлении 10 сентября 1942 г. Новороссийска Красной Армией.

Бои за Новороссийск еще раз подтвердили необходимость тесного взаимодействия сил армии и флота при ведении боевых действий на приморском направлении. Принятая и всесторонне проверенная в ходе обороны Одессы такая удачная форма временного разнородного оперативного объединения, как оборонительный район, была использована и при защите Новороссийска. Своевременное создание Новороссийского оборонительного района дало возможность в конечном счете выполнить поставленную задачу: остановить противника на новороссийском направлении, не допустить его продвижения в Закавказье вдоль Черноморского побережья. Одним из главных факторов, предопределивших успех, было сосредоточение командной власти в одних руках. Предоставление командующему НОР широких полномочий в управлении подчиненными ему силами, введение должности заместителя командующего НОР по морской части и создание при штабе НОР морской группы способствовало более грамотному и оперативному реагированию на изменения обстановки во всей операционной зоне НОР, выбору наиболее эффективных способов боевых действий в зависимости от складывавшейся ситуации, гибкому и своевременному использованию родов войск и сил с учетом их боевых возможностей. Все это позволило добиться высокой согласованности действий общевойсковых соединений и частей, сил Таманской, Керченской и Новороссийской военно-морских баз, Азовской военной флотилии, сводной авиагруппы. [179]

Героический подвиг защитников Новороссийска навсегда останется в памяти советского народа. В восточной части города у цементного завода «Октябрь» на том месте, где войска 47-й армии и морская пехота преградили путь врагу к Северному Кавказу,

стоит изрешеченный пулями и осколками обгоревший остов железнодорожного вагона. Надпись на мемориальной доске гласит: «Здесь 11 сентября 1942 года доблестные воины частей Советской Армии и Черноморского флота преградили путь врагу на Кавказ, а через 360 дней во взаимодействии с морским десантом и частями с Малой земли начали штурм Новороссийска и 16 сентября 1943 года, разгромив фашистские войска, освободили город». Ныне он стал частью величественного мемориала, воздвигнутого в память воинской доблести защитников Новороссийска. В знак признания их беспримерного мужества, стойкости и героизма Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1973 г. Новороссийску присвоено звание «Город-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Успешные действия наших войск под Сталинградом создали благоприятные условия и для наступления на Северном Кавказе.

Без преувеличения можно сказать, что все воины Новороссийского оборонительного района, затаив дыхание, следили за ходом гигантских сражений, развернувшихся на этих двух важнейших для всего хода войны направлениях. Это был период активной подготовки к наступательным действиям и на нашем участке фронта. Когда войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов вплотную подошли к Дону, настало время вновь готовить силы флота на Азовском море. 28 декабря заместителем командующего НОР по морской части был направлен командующему флотом доклад следующего содержания: «В результате наступления Красной Армии и выхода ее частей в район станицы Верхнекурмоярская с дальнейшим движением к Ростову становится возможным восстановление Отдельного Донского отряда АВФ ЧФ, который весной окажет существенную помощь частям Красной Армии в нижнем и верхнем течении реки Дон и в восстановлении судоходства для питания армии по реке Дон. Организация Отдельного Донского отряда послужит в дальнейшем базой для развертывания Азовской военной флотилии Черноморского флота.

Вопрос о восстановлении Отдельного Донского отряда [180] необходимо ставить теперь и начинать практическую работу по его организации нужно незамедлительно, так как до апреля месяца (имелось в виду начало навигации на Дону и Азовском море — С. Г.) необходимо провести формирование частей и кораблей, осмотр, ремонт и восстановление судов, находящихся выше Калача. Возможно, потребуется подъем судов и катеров, затопленных в районе Верхнекурмоярская — Калач и ниже».[166] Далее перечислялся ряд других мероприятии, которые

необходимо было осуществить заблаговременно. Завершался доклад предложением привлечь к формированию и организации отряда, его соединений н частей личный состав, в первую очередь командный, служивший на Дону в 1941–1942 гг., значительная часть которого находилась на Черноморском флоте.

Последующий ход событий на южном крыле советско-германского фронта показал своевременность и целесообразность предлагавшихся мероприятий по подготовке сил Черноморского флота к участию в наступательных операциях Красной Армии. Флотилия, возрожденная на Азовском море, внесла достойный вклад в освобождение Кубани, Приазовья и Крыма от фашистских поработителей. [181]

Глава шестая. В наступательных операциях

Контрнаступление Красной Армии под Сталинградом, начавшееся 19 ноября 1942 г., возвестило о начале коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Ко 2 февраля 1943 г. войска Донского фронта ликвидировали группировку противника, окруженную под Сталинградом. К этому времени Южный, Закавказский, Северо-Кавказский фронты[167] и Черноморский флот освободили от немецко-фашистских захватчиков Северный Кавказ. В руках оккупантов оставались часть Новороссийска и Таманский полуостров. На южном фланге советско-германского фронта в этот период были освобождены Донбасс и северное побережье Азовского моря. В сентябре — октябре 1943 г. наши войска очистили от противника Таманский полуостров. В первых числах ноября части Красной Армии, овладев Северной Таврией, отрезали группировку немецко-фашистских войск в Крыму от основных сил.

В рассматриваемый период Черноморский флот, а начиная с весны 1943 г. и вновь сформированная Азовская военная флотилия по-прежнему вели борьбу с морскими перевозками противника, наносили удары по его базам [182] и портам, кораблям и судам в море, обеспечивали интенсивные морские перевозки в интересах фронтов. Однако одной из важнейших задач, стоявших перед флотом, являлась активная поддержка наступления Красной Армии на приморских флангах, что нашло яркое выражение в десантных действиях. Именно десантные действия составляли в 1943 г. основное содержание боевой деятельности флота, организации и проведению которых в значительной степени были подчинены деятельность командования и штабов флота, его объединений, командиров и штабов соединений и частей, а также оперативная и боевая подготовка, мероприятия, связанные с организацией и комплектованием новых соединений и частей.

Необходимость высадки морских десантов, являющихся наиболее результативной формой содействия сухопутным войскам, диктовалась общей оперативно-стратегической обстановкой, складывавшейся в ходе наступления Красной Армии на южном приморском фланге советско-германского фронта. Так, уже в плане Краснодарской наступательной операции, разработанной в конце 1942 г. командованием и штабом Черноморской группы войск в соответствии с директивой Ставки

о наступлении на новороссийском направлении, предусматривалась высадка морского и воздушного десантов на побережье к юго-западу от Новороссийска.[168] Объективные предпосылки для проведения такой операции к тому времени уже имелись. В результате выхода войск Красной Армии к Дону, юго-западнее Новочеркасска, и к реке Маныч возникли благоприятные условия для нанесения удара в тыл войскам группы армий «А», насчитывавшей около 700 тыс. человек. Действовавший против Закавказского фронта противник вынужден был в связи с этим отказаться от наступления на туапсинском направлении, перейти к обороне, а позже и начать отвод своих войск.

Перед Черноморской группой войск ставилась задача перейти в наступление в направлении на Краснодар и Тихорецк, а после овладения Тихорецком продолжить наступление в направлении на Батайск, Азов, Ростов-на-Дону, не допустить отхода группировки противника с Северного Кавказа на север, пленить ее или уничтожить. На новороссийском направлении намечалось силами 18-й и 47-й армий овладеть станицей Крымская, создав тем самым условия для освобождения во взаимодействии с Черноморским [185] флотом Новороссийска, а затем и Таманского полуострова.

Одновременно с наступлением 18-й и 47-й армий предусматривалось высадить десант в районе Южной Озерей-ки в составе 83-й и 255-й бригад морской пехоты, отдельного пулеметного батальона, 393-го батальона морской пехоты и отдельного танкового батальона.[169] После захвата плацдарма десант и части 47-й армии согласованными ударами должны были разгромить группировку немецко-фашистских войск под Новороссийском и освободить город.

Но по ряду причин, в том числе и из-за неблагоприятных гидрометеорологических условий (сильные дожди и обильные снегопады, разливы горных рек и ручьев), намеченный план операции полностью осуществить не удалось. Тем не менее наступление 18-й и 56-й армий вынудило войска противника оставить ряд рубежей и опорных пунктов и начать стремительный отход с Северного Кавказа. Резко понизился боевой дух фашистов, увеличилось число перебежчиков и пленных. Они сообщали, что солдаты на передовых рубежах проклинают Гитлера и тот день, когда Германия напала на Советский Союз, что в частях наблюдаются случаи невыполнения распоряжений офицеров.[170] Трофейные документы, которые попадали к нам в руки, содержали уже не победные реляции, а тревожные, подчас панические вопросы: куда отводить потрепанные части — на север, к Ростову, или на Таманский полуостров, как остановить

отступление войск своих ненадежных партнеров в условиях, когда никакие репрессии не приносят желаемых результатов,[171] перебрасывать ли войска из Крыма на Кавказ или в обратном направлении — вот что беспокоило в это время командование немецко-фашистской группы армий «А». Речь шла уже не о наступлении, а о том, чтобы, как значилось в трофейных документах, хотя бы «показать противнику (т. е. нашим войскам — С. Г.), что даже при неудержимом отступлении наших войск, противник не может делать все, что захочет». [186]

Вопрос об отводе группы армий «А» с Кавказа ее командующий поставил перед высшим командованием еще в конце ноября 1942 г., но получил категорический приказ не проводить каких-либо даже подготовительных мероприятий к этому. Руководство вермахта все еще надеялось на деблокаду 6-й армии под Сталинградом. И только 28 декабря, когда эта надежда была окончательно потеряна, гитлеровская ставка издала оперативный приказ № 2 «О дальнейшем ведении боевых действий на южном крыле Восточного фронта». Теперь гитлеровцам было уже не до богатств Закавказья, они думали лишь о том, как предотвратить надвигавшуюся катастрофу. С этой целью группа армий «А» вынуждена была приступить к постепенному отводу войск, при этом «сохраняя и особенно усиливая свой фронт по побережью и в горах…».[172]

И все же противник никак не желал распроститься с планами по захвату Кавказа. Он рассчитывал использовать Таманский полуостров как плацдарм для планируемого им в 1943 г. наступления. Поэтому 27 января главное командование сухопутных войск Германии решило отвести сюда 17-ю армию из-под Туапсе. В создавшейся обстановке немецко-фашистское командование больше всего беспокоила реальная возможность высадки советских морских и воздушных десантов на Таманский полуостров и в Крым. Неприятель усилил наблюдение за морем, за Туапсе, Геленджиком и другими портами, где, по его мнению, мог формироваться десант. Вражеская разведка скрупулезно отмечала каждый выход наших кораблей в море, собирала сведения об изменениях количественного состава кораблей, находящихся в портах Кавказского побережья. Одновременно противник интенсивно укреплял свои позиции на Таманском полуострове и в прибрежной полосе, где особо активизировал боевые действия. Все это не могло не отразиться на темпах наступления наших войск. Если 56-й армии и правому флангу 18-й армии удалось выйти к южному берегу реки Кубань и к железной дороге Краснодар-Новороссийск, то восточнее Новороссийска, на фронте 47-й армии и левом фланге 18-й

армии, наступление наших войск успеха не имело. Противник, пополнив свою группировку за счет отходивших частей, стремился во что бы то ни стало удержать захваченную часть Новороссийска и станицу Крымскую. Прорвать его оборону под Крымской наши войска не смогли. [187]

22 января командующий Закавказским фронтом генерал армии И. В. Тюленев и командующий Черноморской группой войск генерал-лейтенант И. Е. Петров, назначенный вместо генерал-полковника Я. Т. Черевиченко в октябре 1942 г., доложили Ставке о ходе наступательной операции, охарактеризовав условия, которые привели к «затяжному характеру ее дальнейшего развития». Неотложной задачей они считали освобождение захваченной врагом части Новороссийска. Это должно было, по их мнению, обеспечить успех всего наступления и поставить в тяжелые условия всю северокавказскую группировку противника.[173] План был одобрен Ставкой, и уже 1 февраля командующий Черноморской группой войск поставил войскам 47-й армии задачу, замысел которой сводился к тому, чтобы, продолжая бои в направлении станицы Крымской, прорвать оборону противника в непосредственной близости от Новороссийска, захватить перевал Маркотх и далее наступать в направлении населенного пункта Мефодиевский. Им предписывалось в последующем совместно с силами морского десанта, высадка которого намечалась после выхода войск 47-й армии на рубеж перевал Неберджаевский — перевал Маркотх, полностью очистить от врага Новороссийск.[174]

Необходимо отметить, что подготовка десанта началась заблаговременно. Еще 6 января командование Черноморской группы войск создало в Геленджике оперативную группу особого назначения под командованием командира 255-й бригады морской пехоты полковника Д. В. Гордеева. Из состава 3-го стрелкового корпуса в ее резерв был выделен парашютный полк, сосредоточенный в районе 9-го километра. В Туапсе подготовку к десанту начал 16-й стрелковый корпус. 13 января был получен приказ командующего 47-й армией, в котором общее руководство боевой подготовкой и сколачиванием оперативной группы десанта возлагалось на заместителя командующего НОР. Боевую подготовку было приказано организовать так, чтобы к 15 января обеспечить готовность группы к выполнению поставленной задачи. О ходе подготовки требовалось ежедневно докладывать командующему армией.

Опыт ранее проведенных десантных операций свидетельствовал, что подготовка к высадке десанта, тщательная отработка вопросов взаимодействия всех видов и родов [188] сил,

выделенных для участия в операции, являются важнейшими условиями ее успеха. В связи с этим отработке форм и методов руководства боевыми действиями оперативной группы, а также тактической подготовке каждого подразделения придавалось первостепенное значение. Однако данными вопросами вскоре пришлось заниматься уже непосредственно командованию Черноморского флота и Новороссийской военно-морской базы.

Подготовку к освобождению Новороссийска комбинированным ударом с моря и с суши командование НОР начало еще в конце 1942 г. Эта идея нашла одобрение в штабе Черноморской группы войск и в штабе флота. Задачи флоту по подготовке такой операции в общих чертах были поставлены в директиве командующего Закавказским фронтом от 26 ноября 1942 г..[175] Нельзя не отметить, что своевременное и достаточно полное ориентирование командования флота на дальнейшие боевые действия в значительной степени являлось заслугой одного из опытнейших офицеров флота капитана 1 ранга В. И. Рутковского, занимавшего в то время должность заместителя командующего фронтом по морской части.

В соответствии с директивой фронта штаб флота уже тогда развернул всестороннюю подготовку сил к предстоящей операции. Была организована систематическая тренировка личного состава кораблей и судов по посадке на них десантников и высадке их на необорудованное побережье, а также авиационная разведка района Анапа, Новороссийск, где планировалось высадить десант. Для вскрытия системы противодесантной обороны широко практиковались высадки в тыл противника разведывательных групп с торпедных и сторожевых катеров. В штабе флота и в штабах соединений специально выделенные оперативные группы детально отрабатывали вопросы взаимодействия и всестороннего обеспечения боевых действий в ходе операции. Принимались меры по ускоренному завершению ремонта кораблей, которые должны были участвовать в операции.[176] Изучался вопрос и о месте высадки десанта.

Первоначально командование фронта планировало высадить десант непосредственно в Новороссийский порт, однако Военный совет флота высказал опасение, что здесь возможно сильное огневое сопротивление, и указал на [189] сложность маневрирования кораблей с десантом в сильно заминированной Цемесской бухте. Поэтому он рекомендовал высадку десанта произвести в районе Южной Озерейки или в других пунктах в соответствии с данными доразведки. В результате было принято решение основной десант высаживать в районе Мысхако, Южная

Озерейка и одновременно готовить демонстративный десант на побережье Цемесской бухты.[177]

Как показали дальнейшие события, отказ от высадки десанта непосредственно в порт не дал каких-либо преимуществ. Позже командование флота изменило свое мнение по данному вопросу и даже полагало возможным захватить Новороссийский порт небольшими силами (150–200 десантников на 6–8 катерах).[178] Но, думается, вряд ли можно было рассчитывать на успех столь малочисленного десанта.

Окончательное решение о проведении наступательной операции Черноморской группы войск в целях освобождения Новороссийска и Таманского полуострова было принято командующим Закавказским фронтом и сформулировано в директиве от 24 января. В этой директиве были поставлены задачи и Черноморскому флоту: огнем корабельной и береговой артиллерии оказать содействие частям 47-й армии в прорыве обороны противника на участке гора Колдун, цементные заводы; высадить морской десант в районе Южной Озерейки, а с выходом частей 47-й армии на рубеж перевал Неберджаевский — перевал Маркотх совместными усилиями уничтожить новороссийскую группировку врага и освободить Новороссийск; систематическими действиями подводных лодок и торпедоносной авиации прервать коммуникации противника между портами Крыма и Таманского полуострова; обеспечить бесперебойные воинские перевозки вдоль Кавказского побережья.[179]

Общее руководство наступательными действиями на новороссийском направлении осуществлял командующий Черноморской группой войск Закавказского фронта генерал-лейтенант И. Е. Петров, а их морской частью — командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский. В состав основного десанта были включены 255-я и 83-я бригады морской пехоты, отдельный пулеметный [190] батальон и 563-й танковый батальон. В последующем эти части планировалось усилить 165-й стрелковой бригадой, отдельным фронтовым авиадесантным и истребительным противотанковым артиллерийским полками. По решению командующего флотом для перевозки и высадки десанта, а также для артиллерийской поддержки его сил были сформированы в Батуми, Геленджике и Туапсе отряды транспортов, кораблей охраны и артиллерийской поддержки. Всего для участия в десантной операции флот выделил свыше 60 кораблей и судов и 137 самолетов.

Начиная с 27 января соединения 47-й армии предприняли несколько попыток прорвать оборону противника в районе Верхнебаканского и станицы Крымской. Предполагалось, что

здесь им удастся добиться успеха и тем самым обеспечить высадку десанта. Их действия поддерживали бомбардировочная и штурмовая авиация флота, 6 батарей береговой артиллерии Новороссийской военно-морской базы, артиллерия группы кораблей (крейсера «Ворошилов» и трех эсминцев) под командованием командующего эскадрой вице-адмирала Л. А. Владимирского. Однако командование немецкой 17-й армии, предвидя катастрофические для своей армии последствия в случае прорыва наших войск на новороссийском направлении, организовало жесткую оборону. Поэтому, несмотря на значительную концентрацию сил и средств на направлении главного удара, наступление 47-й армии не дало ожидаемого результата: ей удалось продвинуться всего лишь на 200–300 м.[180]

Исходя из создавшейся обстановки, командующий Закавказским фронтом 3 февраля во изменение ранее принятого решения, являвшегося принципиально важным, приказал высадку десанта начать не позже 4 февраля, не дожидаясь выхода частей 47-й армии на Маркотхский хребет. Основной десант приказывалось высадить в районе Южной Озерейки, вспомогательный — на западном берегу Цемесской бухты, возле Станички. Перед основным десантом ставилась задача: овладеть рубежом Станичка, высота 307,2, гора Чухабль, Глебовка, высота 289,6; в дальнейшем во взаимодействии с частями 47-й и 56-й армий уничтожить новороссийскую группировку противника, овладеть портом и городом Новороссийск.[181]

Силы высадки основного десанта (командир сил высадки [191] — контр-адмирал Н. Е. Басистый) состояли из отряда транспортов (транспорт, 2 тральщика), отряда охранения (2 базовых тральщика, 6 сторожевых катеров типа МО), отряда высадочных средств (3 базовых тральщика, 6 сторожевых катеров типа МО, 3 болиндера,[182] 3 буксира, [192] 5 сейнеров, б корабельных баркасов) и отряда корабельной поддержки (2 эсминца, 3 канонерские лодки, 4 сторожевых катера типа МО). На канонерские лодки помимо артиллерийской поддержки высадки и действий десанта на берегу возлагалась задача перевозки и высадки первого броска десанта. Для прикрытия десанта с моря и уничтожения огневых средств противодесантной обороны противника в месте его высадки выделялся отряд прикрытия и огневого содействия под командованием вице-адмирала Л. А. Владимирского в составе крейсеров «Красный Кавказ» и «Красный Крым», лидера «Харьков», эсминцев «Беспощадный» и «Сообразительный». Артиллерийский огонь кораблей должны были корректировать пять самолетов (три МБР-2 и два ДБ-3).[183]

Воздушное обеспечение десантных действий возлагалось на авиагруппу (137 самолетов ВВС флота и 30 самолетов 5-й воздушной армии) под командованием командующего ВВС флота генерал-майора В. В. Ермаченкова.

Переход кораблей и судов к месту высадки начался 3 февраля. Первыми вышли корабли прикрытия из Батуми. В целях скрытности перехода соблюдалось радиомолчание, однако отряд кораблей все же был обнаружен летающей лодкой противника. Это, видимо, послужило для командования немецкой 17-й армии сигналом для приведения системы противодесантной обороны в боевую готовность. Во второй половине дня остальные корабли и суда вышли в море из Туапсе и Геленджика.

Десантные действия должны были начаться по плану в 1 ч 00 мин 4 февраля. Однако из-за неблагоприятной погоды (юго-западный ветер силой 4 балла, волнение моря 2–3 балла) болиндеры, следовавшие на буксире, часто отрывались. Вследствие этого скорость перехода отряда высадки снизилась и к полуночи стало ясно, что, не имея резерва времени, он не успеет своевременно подойти к месту высадки.

В 0 ч 00 мин контр-адмирал Н. Е. Басистый донес командующему фронтом обстановку и просил перенести артподготовку на 1,5 ч. Об этом же он сообщил и вице-адмиралу Л. А. Владимирскому, который дал приказ кораблям начать артподготовку в 2 ч 30 мин. Однако командовавший операцией вице-адмирал Ф. С. Октябрьский приказал действовать по плану и в 0 ч 30 мин подписал радиограмму, адресованную Н. Е. Басистому и Л. А. Владимирскому: [193] «…Нельзя переносить время, уже поздно, все в движении», а затем другой телеграммой, направленной также командующему авиацией ВВС флота и командиру Новороссийской военно-морской базы, подтвердил начало операции в 1 ч 00 мин 4 февраля.[184]

Таким образом, в самом же начале операции возникла ситуация, послужившая причиной несогласованности действий участвовавших в ней сил. Отсутствие резерва времени в плане перехода не позволяло начать высадку в назначенное время, а ошибочная реакция на изменившиеся условия движения десантных отрядов привела к нарушению плана обеспечения высадки и внесла дезорганизацию в ход проведения операции. В результате, действуя в соответствии с первоначальным планом, восемь самолетов в 0 ч 45 мин 4 февраля нанесли бомбовый удар по Южной Озерейке, три самолета выбросили воздушный десант в районе Васильевка, Глебовка, а береговая артиллерия в 1 ч 00 мин начала обстрел побережья у Станички. В это время корабли с десантом еще находились далеко от района высадки.

Самолеты-корректировщики также вылетели в соответствии с ранее утвержденным планом и, когда корабли эскадры в 2 ч 31 мин открыли артиллерийский огонь по району высадки возле Южной Озерейки, корректировать его было некому — самолеты уже возвратились на аэродром. Кораблям, имевшим ошибки в счислимом месте, пришлось вести огонь по площади, поэтому эффективность стрельбы была низкой. Несмотря на то что было выпущено более 2 тыс. снарядов калибром 130–180 мм, войска противодесантной обороны и их огневые средства, укрытые в складках местности, подавить не удалось.

Через 10 мин после прекращения огня в 3 ч 45 мин началась высадка первого эшелона десанта. Противник встретил его сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Положение десантных сил усугубилось усилением волнения моря до 4–5 баллов, что значительно снизило темп высадки десантных подразделений и затруднило выгрузку боевой техники.

Сторожевые катера, буксиры и болиндеры высадили десант в предусмотренном планом месте, при этом два болиндера от прямых попаданий загорелись, но люди с них успели сойти на берег. Канонерские лодки, встретив сильное противодействие, отошли западнее долины Озерейка, [194] на траверз горы Абрау, и там в более спокойной обстановке высадили две роты.

С приближением рассвета контр-адмирал Н. Е. Басистый, не имея связи с высаженными на плацдарм частями, посчитал дальнейшую высадку десанта нецелесообразной, так как противник, продолжая освещать прибрежную акваторию прожекторами, вел прицельный огонь по высадочным средствам, что могло привести к большим потерям в людях и кораблях. И хотя решение командира высадки было одобрено командующим флотом, оно, несомненно, являлось ошибочным, так как поставило в трудное положение уже высаженные части десанта.

Всего к утру 4 февраля на побережье у Южной Озерейки было высажено свыше 1400 человек и выгружено 16 танков. Десант выбил противника из Южной Озерейки и 5 февраля достиг окраины селения Глебовка. Но, не получив подкрепления, он вынужден был в течение двух суток вести бои в окружении, а затем, соединившись с разведгруппой, высаженной в тыл врага еще 25 января, пробиться из окружения и присоединиться к вспомогательному десанту, высаженному в районе Станички.[185]

Командир сил высадки не проявил должной настойчивости и твердости при выполнении поставленной задачи. Наращивание сил на плацдарме надо было продолжать, пойти на определенный риск ради достижения цели, следовало также усилить огневую поддержку десанта.

К сожалению, остается только констатировать, что наступление десанта на главном направлении у Южной Озерейки сорвалось. Тем не менее морской десант, высаженный там, и воздушный, выброшенный возле Васильевки, самоотверженными действиями в тылу врага сковали значительные его силы, чем способствовали успешному развитию боевых действий вспомогательного десанта в районе Станички. События в этом районе развивались по-иному.

Высадка десанта в районе Станички происходила по плану. Первый эшелон десанта (260 человек) под командованием майора Ц. Л. Куникова вечером 3 февраля был посажен в Геленджике на шесть катеров, которые в темноте скрытно вышли в точку развертывания. В 1 ч 00 мин 4 февраля специально созданная артиллерийская группа (251-й отдельный подвижный артдивизион — восемь 152-мм орудий, 117-й артдивизион — девять 100–130-мм [195] орудий, особая группа артиллерии Новороссийской базы — семнадцать 45–120-мм орудий) по сигналу с командного пункта базы открыла огонь с целью подавить огневые точки противника в районе, назначенном для высадки. В течение всего лишь 10 мин береговая артиллерия выпустила по врагу свыше 1,5 тыс. снарядов. Тральщик «Скумбрия», вооруженный реактивной установкой, в это же время нанес по противодесантной обороне противника массированный ракетный удар (96 82-мм реактивных снарядов).

Артиллерийская канонада и разрывы снарядов заглушали работу моторов катеров, устремившихся к берегу. Для прикрытия десантно-высадочных средств два торпедных катера по сигналу командира отряда старшего лейтенанта Н. И. Сипягина поставили дымовую завесу.

С подходом отряда катеров к берегу в 1 ч 10 мин береговые батареи перенесли огонь в глубину обороны противника, чтобы не допустить подхода его резерва к месту высадки.

Благодаря хорошей натренированности личного состава высадка десанта прошла исключительно организованно, быстро, всего лишь за 2 мин и почти без потерь. А еще через 5 мин были выгружены боезапас и продовольствие. Катера сразу же отошли от берега и направились к пристани 9-го километра (восточный берег Цемесской бухты) за вторым эшелоном десанта.

Первыми на берег, занятый врагом, высадились штурмовые группы старших лейтенантов В. М. Пшеченко и А. Д. Тарановского. Они подавили сопротивление противника в прибрежной полосе и обеспечили десантирование Остальных групп.

Морские пехотинцы, зацепившись за берег, начали

стремительное наступление с целью расширить плацдарм и уничтожить оставшиеся огневые точки врага. В течение ночи сюда были переброшены второй и третий эшелоны десанта. Всего у Станички было высажено 900 человек. Противник, ошеломленный внезапностью удара и дерзостью десантников, оставил первую линию оборонительных сооружений и в панике бежал в Новороссийск, на западную окраину Станички и к кладбищу. К рассвету в наших руках находились несколько кварталов южной части Станички, часть железнодорожного полотна протяженностью 3 км. В ходе боя было уничтожено более 10 дзотов, и блиндажей, до тысячи солдат и офицеров, захвачено девять орудий, несколько пулеметов и другие [196] трофеи. Семь трофейных орудий было вскоре введено в строй и использовано против своих бывших «хозяев».[186] Так началась героическая эпопея Малой земли.

Придя в себя, враг срочно перебросил к плацдарму подкрепление и, используя густую сеть огневых точек, оказал сильное сопротивление. 4 и 5 февраля он неоднократно предпринимал попытки сбросить десант в море. Однако куниковцы, укрепившись на занятых рубежах, отбили все атаки. Большую помощь в этом им оказали береговая артиллерия и авиация. Артиллерия производила мощные огневые налеты по заранее пристрелянным рубежам, подавляла батареи и огневые точки неприятеля, рассеивала крупные скопления его пехоты. Только 4 февраля ее огнем было подавлено 12 артиллерийских и минометных батарей, самолеты совершили 246 боевых вылетов. [187]

Достичь столь высокой эффективности артиллерийской поддержки десанта удалось благодаря хорошо продуманной организации применения береговых батарей. Управление их огнем было централизованным и осуществлялось с КП начальника артиллерии береговой обороны. Корректировочные посты, высаженные одновременно с десантом, находились на переднем крае захваченного плацдарма, оперативно и точно передавая по радио целеуказание артиллеристам. Для выявления батарей противника были сформированы две подвижные батареи, которые своей стрельбой вызывали ответный огонь. Это позволяло определять координаты позиций вражеской артиллерии и наносить по ним удар.

Успеху десанта Ц. Л. Куникова способствовала и хорошая организация управления силами. Руководство ими осуществлялось из Геленджика с КП командира Новороссийской военно-морской базы. Кроме того, на восточном берегу Цемесской бухты, возле пристани 9-го километра, был развернут передовой

командный пункт. Его близость к пункту высадки десанта позволяла вести визуальное наблюдение за прибрежной частью плацдарма, поддерживать надежную связь с высаженными подразделениями с помощью всех имевшихся средств, включая зрительные.

В связи с тем что успех десанта обозначился на вспомогательном направлении, командующий флотом принял решение высаживать остальные силы основного десанта [197] в районе Станички с целью развить наступление на этом направлении. Таким образом, вспомогательное направление стало главным. В соответствии с этим командиру Новороссийской военно-морской базы приказывалось высадить в ночь с 5 на 6 февраля в Станичку 255-ю бригаду морской пехоты, 165-ю стрелковую бригаду и части фронтового авиадесантного полка. [188] Для выполнения этой задачи были выделены необходимые корабли и плавсредства базы, которые в указанные сроки доставили на плацдарм около 4,5 тыс. человек, 75 т боезапаса, пять 76-мм и два 45-мм орудия, пять 120-мм минометов, 20 т продовольствия.[189]

Подкрепление прибыло весьма своевременно. К утру 6 февраля противник сконцентрировал против десанта значительные силы и предпринял несколько мощных атак на наши позиции, в том числе пять танковых, но все они захлебнулись. Десантники при поддержке береговой артиллерии не только удержали плацдарм, но и потеснили врага в некоторых местах, заняв еще несколько кварталов Станички. Однако существенно развить успех в то время не удалось.

Противник понял, что дальнейшие активные действия наших войск с захваченного плацдарма могут существенно осложнить положение 17-й армии, и принял энергичные меры, чтобы сорвать переброску на плацдарм наших частей и подвоз питания через Цемесскую бухту. Ночью акватория бухты непрерывно освещалась прожекторами, ракетами, осветительными снарядами и крупные корабли уже не могли пройти незамеченными. Район высадки методически обстреливался из артиллерийских орудий и крупнокалиберных минометов, а пристани ежедневно по нескольку раз подвергались бомбардировке. Попытка доставить на захваченный плацдарм ночью 7 февраля очередной эшелон десанта на канонерских лодках и тральщиках сорвалась. Пришлось изменить тактику перевозки войск: теперь десантники на крупных кораблях доставлялись в район Поноя, там они переходили на катера и сейнеры, которые и направлялись к плацдарму Малой земли. Этим способом уже в ночь с 8 на 9 февраля была переправлена 83-я бригада морской пехоты (4184

человека). Такой порядок перевозки войск и военных грузов сохранялся до сентября 1943 г. Однако на катерах и сейнерах [198] нельзя было перевозить тяжелую боевую технику, а именно в ней десантные части нуждались больше всего.

В результате проведенной операции с 5 по 9 февраля 1943 г. в район Станички на кораблях и плавсредствах было доставлено 14530 человек, три 76-мм и три 45-мм орудия, пять 120-мм минометов, 281 т боезапаса и 155 т продовольствия.[190] А с 9 по 12 февраля на плацдарм были переброшены еще четыре стрелковые бригады и пять партизанских отрядов под командованием секретаря Новороссийского горкома партии П. И. Вланова.

Отбивая многочисленные атаки противника, десантные части хотя и медленно, но продвигались вперед. К 15 февраля они вышли на рубеж южная окраина Новороссийска, Мысхако, восточная часть Федотовки, высота 307,2. Плацдарм расширился по фронту до 7 км и в глубину до 3–4 км. Однако из-за ожесточенного противодействия противника, обладавшего подавляющим превосходством в силах и средствах, из-за невозможности переправить на западный берег Цемесской бухты боевую технику, а также из-за неудачных действий 47-й армии далее развить достигнутый успех не удалось.

Успешно осуществленная высадка вспомогательного десанта создала предпосылки для достижения конечной цели операции. Однако для окончательного решения задач требовалось не только наращивать численность войск на Малой земле, но и прорвать вражескую оборону на рубеже Неберджаевская, перевал Маркотх силами 47-й армии, как это намечалось, но сделать этого не удалось.

В 4 ч 4 февраля соединения и части 47-й армии перешли в наступление в общем направлении гора Сахарная Голова,[191] т. е. к перевалу Маркотх, но «встретив сильное огневое сопротивление противника, имели незначительное продвижение».[192] Наступление ударной группы 47-й армии (четыре дивизии и три бригады), предпринятое днем 12 февраля в общем направлении Верхнеставропольский (в 5 км к западу от Абинской), Крымская, также было сорвано в результате организованного сопротивления и контратак противника.[193] В дальнейшем до начала Новороссийско-Таманской наступательной операции, т. е. до 9 сентября 1944 г., линия фронта к востоку от Новороссийска не претерпела существенных изменений. [199]

Войска, высаженные на плацдарм Мысхако, Станичка, на длительное время сковали значительные силы противника. Если в первые дни после высадки десанта у Станички немецко-

фашистское командование не сомневалось в том, что в кратчайший срок десант удастся «сбросить в море» или «окружить», то скоро от этой уверенности не осталось и следа. Так, уже 15 февраля командующий 17-й армией доложил в штаб группы армий «А» о возникшей необходимости «укрепить оборону», произвести перегруппировку и только после этого начать наступление. К этому выводу он пришел после того, как контратаки в районе плацдарма южнее Новороссийска не дали положительного результата, а русское наступление, по его словам, имело успех.

Однако никакие «перегруппировки» противнику не помогли — наши войска прочно закрепились на плацдарме.

Защитники Малой земли проделали титаническую работу по инженерному оборудованию позиций. Они создали около десяти тысяч различных оборонительных сооружений, построили десятки штолен и подземных помещений, в которых разместились хорошо защищенные командные пункты, госпиталь, склады боеприпасов, продовольствия и даже электростанция, прорыли в скальном грунте ходы сообщений общей протяженностью свыше 32 км. Все это создавалось на площади около 28 квадратных километров, почти без средств механизации с помощью обычного шанцевого инструмента. Словом, плацдарм был превращен в своеобразную крепость. Важным условием его надежной обороны была хорошо организованная огневая поддержка защитников Малой земли артиллерией НОР и авиацией фронта и флота.

Гитлеровцы хорошо понимали, какую грозную опасность для новороссийской группировки войск представлял наш плацдарм. Против малоземельцев было сосредоточено до пяти дивизий. Ежедневно сотни артиллерийских орудий и минометов, десятки самолетов обстреливали и бомбили их позиции, но сломить мужественный гарнизон Малой земли врагу не удалось, несмотря на неоднократные требования фюрера «немедленно очистить плацдарм».

Героизм советских воинов, в течение 255 дней защищавших Малую землю, поистине был массовым. За мужество и отвагу, проявленные при ее обороне, орденами и медалями были награждены в батальоне майора Ц. Л. Куникова 127 человек, в 83-й бригаде морской пехоты [200] — 1319, в 255-й бригаде — 900 человек. Звания Героя Советского Союза удостоены 21 защитник плацдарма, среди них майор Ц. Л. Куников (посмертно), начальник штаба батальона капитан Ф. Е. Котанов, заместитель командира батальона по политчасти старший лейтенант Н. В. Старшинов, командиры боевых групп первого эшелона десанта старшие лейтенанты А. Ф. Бахмач, В. М. Пшеченко, А. Д.

Тарановский, Г. В. Слепов, С. И. Пахомов.

В тот период, когда на плацдарме происходило наращивание сил, войска Северо-Кавказского фронта (Директивой Ставки ВГК от 4 февраля Черноморский флот был выведен из оперативного подчинения Закавказского фронта и подчинен Северо-Кавказскому фронту,[194] а Черноморская группа войск с 5 февраля вошла в состав Северо-Кавказского фронта.), продолжая наступление, 5 февраля сломили сопротивление противника и вышли к побережью Азовского моря, освободив Ейск. 12 февраля в ходе Краснодарской операции наши войска освободили Краснодар и основными силами продвигались в направлении Таманского полуострова, обходя Новороссийск с востока.

Однако, несмотря на достигнутый успех, Ставка ВТК в директиве от 16 февраля 1943 г. указала командующему фронтом на недостаточные темпы наступления войск (4–6 км в сутки) и на невыполнение ее требования окружить краснодарскую группировку противника, на распыление усилий авиации, танков и артиллерии, что отрицательно сказывалось на подавлении вражеской обороны и темпах продвижения пехоты. Одной из причин медленного развития успеха Ставка считала «неоперативность командования фронта в наращивании сил десанта, что не позволяло использовать выгодность его положения».[195]

Для усиления группировки наших войск, действовавшей на новороссийском направлении, в соответствии с указаниями Ставки к 15 февраля была сформирована 18-я десантная армия (командующий до 20 марта — генерал-майор К. А. Коротеев, затем — генерал-лейтенант К. Н. Леселидзе). В ее состав вошли и части, переброшенные или предназначенные к переброске на плацдарм Малая земля, а также ряд соединений и частей 56-й и [201] 47-й армий и резерва. Командующему армией был оперативно подчинен и Черноморский флот.[196]

16 февраля 1943 г. штаб 18-й десантной армии прибыл в поселок Грознефть (под Туапсе), а его оперативная группа была направлена в Геленджик для организации командного пункта и установления связи с частями, включенными в состав армии. Перед войсками армии была поставлена задача в кратчайший срок очистить от врага Новороссийск. После этого планировалось уничтожить группировку противника на Таманском полуострове и высадить оперативный десант в Крым.

Десантная армия уже 17 февраля перешла в наступление, но не смогла выполнить поставленную задачу. К этому времени немецко-фашистское командование сосредоточило под Новороссийском значительные силы. Помимо уже находившихся

там войск 17-й армии сюда были переброшены 198-я пехотная дивизия и несколько мортирных батарей. Располагая значительными силами, противник не только сумел удержать захваченную часть города и порта, но и неоднократно предпринимал попытки сбросить гарнизон Малой земли в море.

Так, во второй половине апреля командование группы армий «А» провело операцию «Нептун» с целью ликвидировать наш плацдарм южнее Новороссийска. К участию в ней были привлечены две немецкие и одна румынская дивизии (всего около 27 тыс. человек), свыше 1200 самолетов, 500 орудий и минометов, флотилия торпедных катеров. Операция готовилась весьма тщательно. Ее начало неоднократно откладывалось из-за ожидания более благоприятной погоды, чтобы можно было эффективнее использовать силы авиации. Кроме того, главнокомандование сухопутных войск считало, что к проведению операции можно приступать только после того, как войска Красной Армии будут полностью разбиты в районе станицы Крымской. Принимались также меры по блокаде плацдарма с моря. И хотя успеха в районе Крымской противнику добиться так и не удалось, операция «Нептун» началась 17 апреля массированным артиллерийским и бомбоштурмовым ударом. В первый же день в налете на плацдарм участвовало 1260 самолетов, в том числе 462 бомбардировщика, 84 штурмовика, 439 пикирующих бомбардировщиков, 255 истребителей.[197] [202]

Ценой больших потерь 17 апреля 4-й дивизии противника удалось потеснить передний край нашей обороны и захватить небольшой участок плацдарма в 1,5 км юго-восточнее Мысхако, а частям 125-й пехотной дивизии овладеть высотами северо-западнее Мысхако и прорваться вглубь на 1 км к хутору Стегнеева. Гитлеровское командование, решив развить достигнутый здесь, частный успех, перебросило на захваченный участок плацдарма части 73-й пехотной дивизии, однако упорное сопротивление войск 18-й десантной армии сорвало этот замысел. 18 апреля лишь 125-й пехотной дивизии противника удалось на правом фланге переправиться на восточный берег ручья Мысхако и захватить гору Доска, расположенную в 500 м севернее Мысхако. Достигнутые довольно скромные результаты никак не устраивали врага, поэтому, пытаясь найти выход из тупиковой ситуации, командование 17-й армии решило сосредоточить в полосе наступления 125-й дивизии (район Мысхако) ударную группу из трех дивизий. 20 апреля в 10 ч 30 мин они перешли в очередное, самое мощное наступление из района Чертовой горы. Наша авиация (около 100 самолетов)

нанесла массированный бомбоштурмовой удар по исходным позициям врага, приведший к ощутимым потерям в живой силе. Все попытки противника продвинуться вперед были безрезультатны. В бесплодных атаках, он потерял более 2,7 тыс. человек, в отдельных батальонах оставалось лишь по сотне солдат. Командование немецкой 17-й армии начало задумываться, имеет ли смысл продолжать наступление? Этот вопрос стал предметом обсуждения на различных уровнях командных инстанций. 22 апреля командиры 5-го армейского корпуса, 125-й пехотной и 4-й горнострелковой дивизий пришли к выводу, что дальнейшее наступление не приведет к успеху, и доложили свои соображения командующему группой армий. Он согласился с мнением прекратить наступательные действия на новороссийском участке фронта, но потребовал возобновить их при первых же благоприятных обстоятельствах.

Таким образом, беззаветное мужество и героизм, готовность советских воинов к самопожертвованию во имя Родины, возросшее боевое мастерство, умелое руководство войсками при отражении вражеского наступления привели к срыву операции «Нептун», которую столь тщательно готовило немецкое командование, ставя задачу ликвидировать наш плацдарм на Малой земле. [203]

Успешной обороне плацдарма в значительной степени способствовали эффективная поддержка его защитников береговой артиллерией, кораблями и авиацией, бесперебойная доставка на Малую землю силами Черноморского флота частей и подразделений, боевой техники, боеприпасов, продовольствия.

К 18 февраля на Малую землю были доставлены 83-я и 255-я бригады морской пехоты, 815-й стрелковый полк 349-й стрелковой дивизии, авиадесантный полк, 51, 107 и 165-я стрелковые бригады, 897-й горнострелковый полк 242-й горнострелковой дивизии с минометами и частью артиллерии (главным образом противотанковой), 574-й армейский полк ПВО, а 22 февраля — и 176-я стрелковая дивизия (См.: Гречко А. А. Годы войны. М., 1976. С. 486).

Доставка подкреплений и грузов не прекращалась даже в дни самых ожесточенных атак противника. Она производилась, как правило, из Туапсе и Геленджика на транспортах и боевых кораблях, а для высадки использовались мелкие плавсредства — катера, сейнеры и мотоботы. Всего за семь месяцев на Малую землю было доставлено более 78 тыс. человек, почти 600 орудий и минометов, 24 танка, 73 автомашины, более 16 тыс. т различных грузов, а вывезено около 33 тыс. человек, в том числе 24 тыс. раненых.[198] Все попытки противника нарушить морскую

коммуникацию вдоль побережья Кавказа были сорваны благодаря активным действиям надводных кораблей, береговой артиллерии и авиации.

В ограниченном воздушном пространстве действовали силы 4-й воздушной армии, некоторые истребительные полки 5-й воздушной армии и авиация ВВС флота. В дни тяжелых оборонительных боев на плацдарм под Новороссийск была переброшена и часть авиации резерва Главного Командования, что позволило изменить соотношение сил авиации в нашу пользу. С воздуха плацдарм прикрывала специальная группа истребителей, на которую возлагалась задача во взаимодействии с ВВС Черноморского флота перехватывать вражеские бомбардировщики, летевшие с Керченского полуострова к Малой земле. Принятые меры существенно понизили интенсивность боевых действий вражеской авиации. Если с 17 по 20 апреля отмечалось ежедневно по 1000–1250 самолето-вылетов противника, [204] то уже 21–22 апреля эта цифра уменьшилась вдвое (См.: Гречко А. А. Годы войны. С. 484–485).

Таким образом, план немецко-фашистского командования, рассчитанный на ликвидацию нашего плацдарма под Новороссийском путем бомбоштурмовых ударов, нанесенных авиацией, оказался несостоятельным. В приказе Военного совета Северо-Кавказского фронта отмечалось: «День 20 апреля был кульминационным моментом боев… В течение трех дней над участком десантной группы происходили непрерывные воздушные бои, в результате которых авиация противника, понеся исключительно большие потери, вынуждена была уйти с поля боя. Этим определилась и дальнейшая наземная обстановка».[199]

Защитники Малой земли надолго сковали значительные силы противника, кроме того, перед врагом всегда существовала угроза высадки других десантов в его тылу. В последующем Малая земля стала важным плацдармом для проведения операции по полному освобождению Новороссийска и Таманского полуострова.

Одной из главных задач Черноморского флота на заключительном этапе битвы за Кавказ была борьба на вражеских морских коммуникациях. Еще в январе 1943 г. командующий Закавказским фронтом приказал прервать снабжение по морю изолированной на Таманском полуострове группировки немецко-фашистских войск. А 4 февраля Нарком ВМФ уточнил эту задачу и потребовал прервать коммуникацию противника между Таманским полуостровом и Крымом. Выполняя полученные указания, Военный совет флота организовал блокаду Таманского полуострова с моря, используя для этого корабли эскадры, торпедные катера, подводные лодки и авиацию. С этой же целью

были выставлены морские дозоры в районах от мыса Тарханкут до траверза горы Опук, часть подводных лодок была развернута на подходах к Феодосийскому заливу. Авиация наносила бомбоштурмовые удары по портовым сооружениям Керчи, Тамани, Анапы и плавсредствам, находящимся в гаванях, ставили минные заграждения. За месяц она произвела около 900 самолето-вылетов. В целях осуществления блокадных действий около 100 выходов совершили надводные корабли, что заставило противника сократить морские перевозки. Но полностью прервать перевозки через Керченский пролив [205] все же не удалось. Противник был еще силен, а имеющимися силами решить эту задачу было невозможно. И все же авиация флота потопила и повредила в проливе пять паромов типа «Зибель», несколько паромов и барж подорвались на минах. Однако такие потери не смогли оказать существенного влияния на перевозки, осуществляемые противником через Керченский пролив.

Зимой же с началом ледостава враг начал испытывать серьезные трудности сначала со снабжением войск, находившихся на Северном Кавказе, а затем и с их эвакуацией. Попытки проложить в январе ледовую трассу через пролив не удались, а строительство подвесной дороги между Керченским и Таманским полуостровами затянулось до июля. Поэтому немецко-фашистское командование вынуждено было в конце января привлечь для организации перевозок транспортную авиацию — около 250 транспортных самолетов 8-го воздушного корпуса и грузовые планеры. Всего к концу февраля согласно данным трофейных документов воздушным путем противник вывез в Крым и в район Запорожья с аэродромов Краснодара, а затем Славянской, Крымской и Таманского полуострова более 82 тыс. солдат и значительное количество боевой техники.[200]

Переброска противником войск с Северного Кавказа на другие участки советско-германского фронта была вынужденной мерой, так как вермахт в это время уже повсюду ощущал острую нехватку резервов. Кроме того, в гитлеровской ставке уже вынашивался замысел операции «Цитадель» — наступления на Курской дуге. 13 марта 1943 г., т. е. более чем за месяц до издания приказа о проведении операции «Цитадель», вермахту пришлось произвести намеченное сокращение сил фронта на Кубанском плацдарме в целях высвобождения войск для группы армий «Юг»,[201] которой отводилась главная роль в готовившемся летнем наступлении. В то же время перед командованием группы армий «А» стояла задача любой ценой удержать Кубанский плацдарм и Крым. Одна транспортная авиация, конечно, не могла справиться с большим объемом

перевозок, поэтому, как только позволила ледовая обстановка, гитлеровское командование стало в возрастающих масштабах привлекать к перевозке войск и грузов десантные баржи, буксиры и лихтеры. [206]

Возможности противника в перевозке через пролив боеприпасов, горючего, продовольствия и других грузов расширились, после того как 14 июля начала работать подвесная канатная дорога между мысом Еникале и косой Чушка.

Следует признать, что требование Ставки ВГК и Наркома ВМФ пресечь силами флота и фронта коммуникации таманской группировки противника через пролив в полной мере выполнено не было. Это объясняется тем, что большая часть сил флота была задействована для обеспечения воинских перевозок и защиты собственных морских коммуникаций. К решению этих важных задач привлекались транспорты, крупные надводные корабли, тральщики, сторожевые катера, разведывательная и истребительная авиация — почти все силы и средства, которыми располагал в то время флот.

Противник, в свою очередь, пытаясь сорвать наши перевозки, развернул у кавказских портов и на морских коммуникациях подводные лодки и торпедные катера,[202] но наибольшую опасность по-прежнему представляла его авиация. Она наносила удары по портам и базам, кораблям и транспортам в море, ставила плотные минные заграждения. Только возле Геленджика, откуда в основном на Малую землю доставлялись пополнение и снабжение десантникам, в феврале — марте вражеские самолеты выставили 236 мин (ЦВМА, ф. 10, д. 5932, л. 4).

Действия противника на морских коммуникациях заставляли наше командование выделять значительные силы и средства для создания надежной противовоздушной, противолодочной, противокатерной и противоминной обороны конвоев. Кроме того, большого напряжения сил требовало снабжение войск плацдарма. Фашисты каждую ночь выпускали по местам выгрузки сотни снарядов, поэтому все рейсы кораблей и судов на Малую землю проводились под прикрытием авиации, огня корабельной и береговой артиллерии.

В целом флот успешно решал задачу обеспечения морских перевозок. Всего за первую половину 1943 г. между портами Кавказа было перевезено свыше 262 тыс. человек, 420 танков и бронемашин, около тысячи орудий, минометов и пулеметов, 48,7 тыс. т боеприпасов, 82,5 тыс. т [207] горючего, 79,5 тыс. т продовольствия и фуража и других грузов. Наиболее важной была оперативная перевозка войск в январе — феврале 1943 г., когда из Поти в Туапсе морем были переброшены 10-й гвардейский

стрелковый и 3-й стрелковый корпуса, две стрелковые дивизии. Большая часть этих соединений сразу же заняла позиции на передовых рубежах.

Значительные масштабы морских перевозок оказали существенное влияние на своевременную подготовку войск Северо-Кавказского фронта к наступательным операциям.

Чтобы вынудить противника оттянуть часть войск от Малой земли, командование Северо-Кавказского фронта приняло решение нанести в конце апреля удар силами 56-й армии из района южнее станицы Крымская. Для усиления ей были дополнительно приданы две стрелковые дивизии и две танковые бригады, а для огневой поддержки — 15 артиллерийских полков. Значительно усилена была и авиация фронта: из резерва Верховного Главнокомандования в ее состав были переданы три авиационных корпуса и истребительная авиационная дивизия (около 300 самолетов). Это позволило довести численность авиационного парка фронта (вместе с авиацией флота) до 900 самолетов и уравнять к началу наступления соотношение сил своей авиации и авиации противника. В развернувшемся вскоре грандиозном воздушном сражении на Кубани наша авиация добилась превосходства над авиацией противника. Только в воздушных боях в районе Крымской советские летчики в ходе подготовки и ведения операции сбили 286 вражеских самолетов.

Для оказания помощи командованию фронта в подготовке к наступлению и в руководстве наступательными действиями войск в штаб фронта в конце апреля прибыл представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. По его указанию были проведены мероприятия по улучшению оперативного руководства частями, укреплению органов управления опытными офицерами, пополнению соединений.

29 апреля после более чем полуторачасовой артиллерийской подготовки и массированного авиационного удара соединения и части 56-й армии перешли в наступление, прорвав оборону противника на участке Крымско-Неберджаевского оборонительного узла, а 9 мая после упорных боев овладели станицей Крымская. Противник, понеся значительные потери, отошел на заранее подготовленную [208] и сильно укрепленную вторую линию обороны. Попытки 56-й армии с ходу преодолеть ее успеха не имели, бои приняли затяжной характер. Однако развернувшиеся наступательные действия 56-й армии и достигнутый ею успех позволили защитникам Малой земли активизировать свои действия и возвратить к 30 апреля ранее утраченные позиции.

В эти дни неоднократные дерзкие вылазки в тыл противника

совершали морские пехотинцы-разведчики. Так, 1 мая отряд моряков (23 человека) под командованием капитана Д. С. Калинина высадился с двух катеров южнее Анапы. Возле Варваровки они устроили засаду и уничтожили более 150 солдат и офицеров. В жестоком бою Д. С. Калинин погиб, посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Действия разведчиков вызывали переполох во вражеском тылу, срывали переброску резервов на намеченные участки фронта. Неоценимы были и сведения об обороне противника, доставляемые разведчиками после успешных рейдов.

Благоприятная обстановка для окончательного разгрома группировки противника на Таманском полуострове сложилась в августе — сентябре 1943 г. после успешного развития Донбасской наступательной операции Юго-Западного и Южного фронтов, в ходе которой наши войска вышли на северное побережье Азовского моря.

Вступивший в командование Северо-Кавказским фронтом генерал-полковник И. Е. Петров принял решение о подготовке новой наступательной операции с целью прорвать Голубую линию[203] — сильный оборонительный рубеж врага на Кубани — и разгромить его таманскую группировку. 17 июня Ставка утвердила это решение и приказала до особого распоряжения воздержаться от активных наступательных действий, приняв все меры для безусловного удержания плацдарма в районе Мысхако.[204] [209]

Войска фронта и силы флота начали подготовку к решающему сражению, целью которого было освобождение от противника Нижней Кубани и Таманского полуострова, а в последующем — и Новороссийска. Мероприятия, связанные с подготовкой к новым наступательным действиям, были уточнены 22 августа.[205]

Обстановка на Кубани в конце августа оставалась сложной. Отойдя на рубеж лиманы Куликовский и Грущаный, реки Курка и Кубань, населенные пункты Ольховский, Плавненский, Мелеховский, Молдаванское, Верхний Адагум, Неберджаевская, гора Долгая, Адамовича балка, противник продолжал упорно сопротивляться, спешно создавая мощные оборонительные сооружения. Придавая особое значение инженерному оборудованию плацдарма, немецко-фашистское командование назначило командующим 17-й армией вместо генерала Руоффа генерала инженерных войск Енеке. Из Крыма были переброшены саперные и строительные части, специальная техника.

За короткий срок па Таманском полуострове войска 17-й армии (5-й и 44-й армейские корпуса, 49-й горнострелковый

корпус) создали систему оборонительных рубежей (с интервалом от 5 до 25 км) «Готенкопф». Передовой рубеж этой системы, получивший в нашей литературе название Голубая линия, упирался флангами в Азовское (у косы Вербяной) и Черное моря (у Новороссийска). Одним из наиболее укрепленных районов Голубой линии стал Новороссийск, превращенный гитлеровцами в мощный узел обороны с развитой системой оборонительных сооружений. Наиболее важные городские объекты были заминированы, дома превращены в узлы сопротивления, на всех улицах установлены противотанковые препятствия. Акватория порта и Цемесской бухты была также заминирована, а между западным и восточным молами установлены боносетевые заграждения.

К середине сентября в состав 17-й армии противника входили 16 пехотных дивизий, четыре отдельных полка и семь отдельных команд. Им противостояли три армии Северо-Кавказского фронта: 18-я (командующий — генерал-лейтенант К. Н. Леселидзе, член Военного совета — генерал-майор С. Е. Колонии, начальник штаба — генерал-майор Н. О. Павловский), 56-я (командующий — [210] генерал-лейтенант А. А. Гречко, член военного совета — полковник Е. Е. Мальцев, начальник штаба — генерал-майор А. А. Харитонов) и 9-я (командующий — генерал-майор А. А. Гречкин, член военного совета — полковник В. Н. Емельянов, начальник штаба — генерал-майор М. С. Филипповский).

18-я армия действовала на левом крыле фронта (от Неберджаевской до Черного моря). На Малой земле сражалась десантная группа войск в составе 20-го стрелкового корпуса (176-я пехотная дивизия, 8-я гвардейская стрелковая бригада, 83-я бригада морской пехоты), 81-й и 107-й стрелковых бригад. 56-я армия находилась в центре фронта (от Неберджаевской до Киевского), 9-я армия — от Киевского до Азовского моря. В распоряжении Северо-Кавказского фронта имелось около 300 танков и САУ, а также более 1 тыс. самолетов[206] 4-й воздушной армии и ВВС флота.

Командование фронта, всесторонне оценив географические условия возможных направлений главного удара, выбрало новороссийское. Хотя горно-лесистая местность и не позволяла применить здесь крупные силы танков и артиллерии, все же выбор этого направления давал существенные преимущества. Во-первых, представлялась возможность организовать тесное взаимодействие войск 18-й армии с силами Черноморского флота. Во-вторых, начав наступление именно здесь, можно было рассчитывать на его внезапность, так как сильно укрепленные

порт и подступы к городу враг считал неприступными и удара в этом районе не ожидал.

В то время как наши войска вели активную подготовку к прорыву Голубой линии и полному освобождению Таманского полуострова, флот готовился к высадке десанта непосредственно в Новороссийский порт. Учтя ошибки, допущенные при высадке десанта в Южной Озерейке, командование обратило особое внимание на тщательную отработку взаимодействия сил флота и войск 18-й армии.

В начале августа оперативной директивой командующего флотом вице-адмирала Л. А. Владимирского, сменившего на этом посту вице-адмирала Ф. С. Октябрьского [211] в мае 1943 г., соединениям флота была поставлена задача готовить корабли, суда и высадочные средства к десантной операции, а также провести тренировку частей и соединений, выделенных фронтом. [207]

Новороссийская операция войск 18-й армии и сил Черноморского флота была спланирована штабом Северо-Кавказского фронта как первый этап фронтовой Новороссийско-Таманской наступательной операции, целью которой было разгромить таманскую группировку противника, не дав ей отойти на Крымский полуостров.

Замыслом Новороссийско-Таманской наступательной операции предусматривалось согласованными по времени ударами войск 18-й армии и сил флота на Новороссийск, далее на Верхнебаканский и Анапу, 9-й армии — на Темрюк и Варениковскую, 56-й армии — на Гладковскую и Гостагаевскую рассечь войска 17-й армии и, отрезав пути отхода к Керченскому проливу, предотвратить ее эвакуацию в Крым.

Удар по Новороссийску должны были нанести одновременно с трех направлений — с востока (с участка фронта цементный завод «Пролетарий» — гора Сахарная Голова) — войска восточной группы 18-й армии; с юго-запада (с мысхакского плацдарма) — войска западной группы 18-й армии; с юга (с моря) — морской десант (255-я бригада морской пехоты, 393-й отдельный батальон морской пехоты, 290-й стрелковый полк НКВД и 1339-й стрелковый полк 318-й стрелковой дивизии). Всего в десант выделялось около 6500 человек, 20 76-мм и 21 45-мм орудий, 147 минометов. Высадку планировалось осуществить двумя эшелонами непосредственно в порт на широком фронте — от мыса Любви до электростанции.

Общее руководство десантной операцией возлагалось на командующего Черноморским флотом вице-адмирала Л. А. Владимирского, командиром сил высадки был назначен командир

Новороссийской военно-морской базы контр-адмирал Г. Н. Холостяков.

В условиях высадки десанта в порт использовать крупные корабли было невозможно. Поэтому в состав сил высадки включались только малотоннажные катера и плавсредства (около 150 единиц) — торпедные и сторожевые катера, мотобаркасы и др. Катера и десантные плавсредства были сведены в три отряда. Отряд обеспечения [212] высадки, состоявший из 40 единиц (из них 32 торпедных катера), включал в себя четыре группы: прорыва, атаки берега, атаки порта, прикрытия высадки с моря. Пять катеров-тральщиков, специально переоборудованных для перевозки раненых, вошли в состав отряда санитарных катеров. Для артиллерийской поддержки привлекались артиллерия 18-й армии и береговая артиллерия ВМБ (всего 208 орудий), сведенные в три группы. Кроме того, к участию в операции планировалось привлечь три эсминца, но затем от их использования отказались из-за высокой минной опасности в Цемесской бухте.

Поддержку десанта с воздуха должна была осуществлять авиагруппа из 150 самолетов (88 — от ВВС флота, 60 — от 4-й воздушной армии).

Чтобы сохранить в тайне характер предстоящей операции, в предварительном распоряжении командующего фронтом от 17 августа были определены лишь общие задачи предстоящего наступления, а местом высадки десанта указана Южная Озерейка. Срок готовности войск и плавсредств к операции был назначен на 1 сентября. Отмечалось, что конкретные задачи и план действий будут определены особым приказом.

В ходе подготовки к операции в частях и соединениях изучался опыт предыдущих десантов. Бойцы и командиры тренировались в посадке на суда, в высадке на берег и в приемах ведения боя на берегу. Отрабатывалась тактика прорыва оборонительных рубежей, готовились десантно-высадочные средства. Большое внимание было уделено подготовке береговой артиллерии: развертывались новые батареи и корректировочные посты, разрабатывались плановые таблицы стрельбы. Отрабатывались все виды обеспечения.

Подготовка к высадке морского десанта требует личного участия старших командиров буквально во всем: в учениях и тренировках, в практической отработке взаимодействия, проверке качества подготовки кораблей, в отработке тактических приемов их действий и т. п. Опыт ранее проведенных десантных действий показал, что при подготовке десанта к высадке мелочей не существует и все без исключения мероприятия надо считать

главными. Чем лучше будет натренирован личный состав кораблей и судов, десантных подразделений до начала боя, тем увереннее он будет действовать при высадке и ведении боя на берегу, а главное, доставленная боевая задача [213] будет выполнена ценою меньших потерь. Надо, чтобы каждый боец знал свое место и на десантном корабле, и в ходе боя за высадку. После высадки на берег десантники обычно действуют небольшими группами против хорошо укрепившегося и изготовившегося к бою противника, поэтому важно заранее научить бойцов и командиров использовать каждую складку местности, чтобы расчистить путь для продвижения вперед порой без пушек, танков и минометов, вести уличные бои в ночных условиях и т. д. И вполне понятен огромный объем работы, которую проводили командиры и политработники в период подготовки к этой очень ответственной и, надо сказать, весьма необычной десантной операции.

В плане фронтовой операции определялись конкретные задачи всем армиям, флоту и вновь сформированной к тому времени Азовской военной флотилии. Флотилия должна была во взаимодействии с 9-й армией высадить десант на побережье Азовского моря, чтобы отрезать пути отхода вражеских войск вдоль южного берега Темрюкского залива.

В период подготовки операции командование фронта получило сведения о том, что во второй половине августа началось движение колонн автотранспорта от линии фронта к портам Азовского моря и восточного побережья Керченского пролива.[208] Из этого оно сделало вывод, что неприятель приступил к планомерному отводу части сил с некоторых участков фронта. По данным разведки фронта, к 27 августа противник в составе 17-й армии имел только 12 дивизий и несколько отдельных частей вместо отмечавшихся ранее 17 дивизий.

Как стало известно позже, официально отвод войск 17-й армии с Кубанского плацдарма в Крым через Керченский пролив был санкционирован приказом немецко-фашистского командования от 4 сентября 1943 г. якобы для того, чтобы «высвободить соединения для решения других задач».[209] Изуверская сущность фашизма в полной мере проявилась и в данном приказе. В нем гитлеровским войскам предписывалось при отходе разрушать все жилые здания, постройки, плотины, портовые и нефтепромысловые сооружения и пр. «Противнику, — указывалось в приказе, — должна достаться на длительное время полностью непригодная для использования и жилья [214] пустыня, где на протяжении месяцев будут взрываться мины»

(«Совершенно секретно! Только для командования!» С. 527). Подробный план осуществления этого варварского замысла командующий группой армий «А» должен был представить в ставку к 10 сентября. Но истории суждено было распорядиться по-иному: именно в этот день наши войска перешли в наступление на новороссийском направлении.

Командование фронта и флота не обольщалось надеждой на достижение легкого успеха в предстоящей операции. В районе Новороссийска немецко-фашистское командование сосредоточило немецкие 73-ю пехотную, 4-ю горнострелковую и 101-ю легкопехотную дивизии, румынскую 1-ю горнострелковую дивизию. В резерве находилась немецкая 125-я пехотная дивизия. Подступы к городу, его кварталы и порт представляли собой единую систему обороны как с суши, так и с моря. Противник построил здесь около 500 различных оборонительных сооружений, оборудовал хорошо защищенные артиллерийские и минометные позиции, доты и дзоты, выставил более 30 тыс. мин и фугасов, на входе в бухту установил боносетевое и минные заграждения. Кроме того, подходы к порту со стороны моря прикрывали береговая артиллерия, многочисленные минометные и пулеметные точки.

Чтобы сломить столь мощную оборону, недостаточно было только создать превосходство в силах на главных направлениях удара, тщательно продумать всю организацию операции и спланировать тесное взаимодействие участвовавших в ней сил. Надо было придать личному составу соответствующий боевой настрой. На это ориентировалась партийно-политическая работа, активно и целеустремленно проводившаяся командирами, политорганами, партийными и комсомольскими организациями во всех соединениях, частях и на кораблях. С этой целью проводились партийные и комсомольские собрания. Политработники, парторги, комсорги и агитаторы получали рекомендации, как организовать партийно-политическую работу на переходе к пунктам высадки и в бою. Моряки-агитаторы выступали в общевойсковых частях и делились опытом, приобретенным в десантных операциях. Перед посадкой в частях и на кораблях выступили командующие фронтом, 18-й армией, флотом, члены Военных советов и другие руководящие работники. [215]

Накануне начала операций в газете «На страже» было опубликовано письмо Агнии Ивановны Мерзляковой, адресованное боевым друзьям ее погибшего сына Геннадия. Это материнское письмо, написанное простой русской женщиной, превратилось в документ огромной мобилизующей силы,

вызывавшей жгучую ненависть к врагу. Его до сих пор нельзя читать без волнения.

«Дорогие мои сыны! — писала Агния Ивановна. — Весть о геройской гибели моего родного и любимого сына принесла мне много горя. Я оплакиваю своего погибшего сына. Утрата для меня велика. Мое материнское сердце разрывается от боли. Если б вы знали только, как кипит моя ненависть к подлым фашистам, которые оборвали молодую жизнь моего милого сына! Утрата для меня тяжелая, но я горжусь сыном. Горжусь потому, что он погиб как герой. Он любил меня, но он любил и свою Родину, которая дала ему воспитание, выковала в нем храбрость и отвагу для того, чтобы Родина была свободной. Многие преданные Родине патриоты жертвуют своими жизнями, среди этих патриотов и мой сын. Так отомстите же, сыны мои, за смерть вашего боевого друга, за мое горе и слезы, за все злодеяния, которые творят фашисты на нашей земле!.. Будьте храбрыми в боях с врагом! Уничтожайте его беспощадно!.. Пусть мои старческие слезы и горе матери вдохновляют вас на невиданный героизм!».[210]

Высокий наступательный порыв, охвативший воинов перед штурмом Новороссийска, нашел отражение в клятве, принятой перед высадкой десанта. Вот ее текст: «Идя в бой, мы даем клятву Родине в том, что будем действовать стремительно и смело, не щадя своей жизни ради победы над врагом. Волю свою, силы свои и кровь свою, капля за каплей, мы отдадим за счастье нашего народа, за тебя, горячо любимая Родина… Нашим законом есть и будет движение только вперед!».[211]

Подготовка войск ж сил флота к операции была закончена в назначенные сроки. Корабли и суда с десантом вышли из Геленджика в ночь на 10 сентября. В целях обеспечения скрытности перехода самолеты МБР-2 совершали полеты вдоль побережья, занятого противником, артиллерия 18-й армии вела вялую контрбатарейную стрельбу: шум авиационных моторов и разрывы снарядов [216] заглушали шум двигателей катеров и самох&дных плавсредств.

В 2 ч 30 мин авиация 4-й воздушной армии и ВВС флота нанесла массированный бомбовый удар по переднему краю обороны противника, артиллерийским батареям, огневым точкам, прожекторам и другим объектам. В 2 ч 44 мин началась мощная артиллерийская подготовка. В 2 ч 45 мин торпедные катера групп прорыва и атаки берега под командованием капитана 2 ранга В. Т. Проценко и капитана 3 ранга Г. Т. Дьяченко атаковали торпедами [217] вражеские огневые точки на молах и на побережье — на участках от мыса Любви до корня западного мола, от электростанции до корня восточного мола. Другие

катера (командир — старший лейтенант А. А. Куракин) высадили на молы штурмовые группы, подорвали боносетевые заграждения и дали сигнал «Проход в порт открыт» торпедным катерам группы атаки порта.

В 2 ч 56 мин торпедные катера под командованием капитан-лейтенанта А. Ф. Африкаиова, несмотря па интенсивный минометно-артиллерийский и пулеметный огонь, на полном ходу ворвались в порт и нанесли торпедный удар по причалам и запланированным местам высадки десанта, где располагались огневые точки противника. В результате этой атаки было уничтожено около десяти дотов и дзотов, были повреждены девять огневых точек и прожектор, что способствовало успешному прорыву в Новороссийский порт торпедных и сторожевых катеров, мотоботов и мотобаркасов с частями первого эшелона десанта.

С подходом кораблей и судов к пунктам высадки в 3 ч 00 мин огонь артиллерии и минометов был перенесен в глубь вражеской обороны. Конечно, в течение шестнадцатиминутной артиллерийской подготовки подавить всю разветвленную систему огневых точек противника было невозможно.

В числе первых высадку десанта на причалы начали сторожевые катера группы капитана 3 ранга Н. И. Сипягина. Первый эшелон высадился менее чем за 2 ч (с 3 ч 09 мин до 4 ч 55 мин): морские пехотинцы 255-й бригады — у входа в порт и на западный берег бухты (возле мыса Любви и Холодильника), бойцы 393-го отдельного батальона морской пехоты и батальона 290-го стрелкового полка НКВД — на северо-западное побережье (центральная часть порта, районы Старопассажирской и Лесной пристаней), воины подразделений 1339-го стрелкового полка 318-й стрелковой дивизии — на северо-восточное побережье (Импортная пристань, электростанция). Всего за этот короткий срок был высажен 4181 человек.[212]

Из состава второго эшелона десанта в темное время суток удалось высадить с санитарных катеров в район цементного завода «Пролетарий» только 370 человек. С [218] наступлением рассвета переброска десанта по акватория Цемесской бухты стала невозможной из-за сильного огневого противодействия противника.

Бой за высадку сразу же приобрел ожесточенный характер. В особенно тяжелом положении оказались подразделения 255-й бригады морской пехоты, так как именно в районе ее высадки противник, ожидая удара со стороны мысхакского плацдарма, сосредоточил основные резервы. Десантники, расчлененные на отдельные, изолированные друг от друга группы, не сумели

закрепиться на берегу. В течение дня они отбили пять сильных атак противника, поддерживаемого танками и огнем штурмовых орудий. Из-за выхода из строя раций нарушилась связь с командованием Новороссийской военно-морской базы и бригада была лишена возможности вовремя получать авиационную и артиллерийскую поддержку. Десантники стали пробиваться в район Станички, Старопассажирской и Лесной пристаней. К исходу 10 сентября часть сил бригады соединилась с войсками, перешедшими в наступление с мысхакского плацдарма, а другие группы морских пехотинцев пробились в расположение 393-го отдельного батальона морской пехоты и батальона 290-го стрелкового полка НКВД.

Здесь обстановка тоже была сложной. Морским пехотинцам и бойцам батальона НКВД, вооруженным лишь автоматами и гранатами, пришлось сдерживать яростные атаки противника, поддерживаемого артиллерией и танками. Бой шел за каждый дом. 35 моряков под руководством командира батальона капитан-лейтенанта В. А. Ботылева держали круговую оборону в клубе, группа морских пехотинцев под командованием начальника штаба батальона капитан-лейтенанта А. В. Райкунова — возле здания вокзала. Замполит батальона находился там, где обстановка была наиболее напряженной, словом и личным: примером вдохновляя моряков.

Морские пехотинцы, верные данной клятве, вели с беспримерной отвагой бой с врагом. В районе Импортной пристани взвод моряков-черноморцев наткнулся на заминированное проволочное заграждение, обойти которое было невозможно. Тогда вперед, на колючую проволоку бросился матрос Иван Прохоров. Ценой своей жизни он проделал проход в заграждении и обеспечил успех боевым товарищам. Умирая, он сказал: «Просите командира базы и начальника политотдела, чтобы меня считали коммунистом [219] и сообщили родным, что я погиб за великое дело»[213]

Без промаха бил врага снайпер старшина 1-й статьи Ф. Я. Рубахо. На его боевом счету было уже 276 уничтоженных гитлеровцев, а за четыре дня боев в Новороссийске он истребил еще 47 фашистов.[214] Только после третьего тяжелого ранения Ф. Я. Рубахо отправили в госпиталь, где он скончался. За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, 22 января 1944 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Имя старшины 1-й статьи Ф. Я. Рубахо навечно занесено в списки одной из частей Черноморского флота.

Исключительную стойкость и мастерство проявил корректировщик Бурунов. Он точно корректировал огонь наших

батарей по танкам и огневым точкам врага. Благодаря его умелым действиям было уничтожено и подбито семь танков противника. Получив ранение, мужественный боец покинул корректировочный пост только после того, как танковая атака была отбита.[215]

255-я бригада морской пехоты и 393-й отдельный батальон морской пехоты отвлекли на себя значительные силы врага, что позволило 1339-му стрелковому полку отбить все контратаки. Учитывая сложившуюся обстановку, командующий фронтом 10 сентября приказал второй эшелон десанта направить на усиление этого полка и во что бы то ни стало прорвать оборону в районе цементного завода «Пролетарий».[216] Противнику так и не удалось выбить морских пехотинцев и бойцов батальона НКВД с захваченных позиций.

В ночь на 11 сентября были высажены основные силы второго эшелона десанта (2602 человека). 1339-й стрелковый полк, усиленный частями второго эшелона, к утру 11 сентября захватил цементный завод «Пролетарий», чем создал благоприятные условия для прорыва фронта. Около 6 ч с ним соединились войска 18-й армии и развили дальнейшее наступление на поселок Мефодиевский. 393-й батальон морской пехоты и батальон НКВД, сдержав натиск врага, 14 сентября при поддержке артиллерии и авиации также перешли в наступление, прорвали оборону [220] неприятеля и соединились с восточной группой войск 18-й армии. Начались упорные уличные бои, продолжавшиеся двое суток. Они прекратились после того, как в ночь на 16 сентября западная группа войск 18-й армии с плацдарма Малая земля прорвала оборону противника в районе Станички. К 10 ч 16 сентября порт и город Новороссийск были полностью очищены от немецко-фашистских захватчиков.

Войска Красной Армии, развивая успех, без оперативной паузы продолжали наступление в направлении Верхнебаканский, в тыл вражеской группировки, оборонявшейся на рубеже Голубая линия.

16 сентября столица нашей Родины Москва и корабли Черноморского флота салютовали доблестным войскам Северо-Кавказского фронта и морякам Черноморского флота, полностью освободившим Новороссийск. Приказом Верховного Главнокомандующего 83-й бригаде морской пехоты, 393-му отдельному батальону морской пехоты, 2-й бригаде торпедных катеров, 1-му и 4-му дивизионам сторожевых катеров, 11-й штурмовой авиационной дивизии ВВС Черноморского флота, 1-му гвардейскому отдельному артиллерийскому дивизиону и 251-му отдельному подвижному артиллерийскому дивизиону было

присвоено почетное наименование Новороссийских.[217]

В ходе Новороссийской десантной операции наши войска нанесли серьезное поражение немецкой 17-й армии. Эта операция явилась ярким примером тесного взаимодействия сил армии и флота при прорыве мощной обороны противника на приморском направлении. Ее успех в значительной мере был предопределен тщательной разведкой вражеской обороны, детальной разработкой плана операции и четким взаимодействием войск и сил флота, их всесторонней подготовкой к наступательным действиям, правильным выбором района высадки. Одновременная и внезапная высадка десанта на широком фронте застала фашистов врасплох и заставила их рассредоточить свои силы. Части и соединения десанта в течение всей операции непрерывно поддерживались огнем артиллерии и действиями авиации. Господство в воздухе нашей авиации не позволило самолетам противника нанести массированные бомбоштурмовые удары. Кроме того, успешным действиям десанта способствовали гибкое и непрерывное [221] управление боем за высадку и ходом операций в целом, а также хорошо организованное оперативное, специальное, материальное и техническое обеспечение войск.

Новороссийская десантная операция еще раз подтвердила важную закономерность, присущую совместным действиям войск фронта и десантных сия флота и заключающуюся в том, что успех боевых действий на плацдарме во многом зависит от правильного выбора момента взламывания вражеской обороны и перехода войск в наступление с сухопутных направлений. Из-за невыполненной частями 18-й армии задачи прорыва фронта с началом операции соединения десанта 10 сентября оказались в очень тяжелом положении, и только поддержка вовремя переброшенного второго эшелона десанта позволила им обрести необходимую боевую устойчивость, отразить атаки противника и развернуть наступление.

В то время, когда на новороссийском направлении боевые действия достигли наивысшего напряжения, в наступление перешли также войска 9-й (11 сентября) и 56-й (14 сентября) армий. Однако существенных результатов им удалось добиться лишь после того, как 16 сентября была разгромлена новороссийская группировка противника. Оказавшись перед угрозой выхода наших войск во фланг и тыл 17-й армии, немецко-фашистское командование 15 сентября отдало приказ об отводе войск центра и правого крыла фронта с рубежей Голубой линии.

Кроме десанта, высаженного непосредственно в Новороссийский порт, в ходе Новороссийско-Таманской наступательной операции Азовская военная флотилия высадила

тактические десанты в тыл и во фланги противника — в районе Темрюка, Благовещенской и озера Соленое, а также десантные группы морской пехоты Черноморского флота у Анапы и на косу Чушка в Керченском проливе. Их общая численность достигала почти 8,5 тыс. человек. Следует подчеркнуть, что Черноморский флот и Азовская военная флотилия, оказывая активное содействие войскам, одновременно вели эффективную борьбу на морских коммуникациях, потопив за это время более 50 кораблей и судов противника.

К концу сентября войска Северо-Кавказского фронта оттеснили вражеские войска на Тамань, а 9 октября завершили полное освобождение полуострова.

За героизм и умелые действия почти пятьдесят соединений и частей армии и флота были удостоены почетных наименований Новороссийских, Таманских, Темрюкских, [222] Анапской и Кубанских или переименованы в гвардейские. Эти отличия были добыты воинами армии и флота в тяжелых сражениях и боях.

Отмечая успехи, достигнутые войсками Северо-Кавказского фронта и силами флота на завершающем этапе битвы за Кавказ, нельзя не отметить, что задача, поставленная Ставкой Верховного Главнокомандования, помешать противнику эвакуировать основные силы 17-й армии с Таманского полуострова в Крым была выполнена не полностью. Командование Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота, по всей вероятности, недооценило силы врага и не использовало все возможности для их полного разгрома. Авиацию фронта, по-видимому, готовили для участия в боевых действиях при высадке десанта на Керченский полуостров, а авиацию ВВС флота использовали главным образом для нанесения ударов по сухопутным войскам, вместо того чтобы перенацелить ее на срыв эвакуации немецко-фашистских войск с Таманского на Керченский полуостров. Торпедные катера и незначительная часть (около одной трети) штурмовой авиации ВВС флота задачу срыва переправы противника через Керченский пролив своими силами решить, конечно, не могли.

Используя различные виды транспортных средств, противнику удалось вывезти с Таманского полуострова значительное количество войск, боевой техники и военного снаряжения. Тем не менее в ходе Новороосийско-Таманской наступательной операции ему был нанесен существенный урон: вермахт потерял убитыми и ранеными около 58 тыс. солдат и офицеров, не считая уничтоженных на переправах; наши войска захватили 337 орудий, 229 минометов, 719 пулеметов, 184 склада с боеприпасами и военным имуществом и другие трофеи.[218]

После завершения Новороссийско-Таманской операции сложились благоприятные условия для проведения операции по освобождению Крыма, в которой существенную роль сыграла Азовская военная флотилия. [223]

Глава седьмая. Вновь на Азовском море

В ходе Северо-Кавказской наступательной операции в конце января — начале февраля 1943 г. войска Северо-Кавказского фронта нанесли существенное поражение отступающим частям 1-й танковой армии противника. Наша 58-я армия вышла к Таганрогскому заливу и 5 февраля освободила Ейск, а 10 февраля Приморско-Ахтарскую. 44-я армия и конно-механизированная группа к 5 февраля подошли к Ростову-на-Дону с юга. В ходе дальнейшего наступления наши войска 7 февраля освободили от немецко-фашистских захватчиков Азов, 14 февраля — Ростов. Таким образом, к середине февраля все восточное побережье Азовского моря было очищено от вражеских войск и создались условия для развертывания деятельности сил флота на этом закрытом морском театре.

В предвидении скорого выхода войск Красной Армии на Азовское побережье Народный комиссар Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов еще 3 февраля 1943 г. подписал приказ, в котором обязал Военный совет Черноморского флота сформировать Азовскую военную флотилию. В состав флотилии предписывалось включить Отдельный дивизион канонерских лодок («Красная Абхазия», «Красная Грузия», «Красный Аджаристан»), монитор «Железняков», сторожевой корабль «Кубань», три болиндера, [224] дивизион тральщиков (6 единиц), дивизион катеров-тральщиков (14 единиц), дивизион сторожевых катеров (18 единиц), два дивизиона бронекатеров (28 единиц), а также три отдельных зенитных артиллерийских дивизиона (восемь батарей — тридцать два 85-мм орудия), Ейский сектор береговой обороны, четыре подвижные батареи (шесть 76-мм, четыре 122-мм и четыре 152-мм орудия), тыловые органы и службы. Корабельный состав должен был пополняться за счет строившихся катеров, соединений Черноморского флота, Каспийской и Волжской военных флотилий. В тот же день был отдан приказ флоту образовать Керченскую военно-морскую базу.[219] 8 февраля Военный совет флота решил сформировать командование Азовской военной флотилии, штаб, корабельные и береговые части.

Чтобы как можно быстрее создать флотилию, к ее формированию были привлечены некоторые управления, службы, командиры соединений и частей флота. Так, командир главной военно-морской базы Черноморского флота в Поти занимался

формированием частей береговой и зенитной артиллерии. На него же на первых порах возлагалась приемка прибывающих с Каспия бронекатеров и малых охотников за подводными лодками. Управление связи флота комплектовало участки службы наблюдения и связи (СНиС), тыл флота — командование тыла флотилии, различные мастерские и т. д. Формирование частей и подразделений флотилии производилось в Поти, Сухуми, Очемчири, Туапсе. Организационные указания по всем вопросам формирования были отработаны штабом флота, а реализация их возложена на только что созданные командование, штаб и политотдел флотилии (командующий контр-адмирал С. Г. Горшков, начальник политотдела — капитан 1 ранга С. С. Прокофьев, начальник штаба — капитан 2 ранга А. В. Свердлов).

1 марта оперативная группа штаба, политотдела, тыла, отделения связи и инженерного отделения прибыла в главную базу флотилии Ейск. Основная же часть офицеров штаба во главе с А. В. Свердловым и тыловые учреждения остались в Поти для непосредственного руководства дальнейшим формированием частей флотилии, которые по мере готовности направлялись в Ейск.

Вскоре возникла необходимость создания дополнительных формирований. Так, уже 16 февраля командующий [225] флотом приказал создать маневренную базу в Азове, а 29 марта — Отдельный Кубанский отряд кораблей флотилии (к 20 апреля) в составе дивизионов бронекатеров (12 единиц) и полуглиссеров (4 единицы). Часть бронекатеров находилась еще в постройке или в ремонте в Гурьеве и поступление их ожидалось только в мае — июне.[220] Тыловое хозяйство отряда развертывалось в Краснодаре. Но вскоре стало ясно, что этот отряд принесет больше пользы не на Кубани, а на Азовском море, поэтому 24 мая было принято решение перебазировать его в Азов и переименовать в Отдельный отряд кораблей флотилии (ООК). Командиром отряда был назначен капитан 3 ранга Ф. В. Тетюркин, заместителем по политчасти — капитан-лейтенант П. Н. Денисенко, начальником штаба — старший лейтенант Д. П. Богачев.[221] И в дальнейшем, по мере освобождения побережья Азовского моря, создание новых соединений и частей флотилии продолжалось.

К 20 февраля в Ейске и в Поти уже находились завершившие формирование основные органы управления флотилии, штаб, тыловые учреждения и части флотилии, в том числе Ейский сектор береговой обороны, гидрографический район, управление 12-го дивизиона сторожевых катеров и его береговая база, полуэкипаж флотилии, 384-й отдельный батальон морской

пехоты (командир — майор Ф. Е. Котанов, заместитель командира по политчасти — капитан С. В. Аряшев, начальник штаба — лейтенант П. С. Пономарев), управление 212-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона и некоторые другие подразделения.[222]

Весной 1943 г. обстановка на южном фланге советско-германского фронта, примыкающего к Азовскому морю, складывалась следующим образом. В начале марта на северном побережье Азова противник отошел на линию реки Самбек, река Миус, на подходах к Таманскому полуострову — на линию коса Вербяная, Ачуевские плавни. Здесь он создал мощные оборонительные рубежи, разветвленную систему противодесантной обороны. Время от времени неприятель пытался вести активные действия и высаживать па освобожденное нами побережье разведывательные группы. [226]

Противник, по данным нашей разведки, имел на Азовском море несколько тральщиков, более десятка сторожевых и патрульных катеров, свыше полусотни вооруженных малотоннажных судов, а также более 20 быстроходных десантных барж (БДБ).[223] Баржи предназначались для перевозки войск и боевой техники. Часть из них могла принять 4 средних танка или 8–12 автомашин. Вооружались эти БДБ одним 75-мм или 37-мм орудием, двумя зенитными пулеметами или 20-мм автоматическими пушками. БДБ другого типа были приспособлены для перевозки войск и могли принимать до 400 десантников. Они имели на вооружении до трех 88-мм и 75-мм орудий, два зенитных пулемета или 20-мм автоматические пушки. Таким образом, БДБ представляли собой не только хорошо вооруженные десантные средства, но и универсальные, маневренные боевые корабли с малой осадкой. Флотилия к тому времени, к сожалению, еще не могла противопоставить им необходимое количество боевых кораблей и даже катеров.

Основной задачей флотилии стала защита побережья от возможной высадки десанта. Опасность высадок десантных групп была совершенно реальной, так как противник имел для этого необходимые силы и средства, а географические условия благоприятствовали решению подобной задачи. По оценке штаба флотилии, которую разделял и штаб фронта, немецко-фашистское командование еще не отказалось от мысли удержать богатые земли Кубани и предгорного Кавказа. Об этом свидетельствовало и упорное сопротивление вражеских войск в районе Новороссийска и на Таманском полуострове, а также активное строительство оборонительных рубежей.

Исходя из сложившейся оперативной обстановки перед

органами управления, службами и силами флотилии были поставлены задачи: одновременно с формированием частей организовать противодесантную оборону побережья; организовать и отработать взаимодействие с частями Красной Армии, выделенными для обеспечения противодесантной обороны; восстановить плавсредства, оставшиеся в Азове, Ейске, Приморско-Ахтарской; определить режим рыбной ловли и плавания судов.[224]

К противодесантной обороне побережья протяженностью [227] до 400 км командование фронта привлекло 89-ю и 414-ю стрелковые дивизии 46-й армии.[225] Естественно, Военный совет флотилии принял срочные меры по установлению связи с их командирами и по организации взаимодействия флотилии с войсками при решении этих задач. С 11 марта в соответствии с директивой командующего фронтом ответственность за оборону побережья от населенного пункта Маргаритовка (около Чимбурской косы) до мыса Ачуевский была возложена на командующего Азовской военной флотилией, которому в оперативное подчинение передавались 89-я и 414-я стрелковые дивизии, 1174-й истребительный противотанковый артиллерийский полк,[226] дислоцировавшиеся на побережье.[227]

В тот же день командующий флотом приказал разработать план взаимодействия флотилии с оперативно подчиненными войсками. При проверке системы обороны побережья выяснилось, что она организована по типу полевой обороны без учета особенностей побережья, а также мест, удобных для высадки вражеских десантов. Малочисленные части дивизий были равномерно рассредоточены по всему восточному побережью и в случае фактической высадки десанта не могли оказать ему серьезного сопротивления. Эти недостатки были учтены при совместной разработке штабами флотилии, 89-й и 414-й стрелковых дивизий плана взаимодействия, который 14 марта был представлен Военному совету Северо-Кавказского фронта. После его рассмотрения командующий фронтом поставил перед флотилией следующие задачи: обнаруживать и уничтожать десанты противника на переходе морем и при подходе к берегу; организовать оборону военно-морской базы во взаимодействии с 46-й армией; установить и в последующем регулировать режим плавания судов и рыбной ловли у побережья; обеспечить морские перевозки для 58-й армии.[228]

Таким образом, уже с первых дней существования воссозданной Азовской флотилии ее руководству пришлось заняться прежде всего вопросами организации совместных действий с сухопутными войсками. В развитие оперативной

директивы штаба фронта 4 апреля были определены [228] схема построения противодесантной обороны, границы действий частей флотилии, 89-й и 414-й стрелковых дивизий, 1174-го истребительного противотанкового артиллерийского полка, частям и соединениям поставлены задачи.

На 89-ю стрелковую дивизию возлагалась оборона побережья на участке Маргаритовка — населенный пункт Трофимов, на 414-ю — на участке Трофимов — мыс Ачуевский. Реорганизованная оборона представляла собой взаимосвязанную систему узлов сопротивления и опорных пунктов в местах, которые могли бы быть использованы противником для высадки десанта. Здесь было сосредоточено до 60 % всей артиллерии. Для усиления обороны Ейска выделялись три батареи 1174-го истребительного противотанкового артиллерийского полка, а Приморско-Ахтарской — две батареи. Для быстрого наращивания сил против морского десанта были созданы маневренные группы (в дивизиях — по усиленному полку, в полках — по батальону), а для противодействия воздушному десанту — подвижные отряды (в составе не менее роты на каждом боевом участке). В марте — апреле были отработаны вопросы взаимодействия всех сил, привлекаемых к противодесантной обороне, и разработана соответствующая документация.[229]

Одновременно с организацией системы обороны побережья командованию, политотделу и штабу флотилии надо было заниматься развертыванием средств связи, постов СНиС, ремонтом плавсредств, контролем за ходом работ по восстановлению железной дороги и оборудованием мест спуска на воду доставленных по ней катеров, подготовкой аэродромов, помещений для формирующихся частей, обследованием побережья и акватории в районе базы и т. п. К началу навигации необходимо было подготовить флотилию к боевым действиям.

Ввиду недостаточного количества кораблей специальной постройки для решения стоящих перед флотилией задач к концу марта были мобилизованы и вооружены девять сейнеров и три катера. Велись также работы по обследованию и подъему затонувших судов.[230] Нужно отдать должное экипажам, рабочим и инженерам судоремонтных мастерских, которые вместе с моряками флотилии поистине героическими усилиями сумели в весьма [229] короткие сроки подготовить рыболовные суда и портовые плавсредства к несению дозорной службы и обеспечению прибрежных перевозок.

28 марта на Ейский аэродром перебазировались семь самолетов У-2 из состава ВВС Южного фронта. Таким образом, к концу марта командование флотилии уже располагало

небольшими силами, позволявшими контролировать обстановку и обеспечивать боевые действия в прибрежной зоне.

30 марта из штаба Северо-Кавказского фронта было получено сообщение, что в 12 км западнее Черноерковской противник высадил с семи катеров около 200 автоматчиков в тыл частей 58-й армии. Перед силами флотилии была поставлена задача уничтожить вражеский десант.[231] С получением этого донесения командиру 414-й стрелковой дивизии было приказано немедленно направить конную разведку по маршруту Садки, Ачуев и далее на юг, высадить разведгруппу в район Сладковского для обследования прибрежного района, подготовить ударный отряд численностью не менее 250 человек для переброски на плавсредствах. Разведгруппа, высаженная с сейнера «Рационализатор», 1 апреля обнаружила дозорные катера и десант противника в 20 км южнее Сладковского. На следующий день утром сюда на двух сейнерах, мотоботе и пяти несамоходных ботах были доставлены две роты пехотинцев с одним 45-мм орудием, шестью противотанковыми ружьями, девятью ручными и одним станковым пулеметами. Переброска их морем позволила в короткий срок ликвидировать десантную группу противника, так как явилась для него полной неожиданностью.

Борьба с десантом в районе Сладковского еще раз доказала необходимость пристального внимания к организации противодесантной обороны. В начале апреля была произведена тщательная проверка состояния обороны побережья, освобожденного нашими войсками, и выявлены существенные недостатки в создании оборонительных рубежей, развертывании огневых точек, организации системы оповещения и связи. Для решения всех этих вопросов срочно были приняты соответствующие меры.[232]

Боевым распоряжением определялись меры по повышению боевой готовности частей, обороняющих побережье, [230] а также по организации дозорной службы ни море. Из-за недостатка сил в то время корабельные подвижные дозоры выставлялись только на направлениях наиболее десантоопасных участков, на подходах к Ейску и Приморско-Ахтарской. В остальных районах дозор несли маломореходные рыболовные суда, вооруженные пулеметами и противотанковыми ружьями. Чтобы своевременно предупредить силы флотилии о появлении противника с моря, на подходах к портам, рейдам и на косах были развернуты 15 постов наблюдения и связи.[233]

В апреле — мае флотилия быстро набирала силы. 4 апреля в Ейск по железной дороге прибыли первые пять сторожевых

катеров типа МО, на следующий день их уже спустили на воду. В мае флотилия пополнилась 12 бронекатерами, 7 катерами-тральщиками, 2 торпедными катерами с реактивными установками, 12 полуглиссерами.[234] В конце мая были сформированы три батареи 135-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона (десять 85-мм орудий); две из них дислоцировались в Ейске, одна — в Приморско-Ахтарской. Из мобилизованных сейнеров был создан 11-й дивизион катеров-тральщиков (5 единиц). Вскоре в него вошли и другие сейнеры, переоборудованные в тральщики. При штабе флотилии сформировали авиационное звено связи (3 самолета).[235]

Пополнение флотилии корабельным составом продолжалось и в дальнейшем. В период с 25 июля по 25 декабря она получила еще 28 бронекатеров, 5 малых охотников за подводными лодками, 4 торпедных катера, 12 катеров-тральщиков, 3 минных катера, 12 десантных ботов и 12 самоходных тендеров.[236] Это позволило создать в октябре 1943 г. уже целое корабельное соединение — бригаду бронекатеров. Гордостью флотилии стал прославившийся в боях под Сталинградом 1-й гвардейский дивизион бронекатеров, прибывший с Волги 2 октября 1943 г.

В июне-августе флотилия пополнилась и артиллерийскими батареями, в ее состав влились 369-й и 384-й отдельные батальоны морской пехоты. В оперативное подчинение ей были переданы 23-й штурмовой авиационный полк (20 Р-10, 12 Ил-2), 2-я авиаэскадрилья 47-го штурмового [231] авиационного полка авиации флота (семь Ил-2), располагавшиеся на аэродроме в районе Ейска, а также 18-я авиаэскадрилья 119-го морского разведывательного авиационного Краснознаменного полка (пять МБР-2), которая базировалась на Тщикском водохранилище. В целях лучшей организации взаимодействия авиационных частей их было решено объединить в авиационную группу флотилии (командир — майор М. В. Матерухин),[237] что значительно расширило боевые возможности флотилии. Однако отсутствие в ее составе истребителей затрудняло ведение разведки портов, занятых противником, и нанесение днем бомбоштурмовых ударов по его морским коммуникациям.

Заблаговременно формировались подразделения будущих военно-морских баз, которые предполагалось образовать в Мариуполе и Осипенко.

Из выделенных флотилии шести бронемашин был создан разведывательный отряд при штабе флотилии.[238] Пополнение новыми силами и средствами свидетельствовало о том, что Наркомат ВМФ, командование фронта и флота придают большое значение роли флотилии в боевых действиях на южном фланге

советско-германского фронта.

Вопрос о повышении эффективности боевого применения сил флотилии, ее оперативной подчиненности неоднократно рассматривался на уровне Ставки Верховного Главнокомандования. Так, в апреле 1943 г. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в докладе Ставке о планируемых боевых действиях по разгрому противника на Таманском полуострове высказал мысль о необходимости установить двойную подчиненность флотилии Северо-Кавказскому и Южному фронтам. В последующем ее оперативная подчиненность определялась Ставкой с учетом данного предложения и в соответствии с обстановкой, складывавшейся на приморском фланге фронта. Это позволило более полно использовать боевые возможности сил флотилии в наступательных операциях фронтов (Со 2 сентября флотилия оперативно подчинялась командующему Южным фронтом, с 19 сентября — командующему Северо-Кавказским фронтом. В подчинении Южного фронта оставались вновь созданные Мариупольская и Осипенковская (Бердянская) военно-морские базы (ЦВМА, ф. 175, д. 10235, л. 27).), [232] так как важнейшей ее задачей по-прежнему оставалась высадка тактических десантов в целях содействия приморским флангам армий.

Первый такой десант был высажен на южном побережье моря в районе Вербяной косы. В его задачу входило оказать поддержку наступлению находящихся на приморском фланге частей 9-й армии, так как местность изобиловала плавнями и лиманами, затруднявшими продвижение наших войск.[239] В ночь на 1 мая 1943 г. в районе Ачуева сторожевые катера № 0112 и 0712 под командованием капитан-лейтенанта А. П. Кудинова приняли на борт около 200 десантников из состава 41-й стрелковой дивизии НКВД. С подходом катеров к назначенному району по ним открыли огонь вражеская береговая артиллерия и сторожевой катер. Ответным огнем наши катера подавили огонь береговой артиллерии и повредили катер противника, вынудив его выброситься на отмель. Несмотря на то, что наши корабли также получили повреждения, а несколько человек были ранены, к 3 ч утра высадка десанта была успешно завершена. С наступлением рассвета катера и десант прикрыли с воздуха истребители 8-й воздушной армии. Кажется, небольшой десант, но и он потребовал организации четкого управления и всестороннего обеспечения, а в результате десантники оттянули на себя часть сил противника, что позволило 9-й армии перейти в наступление и освободить значительную территорию Вербяной косы.

Продвижение войск армии вдоль побережья поддерживал

дивизион полуглиссеров (8 единиц), переброшенный из Краснодара. Они действовали в плавнях, на мелководье, т. е. там, где не могли пройти катера с большей осадкой. Полуглиссеры использовались для поддержки пулеметным огнем подразделений войск, наступавших вдоль берега, для ведения разведки, перевозки личного состава, доставки боеприпасов, эвакуации раненых.

Активные боевые действия сил флотилии создали реальную угрозу вражеским морским коммуникациям, соединявшим Мариуполь и Осипенко с Керчью, а также коммуникациям в Темрюкском заливе. Это вызвало ответную реакцию противника. Стремясь уничтожить наши корабли, в конце апреля и в мае вражеская авиация нанесла несколько массированных ударов по Приморско-Ахтарской [233] и Ейской военно-морским базам. В некоторых налетах участвовало до 50 самолетов, в том числе до 30 бомбардировщиков Ю-87 и Ю-88. К сожалению, флотилия в то время еще не имела ни зенитной артиллерии, ни истребителей, поэтому отражать налеты приходилось только с помощью зенитных средств катеров. Они вели довольно эффективный огонь, но тем не менее флотилия несла ощутимые потери: только 25 апреля в Приморско-Ахтарской и Ейске погибли сторожевые катера № 0212 и 0312 и три сейнера.[240]

Несмотря на потери, флотилия продолжала наращивать силы и активизировать свои действия. Чтобы оттянуть как можно больше неприятельских войск с новороссийского направления на Таманское побережье, Военный совет Северо-Кавказского фронта дал указание командованию флотилии осуществить демонстративную подготовку крупного десанта. С этой целью в Ейске, Должанке, Камышеватской, в Ясенском лимане и в Приморско-Ахтарской было сосредоточено около 140 катеров, шхун и других плавсредств. 25 мая сюда подошел резервный полк 414-й стрелковой дивизии, который был посажен на плавсредства. Демонстративные действия по переброске десанта морем начались еще до наступления темноты. Как и ожидалось, «десант» был обнаружен разведкой противника. С наступлением темноты десантники были возвращены в пункты посадки. Демонстрация увенчалась успехом: противник задержал в Темрюке дивизию, предназначавшуюся для отправки на передовую. Это помогло войскам Северо-Кавказского фронта на следующий день овладеть населенными пунктами Плавненский, Подгорный, Самсоновский.

Содействие сухопутным войскам оказывалось и на северном берегу Таганрогского залива, где также готовилось наступление. В тыл противника высаживались разведывательные группы с

целью выявить систему обороны на побережье.

Сразу же с началом навигации силы флотилии развернули активные действия на морских сообщениях противника, по которым осуществлялись пополнения группы армий «А» и эвакуация отдельных частей и боевой техники с Таманского полуострова. Эти действия приняли систематический характер после приказа командующего [234] Северо-Кавказским фронтом, отданного 16 мая, силам флотилии совместно с ВВС фронта парализовать морские коммуникации противника и работу оккупированных им портов на Азовском побережье. О напряженных боевых действиях свидетельствует тот факт, что флотилия одновременно должна была оказывать поддержку войскам 9-й и 58-й армий Северо-Кавказского фронта и 44-й армии Южного фронта.

В целях совершенствования авиационной разведки на море и выявления основных маршрутов переходов вражеских судов было организовано взаимодействие самолетов-разведчиков флотилии и ВВС приморских фронтов. Донесения в адрес флотилии поступали непосредственно от самолетов-разведчиков, находившихся в воздухе, что существенно сокращало время прохождения информации: об обнаружении судов противника и организации ударов по ним.[241]

Основные маршруты вражеских судов проходили по линиям Мариуполь — Керчь, Темрюк — Таганрог, Осипенко — Темрюк и Осипенко — Керчь. Планом действий флотилии предусматривалось уничтожать плавсредства противника в портах, систематически нанося артиллерийские и бомбовые удары, как правило, в темное время суток, а также на переходах их морем. Кроме того, планировалось минировать подходы к портам.[242]

План был ориентирован на предельно допустимое оперативное напряжение сил флотилии, хотя их было явно недостаточно, чтобы полностью парализовать морские коммуникации противника.

В конце мая для усиления таманской группировки немецко-фашистское командование теперь уже в срочном порядке вынуждено было перебрасывать резервы на Таманский полуостров. Это было вызвано тем, что после оставления Крымской вражеские войска, перейдя к обороне на заранее подготовленном рубеже, проходившем по линии реки Курка, Кубань, Адагум, населенные пункты Братчики, Плавненский, Горищный, Неберджаевская, гора Долгая, цементный завод, не сумели на нем закрепиться и 26 мая к исходу дня вынуждены были оставить населенные пункты Плавненский, Горищный,

Подгорный и Самсоновский. В сложившейся ситуации необходимо было не допустить переброски морем сил противника [235] и оттянуть их с центрального участка Северо-Кавказского фронта на побережье.

В связи с этим 28 мая командующий фронтом приказал подготовить и не позднее 5 июня осуществить набеговые действия на Азовском море в районах Темрюка и Голубицкой косы, создать у противника впечатление о готовящейся высадке десанта в этих районах, с помощью корабельной артиллерии и авиации нанести удары по живой силе и плавсредствам.[243]

Для руководства действиями на морских коммуникациях и нанесением ударов по пунктам на побережье в Приморско-Ахтарской была создана оперативная группа штаба флотилии. К решению этих задач привлекались бронекатера и сторожевые катера. В боевом приказе, плановой таблице и других документах, разработанных оперативной группой, были изложены детальные указания, касающиеся подготовки к боевым действиям, методов и способов выполнения поставленных задач.[244] До начала боевых действий согласно плану катера провели тренировки по совместному плаванию в ночных условиях и практические стрельбы с корректировкой огня самолетом; была сделана аэрофотосъемка района Голубицкая, Темрюк, Вербяная коса.

Первый обстрел портов и огневых точек на побережье был произведен в ночь на 5 июня двумя бронекатерами и сторожевым катером. До их подхода к назначенным районам 40 самолетов 6-го авиационного корпуса 4-й воздушной армии нанесли бомбовый удар по Темрюку. Опять-таки был использован шумовой эффект от гула авиационных двигателей и грохота разрывающихся бомб для маскировки подхода катеров. И действительно, их подход к берегу противник не обнаружил. В 1 ч 04 мин катера начали обстрел порта Темрюк, Голубицкой, Чайкина и укреплений на Вербяной косе, выпустив по врагу в считанные минуты 122 76-мм и 191 45-мм снарядов, чем вызвали сильные взрывы в порту Темрюк и в других пунктах. В ходе обстрела были выявлены система огневых точек и места нахождения прожекторов противника. Одновременно с этим два самолета МБР-2 сбросили бомбы в район порта Темрюк, один МРБ-2 освещал цели [236] осветительными бомбами и корректировал огонь катеров по радио и с помощью ракет (ЦВМА, ф. 175, д. 6402, л. 24, 25).

Этот боевой эпизод характерен тем, что при обстреле побережья нашим катерам пришлось одновременно вести и морской бой с катерами противника. Однако моряки и здесь проявили высокое боевое мастерство: после нескольких попаданий, получив серьезные повреждения, вражеские катера

поспешно отошли под прикрытие береговых батарей.

По оценке командования фронта, в результате нанесения одновременных авиационного и артиллерийского ударов цель операции была достигнута. Как сообщил на следующий день начальник штаба фронта, по сведениям, которые получил штаб, немецко-фашистское командование восприняло этот удар как начало крупной операции и не только не сняло с Таманского полуострова свои части, но и предприняло меры по их усилению.

В дальнейшем подобные набеговые демонстративные действия осуществлялись неоднократно.

Наиболее значительными и эффективными были удары корабельной артиллерии бронекатеров и сторожевых катеров во взаимодействии с авиацией по портам Мариуполь и Таганрог 11–12 июня, повторно — по порту Темрюк и скоплению войск на Вербяной косе 21 июня и по ряду других пунктов.

Чтобы снизить активность действий наших кораблей, вражеские катера предприняли несколько попыток атаковать пункты базирования флотилии, но эти атаки были успешно отбиты огнем артиллерии, катеров и береговых батарей. Постоянная готовность наших частей к оборонительным действиям, четкая организация дозоров, Служба наблюдения и связи позволяли своевременно обнаруживать вражеские корабли и незамедлительно наносить по ним ответные удары.

В целом активная боевая деятельность только что созданной флотилии в мае-июне благодаря своевременной подготовке ее сил, тщательному планированию и организации боевых действий принесла определенные плоды. Силы флотилии обеспечили надежную оборону побережья, оказали эффективную поддержку флангам наших войск. Противник был вынужден оттягивать войска на оборону побережья, расходовать силы на охрану морских коммуникаций и портов. [237]

Всего за это время корабли флотилии нанесли 13 артиллерийских ударов по береговым объектам, провели девять морских боев, потопив 4 и повредив 8 катеров и баржу противника, высадили в его тыл 16 разведывательных групп общей численностью более 260 человек.[245] Конечно, при этом не обходилось без потерь и с нашей стороны. Так, в ночь на 18 августа бронекатера № 123 и 133, выполняя задание по поиску кораблей неприятеля и обстрелу его сил на берегу в районе Беглицкая, Кривая коса, погибли в неравном бою с катерами противника.

Авиационная группа флотилии в мае-июне вела систематическую воздушную разведку морских коммуникаций противника и занятого им побережья Азовского моря,

самостоятельно и во взаимодействии с кораблями флотилии, авиацией 4-й и 8-й воздушных армий наносила ночные бомбовые удары по портам, а также бомбо-штурмовые удары по плавсредствам в море, поддерживала набеговые действия катеров. Самолеты, входившие в ее состав, потопили 2 самоходные баржи, 8 сторожевых катеров, повредили 2 баржи и 3 катера, вызвали в портах девять сильных взрывов и шесть очагов пожара. Отличились и авиаторы 8-й воздушной армии, действовавшей в интересах флотилии. Они уничтожили 9 сторожевых катеров, 2 парусные шхуны, морской буксир, мотобот, повредили 3 баржи и 3 сторожевых катера.[246]

Как видим, авиация нанесла существенный ущерб корабельному составу противника, но он, несомненно, был бы еще значительнее, если бы состав авиагруппы флотилии был сбалансированным. Отсутствие самолетов-разведчиков с большим радиусом действия не позволяло вскрывать обстановку по всей глубине морского театра с необходимой периодичностью, а отсутствие истребителей вынуждало вести разведку побережья на пределе визуальной видимости и приводило к неоправданным потерям при боевых действиях на морских коммуникациях. Разведку портов осуществляли самолеты флота и 4-й воздушной армии, но их сведения поступали в штаб со значительным опозданием.

В итоге боевой деятельности сил флотилии в мае-июне на Азовском море был создан такой оперативный режим, который обеспечивал надежную защиту побережья, [238] занятого нашими войсками, нормальное каботажное судоходство и рыбную ловлю в прибрежной зоне и не позволял противнику безнаказанно осуществлять морские перевозки. Для оказания противодействия нашим катерам неприятель вынужден был перебросить из Керченского пролива и Черного моря торпедные и сторожевые катера, вооруженные десантно-транспортные баржи (БДБ). А это, в свою очередь, привело к снижению активности боевых действий его военно-морских сил возле Черноморского побережья Кавказа.

Однако флотилия все же не смогла полностью прервать морские перевозки противника на Азовском море. Задержка с освобождением Таманского полуострова не позволила перебросить корабли и катера через Керченский пролив и сформировать флотилию в том составе, который предусматривался первоначальным планом.

К 1 июля 1943 г. в составе флотилии находились 12 бронекатеров, 3 сторожевых катера типа МО, 2 торпедных катера и 11 полуглиссеров, перевезенных по железной дороге в Ейск, а также 8 катеров-тральщиков, переоборудованных из рыболовных

судов, которые базировались в Ейске, Приморско-Ахтарской и Азове.[247]

К этому времени не только завершились организационные мероприятия по формированию флотилии, но был приобретен определенный боевой опыт, принесший большую пользу при выполнении последующих задач в ходе освобождения Мариуполя, Осипенко и Таманского полуострова.

На основании опыта, накопленного в ходе совместных действий с частями и соединениями приморских фронтов, командование флотилии считало, что в ходе летнего наступления наших войск одной из главных задач флотилии будет высадка десантов различного масштаба во фланг и тыл обороны противника на операционных направлениях Северо-Кавказского и Южного фронтов. Поэтому штаб флотилии стремился всеми средствами и способами разведки как можно полнее вскрыть систему обороны противника на побережье Азовского моря, а боевую и оперативно-тактическую подготовку ориентировал на ведение десантных действий. Подготовка к ним существенно облегчалась тем, что основу десанта и сил высадки составляли морские пехотинцы и экипажи кораблей, [239] уже неоднократно участвовавшие в таких действиях.

В целях отработки тесного взаимодействия всех сия по специальному плану, составленному штабом флотилии, проводились учения, в которых участвовали 384-й и 369-й отдельные батальоны морской пехоты, катера всех классов и типов, в том числе вооруженные реактивными снарядами. К учениям привлекались также рыболовные суда, которые использовались в качестве средств перевозки десантников. С их командами проводились тренировки по посадке и высадке морских пехотинцев, погрузке боевой техники и выгрузке ее на необорудованное побережье. Катера выполняли практические стрельбы по видимым огневым точкам и по данным корректировочных постов, отрабатывали способы огневой поддержки десанта в ходе боев за высадку и на захваченном плацдарме. На занятиях с офицерским составом главное внимание уделялось вопросам организации взаимодействия сил.[248] Целеустремленная подготовка сил к предстоящим наступательным операциям вскоре дала свои плоды.

На северном берегу Азовского моря летом 1943 г. обстановка складывалась следующим образом. Войска Юго-Западного и Южного фронтов, завершая освобождение Донбасса, провели Донбасскую наступательную операцию, в которой приняла активное участие и Азовская военная флотилия. В ходе операции части и соединения Южного фронта выбили противника с рубежа

на реке Миус, однако он продолжал удерживать Таганрог, где были созданы сильные укрепленные позиции. По плану, разработанному штабом 44-й армии Южного фронта, силам Азовской военной флотилии отводилась важная роль: высадив десант в тыл противника, дезорганизовать его оборону, отвлечь на себя часть войск с фронта, одновременно нанести удар по Таганрогскому порту. Действия флотилии должны были облегчить частям и соединениям 44-й армии прорыв вражеской обороны и освобождение города. Высадка десанта была четко спланирована и согласована но срокам и рубежам.

На первом этапе операции по освобождению Таганрога бронекатера и береговая артиллерия Ейского сектора береговой обороны систематически наносили артиллерийские удары по частям противника, оборонявшимся [240] на побережье, не позволяя ему маневрировать резервами. А 27 августа, когда войска Южного фронта заняли Кирсановку и Греко-Тимофеевку, создалась благоприятная обстановка для высадки десанта. По согласованию с командованием 44-й армии его было решено высадить в ночь на 30 августа в районе населенного пункта Безыменовка, расположенного между Мариуполем и Кривой косой.

Чтобы предотвратить возможное противодействие вражеских кораблей, отряд катеров прикрытия блокировал их в Мариупольском порту. Десантный отряд катеров под командованием капитана 2 ранга Н. К. Кириллова 29 августа в 20 ч 00 мин вышел из Ейска, через 3 ч 50 мин скрытно подошел к берегу и, не открывая огня, за 15 мин высадил свыше 150 морских пехотинцев с минометами, противотанковыми ружьями и ручными пулеметами. Десантники, возглавляемые командиром 384-го отдельного батальона морской пехоты капитаном Ф. Е. Котановым, под покровом ночи внезапно атаковали противника в Безыменовке и, вызвав панику в тылу врага, заставили его поспешно отступить к Мариуполю.

В ту же ночь отряд бронекатеров, выйдя из Азова, высадил в районе хутора Веселый диверсионную группу в составе 50 бойцов разведывательной роты штаба 58-й [241] армий с целью отвлечь внимание противника от десанта, действовавшего возле Безыменовки, и отрезать пути отхода отступавшим вражеским частям.

Одновременно силы флотилии дезорганизовали противодесантную оборону противника в районе Мариуполя и Таганрога, вынудили его распылить свои силы для отражения одновременных ударов с суши и с моря. Это, [242] несомненно, способствовало успеху наступления войск Южного фронта,

которые 30 августа освободили Таганрог. Действия сил флотилии в ходе наступательной операции Южного фронта получили высокую оценку командующего фронтом генерал-полковника Ф. И. Толбухина. Многие матросы и офицеры флотилии были награждены орденами и медалями.

Оставив Таганрог и понеся большие потери в районе Миусского лимана, противник начал отходить к Мариуполю, рассчитывая закрепиться на заранее подготовленном рубеже, проходившем по берегу реки Кальмиус. Покидая оккупированные порты, приморские города и заселенные пункты, гитлеровцы по приказу командования оставляли за собой «выжженную землю» — многие сооружения, промышленные предприятия, жилые и служебные дома были превращены в руины.

1 сентября из штаба 44-й армии поступило распоряжение об оказании содействия частям 4-го гвардейского кавалерийского корпуса, наступавшего на Мариуполь. Приказано было высадить десант в Мариупольский порт и предотвратить его разрушение, а также задержать отход вражеских войск из Мариуполя по прибрежным дорогам.

Десант планировалось высадить в ночь на 6 сентября в районе населенного пункта Ялта (на берегу Белосарайского залива). Намечалось, что к утру 6 сентября части 44-й армии и 4-го гвардейского кавалерийского корпуса овладеют городом Мариуполь. Но противник, отойдя на западный берег реки Кальмиус, перешел к жесткой обороне, и начавшееся в тот день наступление наших войск успеха не имело. Командир Отдельного отряда кораблей капитан 3 ранга Ф. В. Тетюркин, поддерживавший непрерывную связь со штабом 44-й армии, доложил в штаб флотилии, что наступление будет возобновлено с рассветом 7 сентября.[249] В связи с этим срок высадки десанта командование армии просило перенести на сутки. Высадку решено было произвести в ночь на 8 сентября.

7 сентября в 10 ч, приняв на борт около 160 бойцов 384-го отдельного батальона морской пехоты под командованием лейтенанта К. Ф. Ольшанского, отряд катеров (командир — капитан 2 ранга Н. К. Кириллов) вышел из Ейска, а 8 сентября в 3 ч 15 мин подошел к берегу [243] в полутора километрах западнее поселка Ялта и в течение считанных минут высадил десантников. Противник открыл пулеметный огонь, катера получили пробоины, но потерь среди личного состава экипажей и десанта не было. Сосредоточившись восточнее хутора Урзуф, морские пехотинцы под руководством своего отважного командира повели наступление в направлении на Мангуш. Сражаясь против превосходящих сил во вражеском тылу, 9 и 10

сентября они уничтожили около 200 солдат и офицеров, несколько автомашин, повозок, орудий и минометов, нарушили линии связи, передали в штаб флотилии сведения о системе обороны противника.[250]

В то время, когда ольшанцы вели бой в районе поселка Ялта, части правого фланга 44-й армии прорвали оборону неприятеля, создав угрозу охвата Мариуполя с северо-запада, но на приморском участке фронта восточнее города немецко-фашистские войска продолжали упорно удерживаться на рубеже реки Кальмиус. Чтобы выбить их оттуда, необходимо было ослабить их оборону ударом с тыла. Командующий 44-й армией предложил высадить еще один десант. И хотя времени для его подготовки было мало, учитывая высокую боевую выучку морской пехоты и экипажей катеров, командование флотилии приняло решение в ночь на 10 сентября высадить еще два десанта: в районе Мелекина в 20 км юго-западнее Мариуполя (280 морских пехотинцев 384-го отдельного батальона) и у населенного пункта Песчаный (100 бойцов из состава 44-й армии).

Высадка около Мелекина была успешно осуществлена в 1 ч 20 мин. Десант под командованием капитан-лейтенанта В. Э. Немченко, поддерживаемый артиллерией катеров, сразу же начал наступление и, несмотря на ответный артиллерийский огонь противника, почти без потерь ворвался в Мелекино, уничтожив до 200 вражеских солдат и несколько орудий. К рассвету этот населенный пункт был освобожден, а десант, рассеивая по пути разрозненные подразделения противника, начал продвижение к Мариуполю.

Десант в Песчаном из-за значительного огневого противодействия и сильного прибоя высадиться не смог. Но к утру сюда прорвалась разведывательная группа из состава десанта, высадившегося в Мелекино, и разгромила местный гарнизон. Около полудня десантники овладели [244] портом Мариуполь и, закрепившись, отбивали многочисленные атаки противника, оттянув на себя значительные силы. Воспользовавшись создавшейся ситуацией, части 44-й армии прорвали оборону на реке Кальмиус и вечером 10 сентября освободили Мариуполь. В этом немалая заслуга и морских пехотинцев 384-го отдельного батальона, активно действовавших в тактической глубине вражеской обороны. В ходе боев они уничтожили около 500 солдат и офицеров, 20 автомашин и тягачей, 7 орудий, несколько повозок с боеприпасами и захватили трофеи: 17 автомашин, несколько орудий, мотоциклы, склады с имуществом и оружием. Но, к сожалению, и десантный отряд, почти трое суток сражавшийся в тылу с превосходящими силами

противника, понес тяжелые потери.[251]

Но эти потери были не напрасны. Задачу, поставленную перед флотилией командованием Южного фронта, моряки выполнили полностью. С гордостью был воспринят ими приказ Верховного Главнокомандующего, в котором отмечались успехи Юго-Западного и Южного фронтов, освободивших ряд важных городов, в том числе крупный центр металлургической промышленности юга город и порт Мариуполь. Среди отличившихся в приказе Верховного Главнокомандующего отмечались и моряки Азовской военной флотилии, высадившие десант западнее Мариуполя.[252]

Наряду с поддержкой сухопутных войск флотилия вела активную борьбу на море. Систематически проводились поиски и атаки кораблей и транспортов, на которых противник перебрасывал войска, доставлял к фронту вооружение, боеприпасы и другие грузы, вывозил награбленное. 10 сентября самолеты авиационной группы флотилии в 30 милях к северу от Голубицкой обнаружили и разгромили конвой, а на следующий день в 15 милях юго-восточнее Бердянской косы уничтожили еще четыре десантные баржи и катер. К этому времени относится и активная деятельность флотилии по постановке минных банок на подходах к портам, все еще находившимся в руках противника, в районе мысов Тархан, Ахиллеон, Каменный, Пеклы, кос Беглицкой, Кривой и Белосарайской. [245]

Оставив Мариуполь, противник, ведя арьергардные бои, отступал в западном направлении, стремясь занять оборону на рубеже Мелитополь, озеро Молочное.

К 11 сентября наши войска вышли на рубеж Старый Крым, Бердянские хутора, порт Мариуполь и развернули наступление по побережью в западном направлении. Перед флотилией была поставлена новая задача — высадкой десантов содействовать освобождению города Осипенко.[253] 14 сентября на запрос штаба Южного фронта командующий флотилией дал ответ: «Полагаю возможным высадку десанта западнее Бердянска и одновременно в порт численностью 1000–1200 человек, из них 250–300 морских пехотинцев. Плавсредства есть. Необходимо обеспечить авиацией и выделить десантный батальон от армии для двух-трехдневной тренировки как минимум».[254] Это было днем 14 сентября. А уже вечером командир отряда кораблей, находившегося у линии фронта, сообщил, что части 130-й стрелковой дивизии вышли на рубеж Ялта, Мангуш. Штаб флотилии сделал вывод, что сложившаяся обстановка требует ускорить подготовку десанта к высадке. Поэтому поступившее на следующий день боевое распоряжение штаба фронта о высадке десанта в районе

Осипенко с задачей перерезать дорогу Осипенко — Геническ не было неожиданным. Несмотря на сжатые сроки (десант требовалось высадить в ночь на 17 сентября), с морскими пехотинцами 384-го отдельного батальона удалось организовать необходимые инструктивные занятия по посадке на корабли и высадке на необорудованный берег, ведению боя по преодолению противодесантной обороны, а также дать им необходимые указания по взаимодействию с наступающими на город войсками. С бойцами 28-й армии, которые выделялись в состав десанта, из-за недостатка времени тренировок провести не удалось. Пришлось всецело положиться на боевой опыт личного состава высадочных средств и морских пехотинцев, посаженных на каждый катер вместе с бойцами армии.

В целом высадка основного десанта в районе населенного пункта Луначарское, расположенного к северо-западу от Осипенко, вспомогательного — непосредственно в порт Осипенко и демонстративного — на Бердянскую косу увенчалась успехом. Руководили высадкой [246] опытные офицеры: капитан 2 ранга Н. К. Кириллов, старшие лейтенанты В. И. Великий и М. А. Соколов. Атаки десантников были стремительны, и утром 17 сентября они соединились в Осипенко с частями 28-й армии. С потерей этого портового города противник лишался возможности использовать морские коммуникации на Азовском море для эвакуации отступавших частей и соединений.

Продвижение наших войск вдоль западного побережья Азовского моря вызвало необходимость передислоцировать корабли и управление флотилии ближе к линии фронта. Поэтому с получением донесения об освобождении порта Осипенко туда перебазировались командование флотилии и оперативная группа штаба, которые сразу же приступили к руководству боевыми действиями по ликвидации оставшихся в городе очагов сопротивления гитлеровцев. А как только уличные бои стихли, особой их заботой стало оказание помощи населению в организации органов Советской власти.

Таким образом, всего за двадцать дней, с 29 августа по 17 сентября, силы флотилии, поддерживая наступление войск Южного фронта, высадили несколько тактических и разведывательно-диверсионных десантов общей численностью около 1400 человек. Очередной десант готовился к высадке в районе Геническа. Однако в связи с изменением обстановки необходимость в его высадке отпала, а силам флотилии вновь предстояло переключиться на южное направление.

Как уже говорилось, 16 сентября Новороссийск был полностью очищен от врага. Первоочередной задачей войск

Северо-Кавказского фронта стал разгром таманской группировки противника, с тем чтобы ускорить форсирование нашими войсками Керченского пролива и освобождение Крыма. В успешном решении этой задачи немалую помощь им могла оказать Азовская военная флотилия. Учитывая это, Ставка Верховного Главнокомандования 19 сентября вновь подчинила ее в оперативном отношении командующему Северо-Кавказским фронтом. В подчинении командующего Южным фронтом оставались Мариупольская и Осипенковская военно-морские базы (ЦАМО, ф. 48-А, оп. 2, д. 18, л. 85).

В тот же день командующий Северо-Кавказским фронтом поставил флотилии задачу: подготовить десант [247] к высадке в районе Темрюкского залива и оказать содействие войскам в освобождении Темрюка. Но прорыв к Темрюку с востока и юга представлял значительную сложность. Местность, изрезанная лиманами и плавнями, была плотно заминирована и оборудована проволочными заграждениями, что не позволяло использовать при наступлении крупные группировки войск и тяжелую боевую технику. Бои можно было вести лишь небольшими отрядами. В этих условиях помощь, которую мог оказать морской десант в наступлении частям фронта, была крайне необходимой.

19 сентября была получена директива командующего Северо-Кавказским фронтом, в которой предписывалось в ночь на 24 сентября высадить десант в районе населенного пункта Чайкино. Перед десантом ставилась задача: занять Чайкино, а затем совместно с правофланговыми частями 9-й армии, основные силы которой наступали на Темрюк, овладеть районом Голубицкой (к западу от Чайкина) и прочно удерживать его, перерезать дорогу Темрюк — колхоз «Красная стрела» и не допустить отхода немецко-фашистских войск на Кучугуры и Старотитаровскую. Одновременно силам флотилии надлежало предотвратить эвакуацию морем войск и техники противника из района Чайкина и с косы Чушка на Керченский полуостров.

Опыт подготовки десантов в столь короткие сроки уже имелся. Поэтому в первую очередь была организована всесторонняя разведка северного побережья Таманского полуострова с целью выявить систему противодесантной обороны, а также активизировать боевые действия на вражеских морских коммуникациях, в том числе и в Керченском проливе. 22 сентября группа самолетов флотилии потопила здесь самоходную баржу, катер и сейнер с войсками.

Чтобы обеспечить внезапность высадки и заставить противника распылить свои силы, было принято решение высаживать десант в темное время суток одновременно в трех

пунктах: основной — в районе Голубицкой, вспомогательный — в районе Чайкина, демонстративный — на побережье между Голубицкой и колхозом «Труженик моря».[255] Согласно плану, разработанному штабом флотилии и согласованному с командованием 9-й армии, предусматривалось одновременное нанесение [248] ударов и наступление Войск армии на Темрюк. Войска должны были наносить удары с северо-востока от Вербяной косы и с юго-востока от Курчанской, а основной и вспомогательный десанты — с северо-запада и с севера. Задача демонстративного десанта заключалась в том, чтобы пресечь подход подкреплений противника к Темрюку.

Уже с 19 сентября корабли флотилии, привлекаемые к обеспечению высадки десанта, начали сосредоточиваться в Приморско-Ахтарской. Сюда же подходили специально выделенные сейнеры. Для усиления противовоздушной обороны из Ейска в район Приморско-Ахтарской передислоцировалась часть батарей и прожекторов 135-го и 212-го отдельных зенитных артиллерийских дивизионов. 23-й штурмовой авиационный полк (около 20 самолетов Ил-2) перебазировался из Ейска на аэродром у Ольгинской. Истребительное прикрытие десанта возлагалось на 4-ю воздушную армию фронта.

К этому времени флотилия еще располагала весьма небольшим корабельным составом, но все же к началу боевых действий на таманском направлении удалось подготовить 14 катеров (сторожевых, торпедных и бронекатеров), в том числе и с реактивными установками, 18 катеров-тральщиков и сейнеров. С их помощью предстояло высадить около 1200 бойцов 547-го стрелкового полка 9-й армии и 220 морских пехотинцев 369-го отдельного батальона (командир — майор Я. А. Рудь). Несколько катеров выделялось для прикрытия десанта с моря и отвлечения внимания противника от места высадки десанта. В их задачу входили также ведение систематического поиска вражеских плавсредств и обстрел побережья Темрюкского залива и Керченского полуострова.[256]

Участие в высадке тихоходных и маломореходных катеров-тральщиков и сейнеров существенно влияло на организацию предстоящих десантных действий. Из-за них скорость перехода десантных отрядов ограничивалась 4–5 узлами. К тому же техническое состояние сейнеров лишь условно можно было назвать удовлетворительным. Требовалось срочно отремонтировать их материальную часть и хотя бы в минимальном объеме провести тренировку по совместному плаванию катеров и других плавсредств, [249] а также отработать организацию связи и боевого управления ими в море.

Понимая, что сосредоточение сил флотилии на небольшом удалении от линии фронта непременно будет замечено вражеской разведкой, командование флотилии приняло меры по обеспечению скрытности подготовки десанта: были усилены охрана пунктов посадки и система ПВО и резко ограничен круг лиц, привлекаемых к разработке боевых документов. В целях дезинформации противника разведка велась по всему южному побережью Азовского моря. Фарватеры очищались от мин и оборудовались навигационными средствами.

Благодаря интенсивной организаторской деятельности командования, политорганов и штаба флотилии, а также самоотверженной работе экипажей катеров и плавсредств подготовка сил десанта закончилась к назначенному сроку. Десантные отряды вышли из Приморско-Ахтарской вечером 28 сентября, но погода внесла свои коррективы: вскоре заштормило и ветер усилился до 6 баллов. Один бронекатер был выброшен волной на мель у Ачуевской косы, два других получили серьезные повреждения. Пришлось отдать приказ десанту возвратиться в базу. Вновь началась кропотливая работа по срочному приведению в порядок катеров, поддержанию десанта в готовности к немедленному выходу в море, как только улучшится погода. На исходе дня 24 сентября ветер стих и отряды десантных кораблей один за другим вышли из Приморско-Ахтарской, имея на борту около 850 десантников.

Высадка в районах Голубицкой и Чайкина началась практически одновременно — в 3 ч 30 мин 25 сентября. В обоих пунктах враг оказал десанту сильное противодействие, открыв интенсивный артиллерийско-минометный и ружейно-пулеметный огонь. Огневые точки противника в пунктах высадки были подавлены артиллерией катеров, но огонь вражеских батарей, недосягаемых для нашей артиллерии, не прекращался. В их подавлении существенную роль сыграли штурмовики 23-го авиационного полка. В ходе боя за высадку десантники понесли значительные потери, особенно морские пехотинцы из состава вспомогательного десанта, высаженного в районе Чайкина. Им пришлось преодолевать сильную противодесантную оборону противника. Его артиллерийско-минометные батареи, расположенные в непосредственной близости от места высадки (порт Темрюк, Глухой канал), вели огонь, по подходившим катерам с десантом почти в упор. [250]

Но, несмотря на потери, десант сломил сопротивление противника и выполнил поставленную задачу: создав угрозу окружения темрюкской группировке вражеских войск, вынудил немецко-фашистское командование поспешно оттянуть с фронта

часть сил, что помогло войскам 9-й армии 27 сентября освободить город Темрюк. А 9 октября Москва салютовала двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий войскам, освободившим Таманский полуостров. В приказе Верховного Главнокомандующего отмечалось, что эта победа была достигнута «ударами с суши и высадкой десантов с моря».[257] Среди отличившихся вновь были названы моряки Черноморского флота и Азовской военной флотилии.

Таким образом, Азовская военная флотилия, содействуя войскам фронтов, сражавшихся на северном и южном побережьях Азовского моря, осуществляла высадку тактических и разведывательно-диверсионных десантов, вела систематические действия на морских коммуникациях противника, оказывала огневое содействие флангам наступающих войск. Флотилия внесла достойный вклад в освобождение Приазовья от врага, но деятельность ее на этом не закончилась, впереди предстояли боевые действия по освобождению Крыма.

Еще 22 сентября Маршал Советского Союза А. М. Василевский, находившийся на Южном фронте, доложил Верховному Главнокомандующему предложения по прорыву обороны противника в Донбассе, очищению от него левобережья Днепра в районе устья, захвату плацдарма на правом берегу Днепра и освобождению Крыма. Для скорейшего освобождения Крыма он считал необходимым силами Азовской военной флотилии осуществить высадку войск Северо-Кавказского фронта с задачей перерезать железную дорогу в районе Джанкоя и соединиться с войсками Южного фронта.[258]

Сроки, районы высадки и состав сил оперативного десанта обсуждались Наркомом ВМФ с командованием Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота еще до полного освобождения Таманского полуострова. Окончательный вариант плана захвата плацдарма на Керченском [251] полуострове был утвержен Ставкой Верховного командования 13 октября 1943 г..[259]

Во исполнение его штаб флота и штаб фронта спланировали Керченско-Эльтигенскую десантную операцию, являвшуюся первым этапом фронтовой наступательной операции по освобождению Крыма и осуществлявшуюся совместно с войсками 4-го Украинского фронта.

Замысел операции предусматривал силами Азовской военной флотилии высадить три стрелковые дивизии 56-й армии на главном направлении — возле Еникале, частью сил Черноморского флота — одну стрелковую дивизию 18-й армии на вспомогательном направлении — в районе Эльтигена (ныне

Героевское). После захвата плацдарма оба десанта должны были нанести удары по сходящимся направлениям, овладеть городом и портом Керчь и портом Камыш-Бурун (ныне Аршинцево), а в последующем и всей восточной частью Керченского полуострова. Общее руководство операцией возлагалось на командующего фронтом генерал-полковника И. Е. Петрова и его помощника по морской части командующего Черноморским флотом вице-адмирала Л. А. Владимирского. Командующему Азовской военной флотилией предстояло руководить силами высадки на главном направлении, а командиру Новороссийской военно-морской базы — на вспомогательном.

Стремясь удержаться в Крыму, противник создал мощные оборонительные сооружения по всей оперативной глубине Керченского полуострова. Особенно сильной была система противодесантной обороны па берегу Керченского пролива. Немецко-фашистское командование бросило сюда основные силы, выведенные с Таманского полуострова, и часть сил из других районов Крыма. На Керченском полуострове нашим войскам противостоял 5-й армейский корпус 17-й армии, насчитывавший около 85 тыс. человек и усиленный танковой группой. Со стороны пролива полуостров прикрывали 45 (в том числе 210-мм) батарей полевой и береговой артиллерии, 11 минометных и 23 зенитные батареи.[260] На Керченском полуострове было сосредоточено до 70 % авиации, базировавшейся в Крыму. Противник минировал Керченский пролив, подходы к портам на Таманском полуострове. В Феодосии, Камыш-Буруне [252] и Керчи находилась значительная часть немецких морских сил Черного моря: до 30 быстроходных десантных барж, 37 торпедных и 25 сторожевых катеров, 6 тральщиков (См.: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 7. С. 233.).

Учитывая чрезвычайную сложность и особую важность предстоящей операции, Военный совет фронта обратился к войскам со специальным воззванием. Высоко оценив героизм, проявленный ими в битвах за Кавказ и Кубань, он призвал воинов очистить Крым от фашистских захватчиков. Воззвание заканчивалось словами: «В данный момент самое главное и важное — форсировать и преодолеть Керченский пролив».[261]

Весьма важная роль отводилась Черноморскому флоту и Азовской военной флотилии. На них возлагалась едва ли не самая сложная часть операции — переброска войск через Керченский пролив и Азовское море. Ее масштабы были значительными: намечалось переправить на Керченский полуостров около 130 тыс. человек, свыше 2 тыс. орудий и минометов, 125 танков, 15 тыс. т грузов.[262] Для их переброски и

оперативного обеспечения десантных действий выделялось около 280 кораблей, судов и десантно-высадочных средств.

Оперативной директивой командующего флотом от 14 октября перед Азовской военной флотилией была поставлена задача высадить две десантные группы войск 56-й армии: одну — на участке мыс Варзовка, Капканы (около Еникале), другую — в районе мысов Тархан и Хрони. Посадка десанта должна была осуществляться в районах Темрюк, Чайкино, Пересыпь, Кучугуры, коса Чушка. Второй эшелон десанта намечалось перебросить по кратчайшему пути — с южной части косы Чушка па побережье полуострова в районе Еникале, Опасная, Жуковка.[263]

В тот же день организационным приказом был определен состав плавсредств, привлекаемых к операции. Из-за большой минной опасности крупные корабли решено было не использовать. Для высадки частей и соединений 56-й армии выделялось более 150 катеров, мотоботов, буксиров, сейнеров, несамоходных понтонов. Все корабли и вспомогательные суда флота и флотилии были сведены [255] в 12 отрядов кораблей высадки, четыре штурмовые группы, два отряда и две группы кораблей прикрытия. Артиллерийская и авиационная поддержка десанта 56-й армии возлагалась на артиллерийскую группу этой армии и авиационную группу 4-й воздушной армии, десанта 18-й армии — на артиллерийскую группу своей армии и авиационную группу из состава ВВС флота и авиадивизию 4-й воздушной армии.

В качестве штурмовых отрядов десанту 56-й армии был придан 369-й отдельный батальон морской пехоты флотилии, а десанту 18-й армии — два батальона морской пехоты Черноморского флота. Высадка десанта намечалась в ночь на 1 ноября 1943 г.

Приказом определялась также организация органов управления. На время операции штаб фронта развертывался в Варениковской, ВПУ фронта и флота, а также штаб 56-й армии — в Ахтанизовской. ВПУ флотилии, на котором находились командующий вместе с оперативной группой штаба, был создан в районе совхоза «Кордон Ильича» (около косы Чушка). Здесь же располагались командные пункты командующих 56-й и 4-й воздушной армий. Это создавало хорошие условия для оперативного управления силами и поддержания их согласованных действий.

В развитие ранее отданной директивы па десантную операцию командование фронта и флота 26 октября разработало частные оперативные директивы по переправе всех войск 56-й и 18-й армий. В части, касающейся флотилии, указывалось:

«Командир переправы 56-й армии — командующий АВФ контр-адмирал Горшков С. Г. является ответственным за обеспечение переправы армии и ее тылов, до последнего эшелона включительно».[264] Директивой определялись семь эшелонов войск. Выполнение этой директивы систематически проверялось командованием фронта.

Все разработки по десантной операции были завершены к 26 октября и утверждены командующим фронтом. Корабли и вспомогательные суда, выделенные для участия в операции, еще ранее были сосредоточены в назначенных пунктах, а участники десанта приступили к учениям и тренировкам.[265] Командование и штабы армий, флота и флотилии развернули интенсивную подготовку к [256] операции. Тренировки десанта проводились днем и ночью даже в штормовую погоду. По плану, разработанному совместно политическими отделами 56-й армии и флотилии, велась целенаправленная партийно-политическая работа. Учитывая опыт предыдущих десантных операций, командование уделяло значительное внимание разведке обороны противника в намеченных пунктах высадки, вскрытию его огневых позиций. Командующий фронтом провел с командным составом рекогносцировку района предстоящих действий. Был организован детальный инструктаж командиров десантных групп, отрядов и катеров. Для обеспечения надежного взаимодействия всех родов сил широко практиковался обмен офицерами связи.

К началу Керченско-Эльтигенской десантной операции на южном фланге советско-германского фронта сложилась благоприятная оперативно-стратегическая обстановка. Войска 4-го Украинского фронта освободили Северную Таврию и 1 ноября, преодолев Турецкий вал, вышли на Перекопский перешеек, прорвались к Армянску и овладели плацдармом на южном берегу Сиваша. Данная ситуация, безусловно, способствовала проведению десантных операций на Керченском полуострове.

Однако уже в самом начале операции произошли существенные отклонения от разработанного плана. Вновь сказалось пренебрежительное отношение к гидрометеорологическому обеспечению. Никто в штабах фронта и флота не позаботился об изучении данных прогноза погоды. И хотя посадка десанта на корабли и вспомогательные суда Черноморского флота и Азовской военной флотилии началась в назначенное планом время — 31 октября с наступлением темноты, из-за штормовой погоды значительная часть десантно-высадочных средств флотилии вышла из строя и посадку десанта 56-й армии пришлось перенести на 2 ноября, в то время как десант 18-й армии продолжал действовать по плану. Сложилась

ситуация, схожая с началом Керченско-Феодосийской операции: одновременного удара не получилось, а боевые действия развернулись сперва на вспомогательном направлении.

Посадка десанта 18-й армии (318-я стрелковая дивизия под командованием полковника В. Ф. Гладкова и два батальона морской пехоты) в Тамани, Кроткове, в районе озера Соленое по причине плохой погоды проходила медленно, в результате десантные отряды вышли в море с опозданием. Из-за штормовой погоды скорость их движения на переходе была ниже предусмотренной, что привело [257] к неодновременности подхода десантно-высадочных средств к линии тактического развертывания.

Бой за высадку начался 1 ноября в 4 ч 50 мин после мощной артиллерийской подготовки (около 140 орудий) и нанесения бомбоштурмового удара по противодесантной обороне, скоплениям живой силы и боевой техники противника. Через 15 мин артиллерийский огонь был перенесен в глубь вражеской обороны. Корабли и суда подошли к берегу и начали высадку десанта в районах Эльтигена и Коммуны «Инициатива». Противник, видимо, не ожидал их появления здесь во время шторма и организованный минометно-артиллерийский огонь открыл только через 30 мин. Но, к сожалению, эти полчаса не удалось использовать для быстрого десантирования войск и выгрузки техники. Сильное волнение мешало подходу к местам высадки, многие десантно-высадочные средства были выброшены на берег. И все же десантники (свыше 3 тыс. человек), поддерживаемые огнем артиллерии с Таманского полуострова и косы Чушка и авиацией флота, к рассвету захватили плацдарм и прочно закрепились на нем.

Плацдарм был невелик — 5 км шириной и 2 км глубиной и простреливался из всех видов оружия. С рассветом противник, подтянув резервы, обрушил на десантников тысячи мин, снарядов и бомб, предпринял несколько отчаянных попыток сбросить их в море. Но при поддержке береговой артиллерии и авиации все атаки врага были отбиты. В последующие двое суток на плацдарм было переброшено подкрепление — более 4100 человек, одиннадцать 45-мм и 76-мм орудий, 9 минометов, 40,8 т боеприпасов, 2 т продовольствия.

Однако в дальнейшем связь с плацдармом по морю почти полностью прервалась: противник организовал его плотную блокаду и с суши, и с моря. Каждую ночь у Эльтигена на расстоянии 700–800 м от берега маневрировали 5–8 быстроходных десантных барж противника. К плацдарму удавалось прорваться лишь отдельным катерам, и то только

ночью и под покровом тумана. Боеприпасы, продовольствие и медикаменты приходилось сбрасывать десантникам с самолетов. Авиация Черноморского флота нанесла четыре массированных бомбоштурмовых удара по Камыш-Буруну, где базировались основные военно-морские силы противника. Торпедные катера ЧФ осуществили несколько выходов для атаки вражеских кораблей в районе Камыш-Буруна и на подходе к плацдарму. [259] Но эти попытки прорвать морскую блокаду не принесли существенных результатов.

Несмотря на то что развить наступление со вспомогательного направления на Керчь не удалось, героические действия эльтигенского десанта позволили войскам 56-й армии высадиться на главном направлении.

Посадка первой десантной группы началась утром 2 ноября в Темрюке. После полудня, приняв на борт воинов 2-й гвардейской стрелковой дивизии и морских пехотинцев 369-го отдельного батальона, отряды высадочных средств под прикрытием истребителей вышли в море. К 22 ч они сосредоточились на линии тактического развертывания. Примерно в 22 ч 30 мин после артиллерийской и авиационной обработки пунктов высадки начался бой за высадку десанта в районе Маяк, Жуковка, восточнее Керчи. Высадка демонстративного десанта в районе мысов Хрони и Тархан командованием фронта была отменена. Первый эшелон десанта высадили корабли четырех штурмовых групп (15 бронекатеров) за полчаса. 3 ноября в 0 ч 30 мин была завершена высадка передового отряда первой десантной группы, а к рассвету и оставшейся части 2-й гвардейской стрелковой дивизии. К этому же времени в районе Опасная, Рыбпром высадилась вторая десантная группа из состава 55-й гвардейской стрелковой дивизии. К 7 ч 30 мин завершилась переброска и второго эшелона десанта. Всего к вечеру 3 ноября было высажено более 8,5 тыс. человек с вооружением, боевой техникой, боеприпасами.

Немецко-фашистские войска оказывали упорное сопротивление. Десантные части в ходе ожесточенных боев овладели рядом населенных пунктов. Однако противник, подтянув резервы, остановил наступление наших войск на рубеже бухта Булганак, Аджим-Ушкай, восточная окраина Керчи.

На оперативном плацдарме, захваченном десантом, продолжалось наращивание сил для последующего наступления в глубь Крыма. К исходу 11 ноября на нем находилось уже 27,7 тыс. человек, 229 орудий, 60 минометов.[266]

Наращивание сил на плацдарме происходило в исключительно сложной обстановке. Причалы и фарватеры

постоянно подвергались ударам артиллерии и вражеской авиации. Суда флотилии не имели специальных средств [260] для погрузки и выгрузки тяжелой техники и высадки войск на необорудованный берег. Движение и маневрирование плавсредств были затруднены, так как пролив начал покрываться льдом. Но, несмотря на все трудности, переброска войск и техники шла круглосуточно. Командование и штаб флотилии уделяли значительное внимание четкой организации переправы, тралению и навигационному ограждению фарватеров, прикрытию переходов транспортных средств и с воздуха, и с моря. Благодаря активным действиям бронекатеров, торпедных катеров, береговой артиллерии, развернутой на косе Чушка, и авиации флотилии удалось блокировать морские силы противника в порту Керчь.

Специальными боевыми распоряжениями и инструкциями [261] были определены меры по предупреждению потерь в органах управления и руководства переправой. В короткие сроки были построены землянки и блиндажи на косе Чушка и таманском берегу Керченского пролива, инженерными частями флота и 56-й армии созданы временные причалы для погрузки техники, для прикрытия пунктов посадки установлены зенитные и полевые орудия. Особая забота проявлялась о своевременной эвакуации раненых с плацдарма.

Большую и ответственную работу по организации погрузки и выгрузки людей, оружия, техники и различных грузов выполняли морской и сухопутный коменданты причалов. Практика назначения двух комендантов — от флотилии и от армии — полностью себя оправдала. Специальной инструкцией определялись их функции и зоны ответственности.[267] Планы перевозок составлялись ими совместно и утверждались командующим флотилией.

Благодаря четкой организации к 20 ноября переправа на плацдарм обоих эшелонов десанта 56-й армии была завершена.[268]

Всего к 4 декабря Азовской военной флотилией было переправлено на Керченский полуостров более 75 тыс. человек, 582 орудия, в том числе 130 единиц калибром 120–152 мм, 187 минометов, 764 автомашины (из них 58 с установками РС), 128 танков, свыше 2700 лошадей, 7180 т боеприпасов, 2770 т продовольствия и другие грузы.[269]

Высадка войск 56-й армии на северо-восточную часть Керченского полуострова несколько облегчила положение вспомогательного десанта. Противник вынужден был снять с эльтигенского направления часть сил и перебросить их для противодействия наступлению десанта 56-й армии. Но как только

вражеские войска остановили дальнейшее продвижение этого десанта, атаки па эльтигенский плацдарм возобновились. Десантники-эльтигенцы успешно их отражали и до 1 декабря продолжали оставаться [262] на занятых рубежах, однако силы их таяли, боеприпасы и продовольствие кончались.

Положение защитников эльтигенского плацдарма резко ухудшилось, после того как немецко-фашистское командование подтянуло дополнительно к Эльтигену румынскую 6-ю кавалерийскую дивизию и немецкий сводный полк. 4–6 декабря позиции десанта подвергались ожесточенному артиллерийско-минометному обстрелу, бомбо-штурмовым ударам и атакам вражеской пехоты, поддерживаемой танками. В воздухе порой одновременно действовало до 90 самолетов противника. Огневую же поддержку десанту оказывали только 55 орудий береговой артиллерии, так как остальные орудия были уже переброшены для действий на главном направлении.

К исходу 6 декабря противник прорвал оборону десанта и расчленил его на несколько изолированных групп. Попытка снять эти группы с помощью катеров не удалась, поэтому командующий операцией 6 декабря приказал десанту пробиваться на еникальский плацдарм. Десантники скрытно покинули свои позиции. Одно из подразделений десанта вышло в расположение войск 56-й армии, а основные силы стремительным броском прорвались к южной окраине Керчи и заняли гору Митридат и Угольную пристань.

Командующий Отдельной Приморской армией решил воспользоваться этим благоприятным обстоятельством и приказал высадить на пляж, находившийся возле горы Митридат, до двух батальонов 83-й бригады морской пехоты. Утром 7 ноября два бронекатера и 10 тендеров скрытно высадили здесь передовые подразделения морских пехотинцев. Однако 9 декабря высадка остальной части 83-й бригады происходила уже при ожесточенном сопротивлении противника. К этому времени обстановка в районе горы Митридат резко изменилась. Противник, подтянув свежие силы и штурмовые орудия, непрерывно атаковал десантников и они вынуждены были отойти к предместью города. Развить успех возможности не было, поэтому командующий Отдельной Приморской армией отдал приказ эвакуировать десантников в Опасную. Эта задача силами флотилии была выполнена в темное время суток 10 и 11 декабря. На этом героическая полуторамесячная Керченско-Эльтигенская эпопея закончилась.

В ходе Керченско-Эльтигенской операции — самой крупной морской десантной операции Великой Отечественной войны —

личный состав десантных войск, кораблей [263] и вспомогательных судов Черноморского флота и Азовской военной флотилии проявил массовый героизм. Несмотря на упорное сопротивление немецко-фашистских войск на заблаговременно подготовленных рубежах и неблагоприятные метеоусловия, десантники прорвали сильную противодесантную оборону противника и захватили плацдармы. Оказавшись в тяжелейших условиях, эльтигенский десант оставил свои позиции только по приказанию командующего операцией. Его высокий моральный и боевой дух был несгибаем. Это вынуждены были признать даже враги. Так, в разведбюллетене 5-го немецкого армейского корпуса от 18 декабря отмечалось: «Наша пропаганда (листовки), сбрасываемые самолетами и агитснарядами, интенсивная работа громкоговорящих установок, даже тогда, когда у противника было очень тяжелое положение, не имела никакого успеха.

Большевистская идеология, которой сильно пропитан весь офицерский состав, моральный подъем в связи с успехами Красной Армии в этом году — все это способствует тому, что войска противника способны творить чудеса.

Противник опять показал необычайное уменье использовать наши оборонительные сооружения и способность быстро зарываться в землю. Противник эффективно использовал трофейные боеприпасы, бомбы, противотанковые мины и прочее снаряжение».[270]

То, что для гитлеровцев являлось откровением, для советских воинов — защитников Родины стало нормой поведения в вооруженной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

В результате Керченско-Эльтигенской десантной операции, и прежде всего высадки флотилией войск 56-й армии на северо-восточную часть Керченского полуострова, был создан важный оперативный плацдарм. Но развить успех войскам Отдельной Приморской армии тогда не удалось, до 10 января 1944 г. они удерживали оборону на тех рубежах, которых достигли в ноябре.

Различны причины неполного достижения намеченной цели — освобождение лишь части Керченского полуострова. Главные из них, пожалуй, следующие. Во-первых, узкий фронт наступления на Еникальском полуострове не позволил десанту реализовать численное превосходство ввиду того, что противник создал здесь плотные боевые порядки и организовал устойчивую оборону. Во-вторых, [264] командующий операцией, назначая время высадки, не учел такого важного фактора, отрицательно повлиявшего на успех десанта в ходе боя за высадку, как неблагоприятные метеоусловия, хотя об этом командование флота ему и докладывало. В результате на эльтигенский

плацдарм была высажена лишь одна дивизия 18-й армии (да и то по частям). Этих сил не хватило для захвата порта Камыш-Бурун, который противник эффективно использовал как базу военно-морских сил, блокировавших десант с моря. В-третьих, отсутствие мореходных и хорошо вооруженных десантно-высадочных средств, способных десантировать войска и боевую технику непосредственно на необорудованное побережье, резко снижало темп высадки, а в плохую погоду практически исключало ее. В-четвертых, если тактическое взаимодействие сил, участвовавших в операции, было организовано достаточно хорошо, то оперативное взаимодействие между десантами 56-й и 18-й армий отсутствовало. Их командование и штабы не знали обстановки на операционных направлениях друг друга. Добиться согласованности действий обоих десантов штабу Северо-Кавказского фронта (Отдельной Приморской армии) фактически не удалось.

Попытки десантников прорвать оборону противника при поддержке новых тактических десантов, высаженных на северное побережье Керченского полуострова и в Керченский порт (соответственно 10 и 22 января 1944 г.), также не дали существенных результатов. Им удалось лишь захватить восточную окраину Керчи. На этих рубежах войска Отдельной Приморской армии держали оборону до 11 апреля 1944 г., когда войска 4-го Украинского фронта прорвали оборону противника в районе Ишуньских позиций и развили наступление в глубь Крыма. Утром 11 апреля наши войска освободили Керчь.

В тот же день по приказу Верховного Главнокомандующего столица нашей Родины Москва салютовала 20 артиллерийскими залпами в честь освобождения Керчи. За отличия в боях за освобождение города и крепости Керчь три соединения и части Азовской военной флотилии — бригада бронекатеров, 369-й отдельный Краснознаменный батальон морской пехоты и 13-й отдельный дивизион катеров-тральщиков — были удостоены почетного наименования Керченских.[271] [265]

Вражеская группировка, изолированная в Крыму, оказалась под угрозой ударов наших войск с двух сухопутных направлений — с севера и с востока, а также со стороны моря. Вопрос о целесообразности высадки новых десантов неоднократно обсуждался командованием Отдельной Приморской армии и флота. Однако, учитывай успешное развитие наступления войск 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии, Ставка Верховного Главнокомандования пришла к выводу, что необходимость в таких десантах отпала.

Обстановка, сложившаяся на южном крыле советско-

германского фронта, потребовала переориентирования сил Черноморского флота на решение новых задач. 11 апреля Ставка поставила флоту в качестве главной задачи нарушение морских коммуникаций противника, чтобы не допустить эвакуации его войск морем из Крыма в порты Румынии и Болгарии. Было приказано также готовить корабли к перебазированию в Севастополь и приступить к формированию Дунайской военной флотилии.[272]

Последним существенным вкладом Азовской военной флотилии в разгром врага явилась организация перевозок пополнения и всех видов снабжения для войск Отдельной Приморской армии. Представление о масштабах этих перевозок дают следующие цифры. Всего к 20 апреля 1944 г. флотилия доставила на Керченский полуостров свыше 240 тыс. человек, 2200 орудий и минометов, 380 танков и бронемашин, более 100 тыс. т грузов.[273]

Борьба на южном приморском фланге продолжалась. Войскам Красной Армии и силам Военно-Морского Флота еще предстояло очистить от немецко-фашистских оккупантов Крым, юго-западную Украину, освободить народы Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии и Австрии от ненавистного ига. Один из этапов этой борьбы, который по праву можно назвать Керченско-Новороссийской эпопеей, был успешно завершен.

Участие в боевых действиях потребовало от моряков Азовской военной флотилии, так же как и от воинов Красной Армии, сражавшихся на берегах Черного и Азовского морей, напряжения всех моральных и физических сил, проявления массового героизма и отваги, высокой боевой выучки и воинского мастерства. Многие моряки [267] — азовцы были награждены орденами и медалями. Высокого звания Героя Советского Союза удостоены лейтенанты А. К. Абдрахманов, Б. П. Бувин, Д. П. Левин, старший лейтенант В. И. Великий, капитан 3 ранга П. И. Державин, гвардии краснофлотец В. Г. Ус и другие.

Задачи, ставившиеся Азовской военной флотилии в ходе как оборонительных, так и наступательных операций Красной Армии, были выполнены успешно.

В организации боевой деятельности сил флотилии важную роль сыграла партийно-политическая работа. Коммунисты и комсомольцы сражались на самых опасных и ответственных участках, показывая примеры беззаветной преданности Коммунистической партии и Советской Родине, увлекая за собой воинов своего корабля, подразделения. Слаженность действий сил флотилии и войск приморских фронтов, четкость взаимодействия разнородных ее сил были достигнуты благодаря

искусному, непрерывному и четкому управлению, в чем несомненная заслуга штаба флотилии. Офицеры штаба отличались не только высоким профессиональным мастерством, но и самоотверженностью, личной отвагой и мужеством. Этими качествами в полной мере обладали капитан 1 ранга А. В. Свердлов, который был начальником штаба флотилии обоих формирований, капитан 3 ранга А. А. Ураган, капитан-лейтенанты А. В. Загребин и М. М. Дементьев, капитан 2 ранга Н. К. Кириллов, инженер-капитан 2 ранга А. М. Бахмутов и многие другие.

В связи с окончанием военных действий на Азовском море в апреле 1944 г. флотилия была расформирована. Корабли и части ее вместе с личным составом были переданы только что созданной Дунайской военной флотилии. Морякам-азовцам предстояло на новом театре военных действий вместе с воинами Красной Армии участвовать в завершающих стратегических операциях по разгрому врага.

Накопленный опыт организации и ведения десантных действий — от высадки разведывательно-диверсионных десантов до участия в крупных десантных операциях — широко использовался в наступательных операциях завершающего периода Великой Отечественной войны и в боевой подготовке флотов в послевоенный период. [268]

Заключение

Борьба на южном приморском фланге советско-германского фронта в период с 1941 по 1944 г. явилась важной составной частью вооруженной борьбы советского народа и Вооруженных Сил СССР с немецко-фашистскими захватчиками. Ее влияние на ход событий Великой Отечественной войны резко возросло в конце 1941 г., когда вермахт, не достигнув военных целей на центральном, московском, направлении, сосредоточил усилия на флангах Восточного фронта. Целями операций группы армий «Юг» являлись захват кавказских нефтяных районов, пресечение наших внешних связей с союзниками по антигитлеровской коалиции через Иран. Планируя эти операции, гитлеровское руководство рассчитывало почти полностью лишить советскую промышленность нефти — важнейшего стратегического сырья, а Красную Армию и Военно-Морской Флот — топлива, резко сократить поставки воинских грузов Советскому Союзу из-за рубежа. В последующем Кавказ предполагалось использовать в качестве плацдарма для реализации захватнических планов на Ближнем и Среднем Востоке и в Индии.

Эти факторы и предопределили существенное возрастание роли боевых действий на южном фланге советско-германского фронта, а также событий, разворачивавшихся в 1941–1942 гг. в период оборонительных сражений за Крым и Кавказ.

Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии и ее сателлитов, явившаяся решающим этапом второй мировой войны, была войной континентальной. Вооруженная борьба на море имела хотя и важное, но все же второстепенное значение. Главные [269] задачи по разгрому врага, как и предвидело советское военно-политическое руководство на основании анализа расстановки политических сил в Европе в то время, решала Красная Армия. Естественно, и в ходе оборонительных и наступательных операций Советских Вооруженных Сил на Черноморском побережье в 1941–1944 гг. основной ударной силой в борьбе с противником являлись сухопутные войска. Активную поддержку на всех этапах войны им оказывали объединения и соединения Черноморского флота, в том числе и Азовская военная флотилия. Их основные усилия были сосредоточены на всемерном содействии частям и соединениям приморских флангов фронтов, при этом большое внимание уделялось тесному взаимодействию сил армии и флота при решении совместных задач различного масштаба.

Следует отметить, что проблема организации взаимодействия

флотов и общевойсковых объединений решалась в различных звеньях оперативно-стратегического руководства Вооруженными Силами еще в предвоенные годы на основе исследований советской военной науки, которые показали, что цели отдельных операций и военных действий могут быть достигнуты лишь при условии четкого и всестороннего согласования времени, места, методов и способов использования объединений и соединений всех видов Вооруженных Сил. Этот основополагающий вывод нашел отражение в руководящих документах ВМФ того времени — временном Боевом уставе Морских Сил (БУМС-37) и Временном наставлении по ведению морских операций (НМО-40) — и остается столь же справедливым и в наши дни.

Однако, чтобы эти концепции военной науки стали реальностью, требовалось видоизменить формы и организацию руководства силами флотов и общевойсковых объединений при ведении ими совместных действий на приморских операционных направлениях континентальных театров. Такими новыми организационными формами, применявшимися в ходе войны и полностью оправдавшими себя, были передача флотов и военных флотилий в необходимое время в оперативное подчинение фронтам и армиям и объединение всех соединений и частей видов Вооруженных Сил и родов войск, решавших общую задачу, под единым руководством флотского или армейского начальника. Подобная организация руководства боевыми действиями успешно применялась при обороне Одессы и Севастополя, где все войска и силы были подчинены [270] старшему флотскому командиру, и при защите Новороссийска, которой руководил общевойсковой командир.

Вместе с тем в ходе ведения операций вскрылись и существенные недостатки в руководстве совместными действиями. Порой отдельные командиры и командующие не только не могли организовать взаимодействие, но и проявляли полное непонимание его сути. Флотские и войсковые командные пункты нередко находились на большом удалении друг от друга, связь между ними была неустойчивой, что мешало оперативно согласовывать вопросы ведения совместных боевых действий. В первый год войны при штабах войсковых объединений не было военно-морских специалистов, из-за чего во многих случаях приказания силам флотов отдавались без учета их возможностей, военно-географических особенностей морских театров, гидрометеорологических условий и других специфических факторов, влияющих на эффективность деятельности военно-морских сил.

В значительной мере данные недостатки проявились при

ведении боевых действий на южном приморском фланге в начальный период войны. Причины их как объективные, так и субъективные. Главными из них, по-видимому, были недостаточная подготовка части командных инстанций армии и флота к организации совместных боевых действий, а также непонимание ими возможностей взаимодействующих сил.

Ход вооруженной борьбы на приморских направлениях, в том числе и на черноморском, со всей убедительностью подтвердил ту важную ее закономерность, что успешных результатов можно достичь только при условии организации слаженных совместных действий всех видов Вооруженных Сил и родов войск. Там же, где проявляется непонимание роли оперативно подчиненных сил и их боевых возможностей при решении совместных задач, не исключено поражение. Именно по этой причине в мае 1942 г. в основном был потерян Керченский полуостров, что предопределило затем падение Севастополя и захват противником Крыма. Командующий Крымским фронтом был явно не подготовлен к руководству боевыми действиями столь крупного масштаба, в которых участвовали и сухопутные войска, и авиация, и бронетанковые соединения, и силы Черноморского флота и Азовской военной флотилии. Он не сумел объединить их усилия, что в итоге и помешало развить успех, достигнутый [271] в ходе Керченско-Феодосийской операции. Этот пример неудачной организации совместных действий весьма поучителен, а выводы из него актуальны и сегодня.

Сейчас все рода сил армии и флота оснащены мощным, эффективным и дальнобойным оружием, благодаря чему способны проникать в сферы деятельности друг друга. Это обстоятельство вносит коренные изменения в природу вооруженной борьбы в современных условиях, что, в свою очередь, объективно обусловливает появление новых форм, методов и способов использования разнородных сил армии и флота при совместном решении оперативно-тактических задач, а также соответствующих форм и методов руководства этими силами. Причем очень важно, чтобы формы и методы руководства апробировались еще в мирное время на научной основе, без волюнтаризма и поспешных импровизаций. Устранять огрехи в организации управления взаимодействующими объединениями и соединениями в ядерной войне, если ее попытаются развязать империалистические агрессоры, времени уже не будет.

Опыт вооруженной борьбы в Великой Отечественной войне показал, что особенно важно соблюдение принципа взаимодействия при организации столь сложной формы совместных боевых действий, как морские десантные операции. В

них участвуют объединения и соединения практически всех видов вооруженных сил с характерными, специфическими особенностями боевого управления и использования. Для учета этих особенностей необходим весьма высокий уровень организаторской деятельности командования и штабов всех рангов как при подготовке операций, так и в ходе их проведения.

К сожалению, при организации десантных действий, которые были характерны для вооруженной борьбы на южном приморском фланге советско-германского фронта, не всегда удавалось добиться четкой согласованности по месту, времени и способам воздействия на противника участвовавших в них разнородных соединений и частей, как того требуют положения военного искусства. Несогласованность же нередко приводила к возникновению трудностей в управлении силами, медленному развитию событий, снижению темпов наступления с захваченных плацдармов, неоправданным потерям, а в отдельных случаях — и к невыполнению поставленных задач. Примерами тому могут служить высадки десантов в Евпаторию, в районах Судака и Южной Озерейки, задачей которых являлось [272] нанесение внезапных ударов по противнику с тыла с целью отвлечь часть вражеских войск с участков фронта, рассматриваемых нашим командованием в качестве главных направлений планируемых наступательных операций. Действия этих десантов не были согласованы но времени с началом наступлений наших войск на главных направлениях. В результате десантники, против которых противник смог беспрепятственно бросить превосходящие силы, понесли большие потери и не выполнили поставленных задач.

Опыт высадки тактических десантов неоднократно подтверждал, что они в состоянии выполнить поставленные задачи лишь при условии своевременного перехода в наступление главных сил фронта и соединения их с десантом в кратчайшие сроки.

Проведение десантных операций войсками южного приморского фланга советско-германского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией показало, что успех их зависел от многих причин, в частности от правильного выбора момента осуществления десанта, обладания стратегической или оперативной инициативой, выбора главного направления высадки, создания превосходства в силах на этом направлении, достижения высоких темпов высадки десантируемых войск и их наступления для окружения и уничтожения врага, правильной организации руководства операцией, надежного управления, четкого взаимодействия участвующих сил и других факторов. В то же

время недостаточно полная разведка группировки сил противника и системы его противодесантной обороны, необоснованное распыление сил по многочисленным пунктам высадки, замена перед самой операцией соединений, предназначенных для десантирования, а более всего — неполное сосредоточение сил, особенно авиации (что было при организации и проведении, Керченско-Феодосийской десантной операции), отрицательно сказались на результатах десантных действий.

При планировании десантных операций, как покатал опыт, необходимо стремиться к созданию условий быстрого захвата портов в целях использования уцелевших портовых сооружений для осуществления последующий переброски тяжелых грузов.

Всего за годы Великой Отечественной войны флоты в интересах сухопутных войск высадили, как известно, более 100 оперативных, тактических и разведывательно-диверсионных [273] десантов. Подавляющее большинство их действовало успешно. И это несмотря на то, что организация десантных действий отрабатывалась, по существу, уже в ходе сражений с немецко-фашистскими войсками на приморских направлениях, так как данной форме деятельности Красной Армии и Военно-Морского Флота в предвоенные годы уделялось недостаточно внимания, к тому же отсутствовала материальная основа для ведения таких действий — специальные десантные и высадочные средства.

Основой для теоретических разработок проблем военного и военно-морского искусства в то время служила боевая практика первой мировой войны. Но эта война была небогата десантными действиями, что, естественно, не могло не сказаться и на взглядах высшего командования и военных научных кадров на формы, методы и способы ведения совместных действий, и на отработке их в ходе боевой и оперативной подготовки, и на определении состава сил при реализации программы советского военного кораблестроения. К началу Великой Отечественной войны только в составе Краснознаменного Балтийского флота имелись четыре самоходные десантные баржи типа СБ специальной постройки. На Черном море таковых не было, поэтому для перевозки десантов и в качестве десантно-высадочных средств приходилось использовать суда и плавсредства гражданских ведомств, которые не были приспособлены для десантирования войск и выгрузки боевой техники непосредственно на необорудованное побережье. Это вносило серьезные трудности в подготовку к высадке десантов, в организацию десантных отрядов, в боевое управление ими на переходах морем к местам высадки и в десантирование войск.

Включение в состав десантных отрядов кораблей, судов и плавсредств, обладающих различными мореходными и ходовыми качествами, приводило порой, особенно в штормовую погоду, к дезорганизации уже на первых этапах десантных действий, как это было, например, в Керченско-Феодосийской десантной операции и при высадке десанта в районе Южной Озерейки.

Как уже говорилось, при высадке десанта на Керченский полуостров в декабре 1941 г. некоторые маломореходные плавсредства постигла печальная участь еще на переходе морем — они погибли во время шторма. Часть кораблей и судов с десантными подразделениями и боевой техникой на борту вынуждена была возвратиться [274] в базу, а отдельные корабли и суда подошли к пунктам высадки со значительным опозданием. Все это отрицательно сказалось на темпах высадки десанта, на ходе боя за высадку и на успехе десантной операции в целом. Конечно, было бы неправильно объяснять просчеты в организации десантных действий только отсутствием десантно-высадочных средств специальной постройки. Но тем не менее приведенные факты подтверждают важную закономерность вооруженной борьбы: свойства боевой техники и оружия, уровень боевого мастерства личного состава должны соответствовать формам и способам, выбранным командующим (командиром) для решения той или иной задачи.

Вооруженная борьба как своеобразная деятельность человека в экстремальных условиях требует максимальной мобилизации всех сил и средств. В этом смысле не является исключением и использование (помимо кораблей специальной постройки) всех возможных плавсредств различного предназначения для осуществления десантных действий. Поэтому для достижения оптимальной эффективности при решении поставленных задач особого внимания командного состава требуют всесторонний анализ и учет всех возможностей совместного использования кораблей и судов, имеющих различные тактико-технические характеристики. Четкая организация перехода десантов морем является важным фактором, ибо любая задержка в движении высадочных средств резко снижает боеспособность их первых эшелонов.

Следует отметить и совершенно недопустимое пренебрежение гидрометеорологическим прогнозом на весь период операции. Неблагоприятные погодные условия могут поставить маломореходные суда в тяжелое положение, поэтому вопросы гидрометеорологической информации необходимо включать в перечень обязательных видов оперативного обеспечения, особенно если в операции участвуют силы авиации

и флота.

Среди других факторов, влияющих на успех десантных действий, особую роль играет специальная подготовка войск десанта. Она складывается из многих элементов: отработки посадки, размещения и высадки личного состава общевойсковых частей и соединений; погрузки и выгрузки боевой техники, боеприпасов и других грузов; отработки тактических приемов ведения боя за высадку и на плацдарме и т. д. Целенаправленная (и к тому же совместная) боевая и оперативно-тактическая подготовка [275] войск и сил флота важна не только с точки зрения отработки способов ведения десантных действий, но и с психологической точки зрения: необходимо приучить людей к специфике «наступления на сушу» со стороны моря. И на все это в плане операции должно быть отведено достаточно времени. Необходимо также согласовать все мероприятия боевого и специального обеспечения боевых действий с графиком движения десантных отрядов и ведения боя за высадку. При подготовке к Керченско-Феодосийской десантной операции эти, казалось бы, очевидные принципы были нарушены.

Некоторые общевойсковые командиры, не имевшие ни малейшего представления о кораблях и судах, посадку личного состава и погрузку боевой техники на них считали такой же обычной переброской войск к другому месту дислокации, как по железной дороге. Войска, предназначавшиеся для высадки на Керченский полуостров, по приказу командования фронта неоднократно заменялись, времени на сосредоточение высадочных средств и подготовку их к совместному переходу было недостаточно, что в последующем отрицательно сказалось на высадке десантных войск и снизило эффективность боевых действий на захваченных плацдармах.

Необходимо иметь в виду, что морские десанты явились на южном приморском фланге наиболее результативной формой содействия Военно-Морского Флота сухопутным войскам, особенно в условиях, когда они обладали оперативно-стратегической инициативой. Поэтому чрезвычайно велика роль личного участия общевойсковых, авиационных и флотских старших командиров в подготовке к высадке морского десанта — в проведении учений и тренировок, отработке взаимодействия, проверке готовности кораблей и т. п. Высокая натренированность личного состава кораблей, судов, частей и подразделений, предназначенных для высадки, несомненно способствовала более уверенным действиям при десантировании, ведении боя на берегу и снижению потерь.

Оперативная и боевая деятельность сил Черноморского флота

и Азовской военной флотилии в годы Великой Отечественной войны определялась общей оперативно-стратегической обстановкой на южном приморском фланге советско-германского фронта и теми задачами, которые решали войска приморских фронтов. Она, естественно, не ограничивалась участием военно-морских сил в десантных действиях и в обороне военно-морских баз [276] и приморских городов с сухопутных направлений, а также оказанием огневой поддержки частям и соединениям. Черноморский флот и Азовская военная флотилия самостоятельно решали традиционно флотские задачи по борьбе с военно-морскими силами на морских коммуникациях противника, по защите своих морских сообщений, перевозке войск и грузов, по обороне с моря военно-морских баз, портов и побережья.

И это несмотря на то, что здесь, на южном приморском фланге, Советский Военно-Морской Флот испытывал острый недостаток во всех видах вооружения и боевой техники: в морской авиации, подводных лодках, надводных кораблях некоторых классов, в том числе и транспортных судах, в артиллерийских системах различного назначения. Все это отрицательно сказывалось на проведении операций, приводило к неполному выполнению поставленных задач, большим потерям в кораблях, личном составе и боевой технике.

Активные разноплановые действия сил Черноморского флота в 1941–1944 гг. сыграли важную роль в разгроме врага на южном приморском фланге советско-германского фронта. От ударов морской авиации, надводных кораблей и подводных лодок противник потерял на Черном море около 300 боевых кораблей различных классов, судов и плавсредств. Силы Черноморского флота обеспечили проводку 6644 транспортных судов, его корабли и суда перевезли около 2 млн военнослужащих и гражданского населения, 1720 танков и бронемашин, свыше 7,5 тыс. артиллерийских орудий, 40 тыс. автомашин и тракторов, 320 тыс. т боеприпасов и 1,5 млн т других воинских и народнохозяйственных грузов.[274]

Морская пехота наряду с сухопутными войсками принимала активное участие в обороне Одессы, Севастополя, Керчи, Новороссийска и других приморских городов. Морские пехотинцы, наиболее подготовленные к ведению боя за высадку, составляли ядро штурмовых групп первых бросков десантов. Именно благодаря их умелым и отважным действиям был захвачен важный оперативный плацдарм в районе Станички, использование которого впоследствии сыграло решающую роль в изгнании немецко-фашистских захватчиков из Новороссийска.

Поэтому не случайно, что из 6268 защитников Малой земли, [277] награжденных за героизм и мужество орденами и медалями Советского Союза в феврале — августе 1943 г., 1564 являлись морскими пехотинцами — краснофлотцами, старшинами и офицерами (ЦАМО, ф. 2055, оп. 1, д. 65, л. 761).

Вклад сил Черноморского флота и Азовской военной флотилии в сдерживание натиска противника в оборонительный период и в его разгром в ходе наступательных операций не исчерпывается только материальным ущербом, нанесенным врагу, перевозками войск и различных грузов. Их демонстративные действия и создание постоянной угрозы высадки десантов во фланг и тыл неприятеля вынуждали немецко-фашистское командование отвлекать значительную часть войск с фронта на оборону побережья Черного и Азовского морей. Это облегчало выполнение боевых задач войскам Красной Армии, действовавшим на приморском направлении.

Вооруженная борьба на южном приморском фланге советско-германского фронта в 1941–1944 гг. показала, насколько велико значение совместных согласованных действий всех видов Вооруженных Сил при решении общих оперативно-стратегических задач. Это обусловлено объективными специфическими законами войны, определяющими зависимость хода и исхода боя или операции от правильной оценки боевой мощи противоборствующих сил, от умения сосредоточить основные усилия на главном направлении. Использование этих законов в боевой практике во многом зависит от структуры созданной системы управления боевыми действиями в том или ином регионе, от степени централизации руководства взаимодействующими силами, от умения военачальника правильно распорядиться находящимися в его непосредственном и оперативном подчинении силами, а также от форм и методов руководства ими при подготовке и ведении операции.

При решении организационных вопросов руководства вооруженной борьбой на приморских направлениях и на отдельных их участках в годы войны Ставка Верховного Главнокомандования учитывала, какие силы противника представляют здесь главную опасность — сухопутные или морские, и какие именно собственные силы смогут сыграть главную роль в противоборстве. Исходя из этого, при планировании оборонительных и наступательных [278] операций на Черноморском и Азовском побережье Ставка объединяла все взаимодействующие силы под единым командованием во главе с общевойсковым или флотским военачальником. Это придавало боевым действиям гармоничный и хорошо скоординированный

характер.

Вопрос, кому быть единоначальником при ведении совместных действий различными видами Вооруженных Сил, как показала боевая практика, должен решаться не из престижных соображений, а на основе объективной и всесторонней оценки обстановки. Совершенно правильно поступала в годы войны Ставка, назначая командующими Одесским и Севастопольским оборонительными районами военно-морских военачальников. Это диктовалось всем ходом вооруженной борьбы в этих регионах. Устойчивость обороны Одессы и Севастополя, блокированных войсками противника с суши, всецело зависела от бесперебойности доставки морем войск, боевой техники, оружия, боеприпасов, топлива и других грузов, от предотвращения угрозы удара неприятеля со стороны моря, от организации систематической и эффективной огневой поддержки артиллерией кораблей и авиацией флота. Естественно, наиболее грамотно распорядиться использованием военно-морских сил при решении этих задач мог только флотский военачальник, в деталях знающий возможности морских систем вооружений. При ведении же вооруженной борьбы на обширных участках приморских направлений, где главенствующую роль играли сухопутные войска, силы ВМФ передавались, как правило, в оперативное подчинение общевойсковым военачальникам. Наиболее часто в подобное оперативное подчинение передавались Черноморский флот и Азовская военная флотилия (главнокомандующим направлений, командующим приморских фронтов и даже некоторых армий). Введение в 1942 г. должности заместителя командующего общевойсковым объединением (соединением) по морской части, которому оперативно подчинялись Черноморский флот и Азовская военная флотилия, создание при штабах морских групп и отделов существенно повысили эффективность использования военно-морских сил в совместных операциях.

К сожалению, в первый год войны наблюдалось пренебрежительное отношение некоторых общевойсковых командующих к боевым возможностям сил флота в оказании содействия войскам на приморских направлениях. [279]

Особенно это проявилось в деятельности командующего Крымским фронтом осенью 1941 г. и зимой 1941/42 г. При выполнении задачи по освобождению Крыма он в основном ориентировался на ударную мощь войск фронта, не использовал силы флота и флотилии в интересах фронта и тем самым игнорировал закон взаимосвязи боевых действий стратегического, оперативного и тактического масштабов. Печальный итог пренебрежения законами вооруженной борьбы

известен: Крым нашими войсками в мае 1942 г. был оставлен.

Совершенно справедливо Ставка ВГК указывала, что одной из главных причин поражения войск Крымского фронта явилось непонимание его командованием природы современной войны. Это поражение и достояние истории, и, главное, урок на будущее.

В вооруженной борьбе очень важно полное взаимопонимание командиров всех категорий в вопросах о методах и способах ведения боевых действий. Очень важно, чтобы задачи, решаемые привлекаемыми силами, соответствовали их оперативно-тактическим возможностям и тактико-техническим характеристикам боевых средств. Все это должно познаваться и отрабатываться до высокой степени совершенства еще в мирное время.

Необходимо иметь в виду, что при сосредоточении усилий противника на приморских флангах резко возрастает роль флотов в вооруженной борьбе, а военно-морские базы становятся труднопреодолимыми узлами сопротивления, которые в состоянии длительное время сдерживать наступление врага вдоль побережья, оттянуть на себя значительные силы, сковать их, а при благоприятных условиях и остановить. В этой связи заблаговременная подготовка оборонительных рубежей баз, портов, приморских городов и территорий со стороны берега имеет первостепенное значение. Думается, что найденная в ходе Великой Отечественной войны такая форма организации защиты баз, как «оборонительный район», была рациональной и не утратит своей актуальности в будущем.

Особое значение в вооруженной борьбе на море приобретают так называемые ключевые районы (которые имеют практически все морские и океанские театры), каким, в частности, являлся Крымский полуостров: владеющий им осуществлял господство на Черном море.

В борьбе за Крымский полуостров с предельной очевидностью выявились важность противодесантной обороны [280] побережья, эффективность ее при сосредоточении усилий на десантоопасном направлении, с одной стороны, и недопустимость необоснованной десантобоязни, приводящей к распылению сил в оперативном плане, — с другой. Выбор принципа расстановки сил для решения задач противодесантной обороны является прерогативой военного искусства военачальника.

Немаловажную роль в вооруженной борьбе па приморских флангах и в регионах, изобилующих значительными водными артериями, приобретает своевременное создание морских и речных объединений, какими явились Азовская военная флотилия, Волжская военная флотилия, Дунайская военная

флотилия и другие. Без этих формирований вряд ли возможно было решение многих оперативных задач. Поэтому необходимо отдать должное Наркомату Военно-Морского Флота, который уже в июле 1941 г. потребовал сформировать Азовскую военную флотилию, а в феврале 1943 г. в предвидении скорого выхода войск Красной Армии на Азовское побережье — воссоздать ее. И несмотря на крайне тяжелые условия формирования, разнотипность корабельного состава, необходимость вооружения судов, мобилизованных из гражданских ведомств, разбросанность мест комплектования частей и подразделений (Поти, Сухуми, Очемчири, Туапсе), слабость самолетного парка, необходимость создания пунктов базирования с соответствующими ремонтными возможностями и т. п., флотилия была сформирована своевременно и оказалась в состоянии решать поставленные перед ней задачи. Справедливости ради необходимо отметить, что некоторые задачи, поставленные перед флотом Ставкой ВГК без учета имевшихся сил и средств, были выполнены не полностью. Так, требование Ставки летом 1943 г. пресечь силами флота и фронта коммуникации таманской группировки противника через пролив в полной мере выполнено не было, так как большая часть корабельного состава была задействована для обеспечения воинских перевозок и защиты собственных морских коммуникаций. Здесь необходимо отметить и недооценку командованием Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота возможностей врага по эвакуации основных сил своей 17-й армии с Таманского полуострова в Крым. Выделенные силы — торпедные катера и незначительная часть штурмовой авиации флота — для решения задачи срыва переправы противника через Керченский пролив были явно недостаточными. [281]

Велико значение авиации в боевых действиях па море. Как показал опыт войны, оно заключается в том, что, не имея авиационного прикрытия в районе боевых действий, флот несет значительные потери в корабельном составе. Кроме того, авиация способна сама наносить существенный ущерб противнику на его морских коммуникациях. Но при этом, несомненно, состав авиагрупп должен быть сбалансированным. Так, отсутствие самолетов-разведчиков с большим радиусом действия не позволяло вскрывать обстановку на всю глубину морского театра с необходимой периодичностью, а отсутствие истребителей вынуждало вести разведку на пределе визуальной видимости.

Примером творческого, гибкого подхода Ставки ВГК, главнокомандования направления, командования фронта к вопросам взаимодействия армии и флота на приморском фланге может служить формирование в августе 1941 г. в рамках Азовской

военной флотилии Отдельного Донского отряда кораблей, действовавшего в интересах Южного фронта, а в мае 1942 г. Отдельного Кубанского отряда кораблей для поддержки 47-й армии, борьбы с минной опасностью и обеспечения коммуникаций на реке Кубань. Создание этих отрядов диктовалось сложной динамичной обстановкой на фронте, когда успех выполнения задач часто зависел только от инициативы и самостоятельности командиров кораблей.

Вооруженная борьба на юге нашей страны дала блестящие примеры организации обороны военно-морских баз. Память о беспримерной стойкости защитников Одессы, Севастополя и Новороссийска будет вечно жить в нашем народе. Не претендуя на полный и всесторонний анализ причин успехов и неудач при решении флотом задач защиты своих баз, хотелось бы остановиться на некоторых из них.

Прежде всего необходимо отметить, что боевые действия по обороне военно-морских баз и приморских городов требуют максимального напряжения сил общевойсковых частей и соединений, авиации, артиллерии, корабельного состава флота и транспортных средств. В этих условиях только подчинение разнородных сил единому командованию, централизация управления всеми силами позволяют организовать тесное взаимодействие армейских частей, соединений, авиации, кораблей и частей флота. Кстати, любым организационным мероприятиям должен быть присущ фактор своевременности. Так, создание в [282] конце октября единого командования войск Крыма, что в иных условиях несомненно принесло бы существенную пользу, было акцией явно запоздалой и не смогло оказать сколько-нибудь заметного влияния на ход событий, а может быть, было и вовсе нецелесообразным.

Со всей убедительностью подтвердился тот факт, что надежная защита приморских городов может быть организована только при условии оказания постоянной помощи войскам со стороны флота в переброске морем соединений ж частей, оружия, боеприпасов и всех видов снабжения, в артиллерийской и авиационной поддержке, в ведении активных десантных и других отвлекающих действий на различных участках фронта. В том, что, не прервав морских коммуникаций, по которым осуществляется снабжение войск оборонительного района, нельзя овладеть городом, убеждает провал двух наступлений немецко-фашистских войск на Севастополь.

Не подлежит сомнению и тот факт, что устойчивость обороны баз зависит от заблаговременного создания оборонительных позиций. Однако необходимо отметить, что Военный совет

Черноморского флота, предвидя возможность ударов по Севастополю с суши, заблаговременно, еще в июле 1941 г., принял решение приступить к сооружению сухопутных оборонительных рубежей и энергично проводил его в жизнь. Строительство же оборонительных сооружений Новороссийского оборонительного района велось недостаточно организованно и интенсивно, что впоследствии создало большие трудности для обороны города. И действительно, только в конце сентября 1941 г. командир Новороссийской военно-морской базы обратил внимание Военного совета Черноморского флота на неудовлетворительное состояние сухопутной обороны города. К сожалению, и решение командующего Черноморским флотом «строить (оборонительные рубежи. — С. Г.) самостоятельно, совместно с округом» не решало проблемы кардинально.

Не лучше обстояло дело и с распределением ответственности за строительство участков обороны: рубежи сухопутного направления строил флот, а создание противодесантной обороны возлагалось на командование Северо-Кавказского фронта. Неподготовленность же оборонительных рубежей привела к тому, что отходящие под натиском противника войска не смогли в короткий срок на них закрепиться, как это было, например, в августе 1942 г. на новороссийском направлении. [283]

Оборонительные бои за военно-морские базы имеют свою специфику, поэтому требуют специальной подготовки прежде всего морских частей и подразделений для ведения самостоятельных боевых действий, часто в отрыве от главных сил, быстрого перехода к обороне на неподготовленных участках, организации системы огня, взаимодействия с соседними подразделениями, создания систем заграждения, отражения атак противника и стремительного перехода в контратаки, окружения и уничтожения просочившегося противника.

Неоценимую роль в обороне военно-морских баз и приморских городов играет авиация. Она способна не только наносить удары по позициям противника, его военным объектам и тылам, но и защищать свои корабли, участвующие в огневом содействии обороняющимся частям и соединениям, прикрывать с воздуха корабли и суда, доставляющие в осажденный город войска, боеприпасы, вооружение, боевую технику, продовольствие, горючее и т. п. Так, потеря нами большинства крымских аэродромов осенью 1941 г. создала угрозу массированных воздушных ударов по главной базе и предопределила перебазирование таких мощных артиллерийских кораблей, как линкор «Парижская коммуна», крейсер «Молотов», лидер эскадренных миноносцев «Ташкент», и других кораблей.

Господство противника в воздухе неизбежно ведет к тяжелым потерям, как было, например, 2 июля 1942 г., когда Черноморский флот потерял в Цемесакой бухте лидер «Ташкент», эсминец «Бдительный», минный заградитель, два миноносца, подводную лодку и несколько других кораблей. Это же явилось одной из основных причин, заставивших считать дальнейшую оборону Севастополя нецелесообразной.

Опыт Великой Отечественной войны однозначно определил место дислокации командования и органов управления узлов сопротивления, какими являлись оборонительные районы. Совершенно очевидно, что для обеспечения наибольшей устойчивости управлять обороняющимися войсками следует находясь в эпицентре боевых действий.

Примерами тому могут служить следующие события. Командование, Военный совет, руководящие партийные и советские работники ушли из эвакуировавшейся Одессы 16 октября 1941 г. в числе последних.

В ходе обороны командующий Севастопольским оборонительным районом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский [284] постоянно находился в Севастополе, а выехав но неотложным делам в Новороссийск, 17 декабря 1941 г. получил приказ Ставки ВГК немедленно вернуться для непосредственного руководства боевыми действиями.

Современная материальная база вооруженной борьбы как на континентальном, так и на морском театре кардинально отличается от той, которая существовала в период Великой Отечественной войны. Общевойсковые и морские системы вооружений стали мощными, дальнобойными, эффективными, следовательно, силы Советской Армии и Военно-Морского Флота могут оказывать друг другу поддержку и успешно взаимодействовать при выполнении общих оперативно-стратегических задач.

Значительная часть ракетно-ядерных систем развернута на океанских театрах и оттуда может угрожать территории нашей страны. Американские и натовские стратеги в своих агрессивных планах, которые пока реализуются во всевозможных учениях объединенных военно-морских сил и других видов вооруженных сил США и их союзников по НАТО, важное значение придают борьбе на океанских театрах. Это объективно обусловливает, с одной стороны, возрастание роли самостоятельных действий сил Военно-Морского Флота в вооруженной борьбе на океанских просторах, а с другой — увеличение вклада сил флота в сдерживание угрозы с океанских направлений.

Качественные изменения материальной базы вооруженной

борьбы на континентальных и океанских театрах и, как следствие этого, изменение характера, форм, методов и способов ее ведения требуют соответственно новых форм и методов руководства войсками и силами флота как в самостоятельных, так и в совместных операциях, их всесторонней проверки и отработки в ходе боевой и оперативной подготовки. Наиболее сложным является, как показывает анализ опыта вооруженной борьбы на южном приморском фланге, руководство совместной боевой деятельностью общевойсковых и флотских объединений и соединений. Поэтому подготовку командиров и штабов различных уровней войск и сил флота необходимо проводить так, чтобы совместные действия стали для них привычными в любых ситуациях.

В приказе Верховного Главнокомандующего от 22 июля 1945 г. давалась оценка роли Военно-Морского Флота в Великой Отечественной войне, констатировалось, что в борьбе советского народа с немецко-фашистскими [285] захватчикам «флот до конца выполнил свой долг перед советской Родиной»,[275] и выражалась надежда, что он станет еще более могучим.

Возросшие за послевоенные годы возможности социалистической экономики, достижения научно-технического прогресса позволили поднять на новый уровень техническую оснащенность Военно-Морского Флота. В настоящее время в его составе находятся современные атомные подводные лодки, вооруженные различными ракетами и оборудованные совершенными средствами навигации, управления и связи. Новейшей техникой оснащены и надводные корабли различных классов, морская авиация, береговые ракетно-артиллерийские войска, морская пехота. Обновленный флот уверенно встал на защиту мира и социализма на просторах Мирового океана.

Наличие мощного флота, адекватного тем военно-морским силам, которые реально создают угрозу с океанских направлений для Советского Союза и стран социалистического содружества, — одно из условий гарантии мирного труда наших народов и защиты социализма.

В своем развитии Военно-Морской Флот СССР неуклонно руководствуется генеральной линией Коммунистической партии и Советского правительства, исходящей из того, что наша страна не стремится к завоеванию территорий других народов и тем более к завоеванию мирового господства, а также к навязыванию своей идеологии или к достижению собственной безопасности за счет других стран и народов. Но, к сожалению, еще очень влиятельны силы, определяющие политику США и некоторых западных стран, которые не хотят лишаться превосходства,

особенно в военно-морских силах, не желают вести переговоры с партнерами на равных. В этих условиях личный состав Советского ВМФ должен совершенствовать выучку, повышать боевое мастерство — один из важнейших компонентов морской мощи нашего государства.

Хотелось бы надеяться, что этот военно-исторический очерк поможет военным морякам глубже понять закономерности вооруженной борьбы при совместных действиях армии и флота на приморских флангах, сделать необходимые выводы, учесть их в боевой, политической и оперативной подготовке и тем самым поднять уровень боеготовности сил Советского Военно-Морского Флота.

Указатель

Акула — 62
Бдительный — 80, 135*, 283
Безупречный — 86
Беспощадный — 192
БКА № 123–237
БКА № 133–237
БКА № 201–110
БКА № 202–110
БКА № 205–110
Бойкий — 34
Большевик — 41
Буг — 46, 47, 97, 121
Варяг — 114
Ворошилов — 30, 34, 190
Грузия — 41
Декабрист — 62
Дзержинский — 34
Днестр — 46, 63, 97
Дон — 90, 95, 97, 116, 121
Железняков — 66
Железняков (МН) — 97, 121, 123, 223
Красная Абхазия — 223
Красная Грузия — 65, 175, 223
Красный Аджаристан — 65, 223
Красный Кавказ — 30, 44, 50, 66–67, 192
Красный Крым — 30, 44, 50, 66–67, 192
Красный флот — 62
Кренкель — 95, 96
Кубань — 66, 223
ледокол № 4–90, 95, 121
М-51–67
Мариуполь — 123
Меркурий — 114
Молотов — 30, 43, 46, 283
Москва — 30
Незаможник — 45, 66
Октябрь — 154–155
Парижская коммуна — 30, 43, 50, 145, 283
Пенай — 62
Перванш — 95
ПК-129–97

Рационализатор — 229
Рион — 46, 47*, 90, 97
Ростов-Дон — 95, 96, 154–155
Севастополь — 30
Серафимович — 114
СКА № 013–67
СКА № 0112–232
СКА № 0131–67
СКА № 0212–233
СКА № 0312–233
СКА № 0712–232
Скумбрия — 195
Сообразительный — 80, 158, 192
Советская Россия — 62
Т-411–157
Ташкент — 30, 43, 80, 86, 135*, 286
Урицкий — 62
Фанагория — 62
Харьков — 30, 80, 158, 192
Червона Украина — 30, 44, 51
Шаумян — 66
Щ-201–67
Щит — 175

notes

Примечания

1

Morgenthau Hans J. In defence of the national interest. A critical examination of american foreign policy. New York, 1952. P. 165.

2

The Times. 1941. June. 23.

3

См.: Самсонов А. М. Вторая мировая война. 1939–1945 гг. М., 1985. С. 116.

4

См.: История второй мировой войны, 1939–1945: В 12 т. М., 1975. Т. 4. С. 130.

5

«Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 299.

6

«Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 317.

Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 81.

8

См.: «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 199–201, 207–209.

9

См.: «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 213.

Роковые решения. М., 1958. С. 153.

11

См.: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. С. 323, 324.

12

Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971. Т. 3. Кн. 2, С. 221.

13

«Совершенно секретно! Только для командования!». С. 389.

14

«Совершенно секретно! Только для командования!». С. 265.

15

Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1941–1942. М.: Воениздат, 1983. С. 433.

16

Василевский Д. М. Дело всей жизни. М., 1984. С. 335.

17

Guderian H. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951. S. 182.

18

ЦВМА, ф. 72, д. 767, л. 163; ЦАМО, ф. 407, оп. 7852, д. 1, л. 104, 105.

19

Азовская военная флотилия была сформирована на основании решения Государственного Комитета Обороны от 20 июля 1941 г. и входила в состав Черноморского флота. Командующим флотилией был назначен капитан 1 ранга А. П. Александров, военкомом — бригадный комиссар А. Д. Рощин, начальником штаба — капитан 2 ранга И. А. Фроликов.

20

ЦВМА, ф. 107, д. 911, л. 16, 17.

21

ЦВМА, ф. 155, д. 145, л. 13, 14, 16, 17.

22

ЦВМА, ф. 10, д. 242, л. 77.

23

ЦВМА, ф. 10, д. 242, л. 89-120; ф. 2, д. 9224, л. 104.

24

ЦВМА, ф. 4, д. 33851, л. 23.

25

ЦВМЛ, ф. 38. д. 2286, л. 24.

26

Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971. Т. 3, Кн. 1. С. 376.

27

ЦВМА, ф. 10, д. 1950, л. 12.

28

ЦВМА, ф. 10, д. ИЗ, л. 24, 25; ф. 38, д. 2286, л. 23, 24; ф. 204, Д. 6772, л. 10, 31, 32.

29

ЦВМА, ф. 407, оп. 9836, д. 2, д. 183.

30

Батов П. И. В походах и боях. 4-е изд. М., ДОСААФ, 1984. С. 129.

31

ЦВМА, ф. 175, д. 724, л. 4.

32

ЦАМО, ф. 407, оп. 9852, д. 1, л. 26–28.

33

ЦВМА, ф. 72, д. 794, л. 18.

34

ЦВМА, ф. 72, д. 823, л. 143, 182, 185.

35

См.: Манштейн Э. Утерянные победы. 1957. С. 214, 215.

36

ЦВМА, ф. 2, д. 40 275, л. 8.

37

См.: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. С. 296.

38

Основная директива Закавказского фронта на проведение Керченско-Феодосийской десантной операции была дана 13 декабря.

39

ЦАМО, ф. 215, оп. 1185, д. 1, л. 5, 6.

40

См.: Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. М., 1958. Т 1. С. 420, 430.

41

ЦВМА, ф. 10, д. 32 591, л. 97-150.

42

ЦВМА, ф. 10, д. 32 591, л. 136–144, 150.

43

ЦВМА, ф. 10, д. 32591, л. 35, 36.

ЦВМА, ф. 10, д. 32591, л. 29–54.

45

ЦВМА, ф. 10, д. 32 591, л. 150.

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 155.

47

ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 26, л. 15, 16.

См.: Саркисьян С. М. 51-я армия. М., 1983. С. 66.

49

ЦАМО, ф. 407, оп. 9837, д. 34, л. 23–25.

50

Северо-Кавказское направление было создано по приказу Ставки ВГК от 22 апреля 1942 г. в целях облегчения управления войсками южного крыла советско-германского фронта. В него вошли Крымский фронт, Севастопольский оборонительный район, Северо-Кавказский военный округ, Черноморский флот и Азовская военная флотилия (прим. — С. Г.).

51

ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, л. 136–137.

52

ЦВМА, ф. 72, д. 1207, л. 35.

53

ЦВМА, ф. 38, д. 2286, л. 33–36.

54

Цит. по: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5. С. 125.

55

См.: История второй мировой войны. 1939–1945 Т. 5. С. 133.

Правда. 1942. 4 июля.

57

Цит. по: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5. С. 136.

58

1941 г.

59

А. П. Александров — активный участник гражданской войны. С марта 1936 г. по февраль 1937 г. исполнял обязанности начальника Военно-морской академии, а перед войной был преподавателем академии.

60

"Совершенно секретно! Только для командования!". С. 385.

61

См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг.: Краткая история. М., 1984. С. 160.

62

ЦВМА, ф. 175, д. 32 678, л. 5, 18.

63

ЦВМА, ф. 175, д. 724, л. 14.

ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 30, л. 90.

ЦВМА, ф. 175, д. 10813, л. 2.
{66} {67} {68} {69}

ЦВМА, ф. 175, д. 23 409, л. 5.

67

ЦВМА, ф. 175, д. 10813, л. 88–90; Сообщения Советского Информбюро. М., 1944. Т. 2. С. 132.

ЦВМА, ф. 175, д. 10813, л. 88, 92.

69

ЦВМА, ф. 175, д. 9118, л. 1–2.

ЦВМА, ф. 175, д. 10 813, л. 81. 87.

71

ЦВМА, ф. 98, д. 7747, л. 12; ф. 175, д. 10813, л. 87, 88; Д. 10720, л. 5.

ЦВМА, ф. 175, д. 10 813, л. 92; д. 32 678, л. 19, 20.

73

ЦВМА, ф. 175, д. 9114, л. 1–3.

ЦВМА, ф. 175, д. 9114, л. 4–7.

75

ЦВМА, ф. 175, д. 9116, л. 25–29; д. 9118, л. 27; д. 10 814, л. 3.

ЦВМА, ф. 11, оп. 2, д. 181, л. 225; ф. 2, оп. 13, д. 4, л. 237.

77

ЦВМА, ф. 2, оп. 1, д. 689, л. 314; ф. 175, д. 33573, л. 153; Д. 32688, л. 116, 117.

ЦВМА, ф. 175, д. 9116, л. 32; д. 10 814, л. 9-22.

79

См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1976. Т. 1. С. 84.

80

ЦВМА, ф. 175, д. 10814, л. 7, 9, 10.

81

ЦВМА, ф. 175, д. 10 814, л. 4, 10.

82

ЦВМА, ф. 175, д. 10 720, л. 30, 31, 50.

83

ЦВМА, ф. 175, д. 32 688, л. 44.

84

ЦВМА, ф. 175, д. 32 688, л. 44.

85

ЦВМА, ф. 175, д. 32 688, л. 62.

ЦВМА, ф. 175, д. 32 688, л. 58–61, 118.

87

См.: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5. С. 163.

ЦВМА, ф. 175, д. 23409, л. 17, 18, 21, 35, 41.

89

ЦВМА, ф. 175, д. 23409, л. 30–34.

ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 12, л. 266–267.

91

См.: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5. С. 207.

92

ЦВМА, ф. 175, д. 32 688, л. 15–17.

93

Цит. по: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5. С. 167.

ЦВМА, ф. 175, д. 32688, л. 70–74; д. 9118, л. 186 об.

95

ЦВМА, 175, д. 32 688, л. 78, 79.

ЦВМА, 83, д. 921, л. 59.

97

ЦВМА, 175, д. 32 688, л. 71.

ЦВМА, 175, д. 9118, л. 190, 191.

ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 31, л. 242.

100

ЦВМА, ф. 175, д. 10823, л. 5.

101

ЦВМА, ф. 175, д. 9118, л. 191.

102

ЦВМА, ф. 72, д. 1822, л. 64.

103

Керченская военно-морская база находилась к этому времени в Тамани.

104

ЦВМА, ф. 175, д. 9116, л. 54.

105

ЦВМА, ф. 175, д. 9116, л. 54.

106

ЦВМА, ф. 175, д. 10823, л. 2 об., 3.

107

ЦВМА, ф. 175, д. 10 823, л. 2 об., 3.

108

ЦВМА, ф. 175, д. 23 409, л. 87.

109

ЦВМА, ф. 175, д. 32688, л. 140, 165, 166; д. 10815, л. 15, 16; д. 39643, л. 220.

110

ЦВМА, ф. 79, д. 33 573, л. 153; ф. 175, д. 9118, л. 189; д. 23 409, л. 100–106.

111

Приказ командующего Черноморским флотом о расформировании АВФ был отдан 8 сентября 1942 г.

112

Архив МО, ф. 500, оп. 12 475, д. 4, л. 216–217.

113

"Совершенно секретно! Только для командования!". С. 214.

114

Журнал боевых действий группы армий «А», запись за 15 августа.

115

В годы войны Новороссийской военно-морской базой командовали: до июля 1941 г. — капитан 1 ранга А. П. Александров, с июля — капитан 1 ранга А. С. Фролов, с сентября — капитан 1 ранга Г. Н. Холостяков.

116

ЦВМА, ф. 72, д. 812, л. 137; д. 786, а. 27.

117

ЦВМА, ф. 55, д. 5108, л. 157–165.

118

ЦВМА, ф. 2, оп. 1, д. 810, л. 127–145.

119

ЦВМА, ф. 55, д. 5108, л. 309; ф. 10, д. 17715, л. 133.

120

ЦВМА, ф. 55, д. 5105, л. 10–20.

121

ЦВМА, ф. 55, д. 5108, л. 158.

122

ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 31, л. 242.

123

ЦАМО, ф. 412, оп. 10282, д. 31, л. 54.

124

ЦВМА, ф. 175, д. 32 688, л. 101–102.

125

ЦВМА, ф. 338, д. 10 817, л. 1.

126

ЦВМА, ф. 338, д. 10817, л. 12.

127

ЦВМА, ф. 338, д. 10 817, л. 1 об.

128

См.: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5, С. 215.

129

См.: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5, С. 215.

130

По решению Военного совета Северо-Кавказского фронта с 9 августа 1942 г. Темрюкская, Керченская и Новороссийская военно-морские базы были переданы в подчинение командующему Азовской военной флотилией.

131

ЦАМО, ф. 402, оп. 9575, д. 40, л. 66 об.

132

ЦВМА, ф. 55, д. 32666, д. 6.

133

ЦВМА, ф. 338, д. 10817, л. 12.

134

ЦВМА, ф. 55, д. 5113, л. 26.

135

ЦВМА, ф. 55, д. 40332, л. 1.

136

ЦВМА, ф. 109, д. 24 043, л. 194.

137

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3, Кн. 2. С. 318, 319, 321, 323.

138

ЦВМА, ф. 55, д. 5113, л. 47–49.

139

ЦВМА, ф. 55, д. 5113, л. 50–53.

140

ЦВМА, ф. 55, д. 32 666, л. 7–9.

141

ЦВМА, ф. 175, д. 10823, л. 52. об., 53.

142

ЦВМА, ф. 175, д. 10823, л. 54–54 об.

143

ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 32, л. 167.

144

ЦВМА, ф. 175, д. 10 823, л. 54 об., 55.

145

ЦВМА, ф. 175, д. 10 823, л. 56.

146

ЦВМА, ф. 175, д. 10 823, л. 67–69.

147

ЦВМА, ф. 175, д. 10823, л. 58 об.

148

ЦВМА, ф. 175, д. 9117, л. 57.

149

ЦВМА, ф. 55, д. 5111, л. 61.

150

С 1 сентября 1942 г. по указанию Ставки ВГК Черноморский флот перешел в оперативное подчинение Закавказского фронта.

151

ЦВМА, ф. 55, д. 5113, п. 63.

152

ЦАМО, ф. 276, оп. 811, д. 90, л. 19.

153

ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1640, д. 188, л. 416–420.

154

ЦВМА, ф. 175, д. 10 823, л. 74–74 об.

155

ЦВМА, ф. 175, д. 10 823, л. 75.

В Геленджик, Кабардинку и на восточный участок обороны было эвакуировано более 3200 человек и переправлено несколько малокалиберных орудий.

157

ЦВМА, ф. 175, д. 10823, л. 76, 78.

158

ЦВМА, ф. 83, д. 2841, л. 75–78, 80, 83–87.

159

ЦВМА, ф. 109, д. 24 043, л. 101–109, 189–227.

160

"Совершенно секретно! Только для командования!". С. 375–376.

161

ЦВМА, ф. 175, д. 10 823, л. 75 об., 76.

162

ЦВМА, ф. 175, д. 10 818, л. 16–19.

163

ЦВМА, ф. 175, д. 10823, л. 78 об.

164

ЦВМА, ф. 338, д. 10817, л. 19; Военно-исторический журнал 1974. № 3. С. 21.

165

ЦВМА, ф. 109, д. 24 043, л. 204.

166

ЦВМА, ф. 338, д. 10716, л. 212, 213.

167

24 января 1943 г. решением Ставки ВГК Северная группа войск Закавказского фронта была преобразована в Северо-Кавказский фронт.

168

ЦАМО, ф. ЧГВ, оп. 811, д. 136, л. 149.

169

ЦВМА, ф. 399, д. 37076, л. 17. Номер этого танкового батальона неоднократно изменялся (62, 563, 667-й).

170

ЦАМО, ф. ЧГВ, оп. 813, д. 39, л. 59.

171

В ответ на запрос командования групп армий об усилении репрессий в начале февраля 1943 г. офицерам (от командира полка и выше) по указанию Гитлера было предоставлено право выносить смертные приговоры "от имени военно-полевого суда".

172

"Совершенно секретно! Только для командования!". С. 453.

173

ЦАМО, ф. ЧГВ, оп. 811, д. 136, л. 211, 212.

174

ЦАМО, ф. СКФ, оп. 932, д. 282, л. 17.

175

ЦВМА, ф. 83, д. 9633, л. 1, 2.

176

ЦВМА, ф. 83, д. 9633, д. 3, 4, 7–9.

177

ЦВМА, ф. 83, д. 9633, л. 1, 4, 7, 8.

178

ЦВМА, ф. 2, д. 36 811, л. 114.

179

ЦВМА, ф. 10, д. 6091, д. 64, 65.

180

ЦВМА. ф. 83, д. 3015. л. 77.

181

ЦВМА, ф. 83, д. 9633, л. 18, 19; ф. 10, д. 6091, л. 23, 24.

182

Болиндвр — самоходная десантная баржа времен первой мировой войны. В мирное время баржи использовались в качестве временных пристаней. При подготовке к операции три болиндера были отремонтированы, вооружены и зачислены в состав флота как несамоходные десантные баржи. Водоизмещение — 530 т, длина — 45,8 м, ширина — 7,2 м, осадка — 2,2 м. Болиндер мог принять до 10 танков или до батальона пехоты.

183

ЦВМА, ф. 10, д. 6091, л. 66.

184

ЦВМА, ф. 72, д. 3423, л. 2; д. 3260, л. 115.

185

ЦВМА, ф. 55, д. 32689, л. 7.

186

ЦВМА, ф. 55, д. 32689, л. 9-11, 13.

187

ЦВМА, ф. 55, д. 5652, л. 18.

188

ЦВМА, ф. 55, д. 32689, л. 11, 12.

189

ЦВМА, ф. 10, д. 32 765, л. 15, 16.

190

ЦВМА, ф. 10, д. 32765, л. 46.

191

Находится восточнее Новороссийска.

192

ЦВМА, ф. 83, д. 3015, л. 86.

193

ЦАМО, ф. ЧГВ, оп. 811, д. 195, л. 13.

194

ЦВМА, ф. 399, д. 37 076, л. 21

195

ЦАМО, ф. 48-А, оп. 2, д. 13, л. 177, 178.

196

ЦАМО, ф. 224, оп. 934, д. 67, л. 164, 165.

197

См.: Безыменский Л. А. Провал операции «Нептун». М., 1980. С. 46.

198

ЦВМА, ф. 109, д. 24 017, л. 109.

199

ЦАМО, ф. 319, оп. 4798, д. 47, д. 67.

200

ЦАМО, ф. 276, оп. 813, д. 64, карта.

201

См.: "Совершенно секретно! Только для командования!". С. 500.

В начале 1943 г. он использовал три подводные лодки, с мая — шесть, а также 16–20 торпедных катеров.

203

Голубая линия — главный оборонительный рубеж, созданный немецко-фашистскими войсками в 1943 г. с целью воспрепятствовать прорыву наших войск на Таманский полуостров. Рубеж протяженностью 113 км, глубиной 20–25 км включал две оборонительные полосы, ряд отсечных позиций, оборудованных системой траншей, ходами сообщений, блиндажами и другими оборонительными сооружениями. С фронта он прикрывался минными полями и проволочным заграждением в пять-шесть рядов. Плотность минных заграждений на отдельных участках достигала 2500 мин на километр фронта. Все населенные пункты и высоты, расположенные на Голубой линии, были превращены противником в сильно укрепленные узлы сопротивления и опорные пункты.

ЦАМО, ф. 224, оп. 934, д. 7, л. 267.

205

ЦАМО, ф. 48-А, оп. 2, д. 17, л. 50; ф. 132-А, оп. 2642, д. 33, л. 186.

206

ЦАМО, ф. 224, он. 932, д. 365, л. 5-11. Командование 5-й воздушной армии по приказанию командующего ВВС Красной Армии в конце апреля убыло в район Курской дуги, передав подчиненные боевые части (265 самолетов) 4-й воздушной армии.

207

ЦАМО, ф. 224, оп. 932, д. 240, л. 110.

208

ЦАМО, ф. 51, оп. 932, д. 364, л. 45.

209

"Совершенно секретно! Только для командования!". С. 526.

210

ЦВМА, ф. 109, д. 24 017, л. 22.

211

Цит. по: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 7. С. 224–225.

212

ЦВМА, ф. 55, д. 12 406, л. 10.

213

ЦВМА, ф. 109, д. 24 017, л. 73.

214

ЦВМА, ф. 109, д. 24 017, л. 76.

215

ЦВМА, ф. 109, д. 24 017, л. 76.

216

ЦВМА, ф. 10, д. 39 503, л. 143.

217

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 32–34.

218

См.: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 7. С. 231.

219

ЦВМА, ф. 79, д. 33 586, д., 27–36.

220

ЦВМА, ф. 83, д. 10 404, л. 12, 13.

221

ЦВМА, ф. 175, д. 34230, л. 48; ф. 98, д. 22675, л. 1; д. 10824, л. 29.

222

ЦВМА, ф. 175, д. 6402, л. 3.

223

БДБ — плоскодонное самоходное судно, водоизмещение около 650 т, длина 47 м, ширина 4,5 м, скорость до 14 уз.

224

ЦВМА, ф. 175, д. 6402, л. 2, 3.

225

ЦВМА, ф. 175, д. 7457, л. 3.

226

С 24 апреля полк перешел в подчинение командующего 28-й армией. ЦВМА, ф. 175, д. 10 824, л. 9.

227

ЦВМА, ф. 175, д. 10 733, л. 35 об.

228

ЦВМА, ф. 175, д. 6402, л. 4, 5.

229

ЦВМА, ф. 175, д. 6402, л. 4, 5.

230

ЦВМА, ф. 175, д. 10 824, л. 3, 4; д. 7457, л. 10.

231

ЦВМА, ф. 175, д. 10 733, л. 32 об.

232

ЦВМА, ф. 175, д. 10 733, л. 36, 36 об.

233

ЦВМА, ф. 175, д. 10 824, л. 56.

234

ЦВМА, ф. 175, д. 7457, л. 10, 11.

235

ЦВМА, ф. 175, д. 10824, л. 26–40.

236

ЦВМА, ф. 175, д. 40 235, л. 24.

237

ЦВМА, ф. 175, д. 10 824, л. 43; д. 6402, л. 42, 44.

238

ЦВМА, ф. 175, д. 34 231, л. 6, 47, 120, 121, 170, 182, 226, 228; д. 32 734, л. 79.

239

ЦВМА, ф. 175, д. 10 835, л. 8.

240

ЦВМА, ф. 175, д. 21 250, л. 1, 2; д. 10 824, л. 12, 22; д. 7457. л. 10 об., 13.

241

ЦВМА, ф. 83, д. 10404, л. 29 об.

242

ЦВМА, ф. 175, д. 7457, л. 19.

243

ЦВМА, ф. 175, д. 6402, л. 22, 23.

244

ЦВМА, ф. 175, д. 21250, л. 108–110.

245

ЦВМА, ф. 175, д. 6402, л. 39, 40.

246

ЦВМА, ф. 175, д. 6402, л. 42, 44.

247

ЦВМА, ф. 175, д. 6402, л, 48.

248

ЦВМА, ф. 175, д. 24 100, л. 72; ф. 98, д. 22 677, л. 71.

249

ЦВМА, ф. 175, д. 10 733, л. 282 об.

250

ЦВМА, ф. 175, д. 24100, д. 72., 73, д. 32 784, д. 19.

251

ЦВМА, ф. 175, д. 10 733, л. 290.

252

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. С. 28.

253

ЦВМА, ф. 175, д. 10 733, л. 287.

254

ЦВМА, ф. 175, д. 10 733, л. 291.

255

ЦВМА, ф. 175, д. 32 783, л. 23.

256

ЦВМА, ф. 175, д. 10826, л. 183–185; д. 40235, л. 22, 24, 107, 108. 113.

257

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. С. 57.

258

ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1691, д. 235, л. 39.

259

ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1166, д. 12, л. 42–48; ф. 132-А, оп. 2642, д. 34, л. 238.

260

См: История Великой Отечественной воины Советского Союза. 1941–1945. Т. 3. С. 355.

261

Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 3. С. 355.

262

ЦВМА, ф. 10, д. 17 992, л. 57.

263

ЦВМА, ф. 10, д. 17 992, л. 21, 36–39.

ЦВМА, ф. 10, д. 17 992, л. 171–180, 199.

265

ЦАМО, ф. 224, оп. 932, д. 366, л. 2.

См.: История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 7. С. 237.

267

ЦВМА, ф. 10, д. 17992, л. 205–211.

268

По приказу Ставки Верховного Главнокомандования от 15 ноября 1943 г. Северо-Кавказский фронт с 20 ноября был реорганизован в Отдельную Приморскую армию (командующий — генерал-полковник И. Е. Петров, член Военного совета — генерал-майор интендантской службы В. А. Баюков, начальник штаба — генерал-лейтенант И. А. Ласкин). Черноморский флот с 21 ноября перешел в ее оперативное подчинение.

269

ЦВМА, ф. 175, д. И 030, л. 35.

ЦАМО, ф. ОПА, оп. 9921, д. 160, д. 37–38.

271

ЦВМА, ф. 10, д. 18 300, л. 431.

272

ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2645, д. 35, л. 16, 17.

273

ЦВМА, ф. 175, д. 11 276, л. 25, 26.

См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 6. С. 215.

275

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. С. 513.